

Государственное образовательное учреждение высшего
профессионального образования “Алтайский государственный университет”

На правах рукописи

Аникин Денис Владимирович

**ИССЛЕДОВАНИЕ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ
СОСТАВИТЕЛЯ “ПОВЕСТИ ВРЕМЕННЫХ ЛЕТ”**

Специальность 10.02.01 – русский язык

Диссертация на соискание ученой степени

кандидата филологических наук

Научный руководитель –
доктор филологических наук,
профессор Л.И. Шелепова

Барнаул - 2004

Оглавление

Список условных сокращений	4
Введение	6
Глава 1 Теоретические и методологические основы исследования языковой личности составителя “Повести временных лет”	14
1. 1. Языковая личность: основные направления и результаты исследования. К изучению исторической языковой личности	14
1. 2. История текстологического изучения “Повести временных лет”. Текстологическая стратификация ПВЛ и содержащих ее летописей XIV – XVвв.	27
1. 3. Особенности “Повести временных лет” как художественного произведения культуры Древней Руси.	58
1. 4. Проблема литературного языка Древней Руси. Характер литературного языка, отраженного в анализируемых списках “Повести временных лет”.	65
1. 5. К методике моделирования языковой личности составителя “Повести временных лет”.	71
Выводы	82
Глава 2. Моделирование языковой личности составителя “Повести временных лет” и интерпретация лексических замен как результатов развития книжно-письменной традиции русской средневековой анналистики.	85
2.1. “Призвание варяжских князей в 862 (6370) г.”	85
2.1.1. Текстология и состав летописной статьи	85
2.1.2. Моделирование языковой личности	88
2.1.3. Исследование лексических замен	93
2.2. “Поход Аскольда и Дира на Греки в 866 (6374) г.”	99
2.2.1. Текстология и состав летописной статьи	99
2.2.2. Моделирование языковой личности	101
2.2.3. Исследование лексических замен	104

2.3. “Захват Киева князем Олегом в 882 (6390) г.”	106
2.3.1. Текстология и состав летописной статьи	106
2.3.2. Моделирование языковой личности	108
2.3.3. Исследование лексических замен	111
2.4. “Поход князя Олега на Царьград в 907 (6415) г.”	115
2.4.1. Текстология и состав летописной статьи	115
2.4.2. Моделирование языковой личности	116
2.4.3. Исследование лексических замен	118
2.5. “Поход князя Игоря на Византию в 944 (6449) г.”	122
2.5.1. Текстология и состав летописной статьи	122
2.5.2. Моделирование языковой личности	123
2.5.3. Исследование лексических замен	126
2.6. “Мирный договор князя Игоря 945 (6453) г.”	130
2.6.1. Текстология и язык “Договоров с Греками”	130
2.6.2. Структура летописной статьи	132
2.6.3. Моделирование языковой личности	133
2.6.4. Исследование лексических замен	135
2.7. “Крещение княгини Ольги в 955 (6463) г.”	144
2.7.1. Текстология и состав летописной статьи	144
2.7.2. Моделирование языковой личности	146
2.7.3. Исследование лексических замен	155
2.8. “Осада печенегами Белгорода в 997 (6505) г.”	159
2.8.1. Текстология и состав летописной статьи	159
2.8.2. Моделирование языковой личности	163
2.8.3. Исследование лексических замен	166
Выводы	173
Заключение	182
Литература и источники	184
Приложение 1	198
Приложение 2	200

Список условных сокращений

I. Памятники письменности

АЛ – Московская-Академическая летопись: Лаврентьевская летопись // Полное собрание русских летописей. Т.1. М., 1962.

ИЛ – Ипатьевская летопись: Ипатьевская летопись // Полное собрание русских летописей. Т.2. М., 1962.

ЛЛ – Лаврентьевская летопись: Лаврентьевская летопись // Полное собрание русских летописей. Т.1. М., 1962.

Н1Л – Новгородская первая летопись младшего извода: Новгородская 1-ая летопись // Полное собрание русских летописей. Т.3. М., 2000.

Н1Ла – Академический список Новгородской 1 летописи младшего извода Новгородской 1 летописи младшего извода

Н1Лк – Комиссионный список Новгородской 1 летописи младшего извода Новгородской 1 летописи младшего извода

Н4Л – Новгородская 4-ая летопись

НКЛ – Новгородская Карамзинская летопись

ПВЛ – Повесть временных лет

ПЛ – Погодинская летопись

РЛ – Радзивилловская летопись: Радзивилловская летопись. – СПб., 1994.

С1Л – Софийская 1 летопись старшей редакции: Софийская 1-ая летопись старшего извода // Полное собрание русских летописей. Т. 6. Вып. 1. М., 2000.

С1Лк – список Карамзина Софийской 1 летописи старшей редакции

С1Ло – список Оболенского Софийской 1 летописи старшей редакции

ХЛ – Хлебниковская летопись

II. Словари

СлДЯ XI – XIV вв. – Словарь древнерусского языка (XI – XIV вв.): в 10 т. Т. 1 – 6. М, 1988 – 2000.

СлРЯ XI – XVII вв. – Словарь русского языка XI – XVII вв. Вып. 1 – 24. М., 1975 – 1996.

Срезневский – Срезневский И.И. Словарь древнерусского языка. Т. 1 – 3. М., 1988.

III. Термины

ЯЛ – языковая личность

ИЯЛ – историческая языковая личность

ЛЗ – лексическая замена

МОО – механизм ориентации на образцы

МП – механизм пересчета

Введение

Наше исследование посвящено языковой личности (ЯЛ) составителя “Повести временных лет”.

На сегодняшний день существует огромное количество работ, посвященных “Повести временных лет” (ПВЛ), однако с точки зрения объекта исследования не наблюдается ожидаемого разнообразия, наоборот, не составляет труда разделить имеющиеся работы на две группы: 1) исследования, в которых ПВЛ представляется как целостный текст; 2) работы, привлекающие материал разночтений и акцентирующие внимание на вариативности текста памятника.

В первом случае внимание сосредоточивается на внутреннем устройстве ПВЛ, и исследователи, опуская многочисленные разночтения, рассматривают текст как некую данность. Как правило, в таких исследованиях под ПВЛ понимается либо адаптационный перевод-реконструкция Д.С. Лихачева (Повесть временных лет 1997) [Творогов 1984, с. 6], либо текст древнейшего списка “Повести временных лет” – Лаврентьевской летописи, контаминируемый, при необходимости, с чтениями Ипатьевской летописи [Лихачев 2001, с. 459]. Большинство лингвистических исследований примыкает к первой группе [Волошина 1985; Ларин 1975; Львов 1975; Мальцева 1999; Табаченко 1987; Толстой 1993 и мн. др.], что объясняется интересом языковедов к памятнику как к источнику по истории русского литературного языка древнейшей поры [Творогов 1984, с. 8]. Тот факт, что язык памятника письменности осложнен как напластованиями более поздних эпох, так и реликтами источников, исследователями игнорируется.

Для второй группы работ, напротив, характерно пристальное внимание к разночтениям списков ПВЛ. Это прежде всего труды по текстологической атрибуции и работы, использующие текстологическую методику. Как правило, текстологический анализ заключается во внешней критике текста [Лурье 1985], а к его внутреннему устройству исследователи обращаются в

том случае, когда соотношение списков не показательно. Такие построения, будучи фрагментарными, всегда предположительны и субъективны: [Кузьмин 1977; Насонов 1962; Приселков 1996 и др].

Ограничение объекта исследования как в первом, так и во втором случаях неизбежно искажает облик произведения, его историческую судьбу. Так, в первом случае история ПВЛ упрощается, вместо многослойного текста исследователями анализируется либо “основной” список (результат исторического развития текста), либо предположительная модель-перевод; во втором случае, наоборот, – усложняется: исходная посылка о сводном характере русского летописания приводит к выводу о “перекрестном влиянии” редакций ПВЛ, которые лишь частично разделяются при обращении к культурно-историческому и социально-политическому контекстам летописи – сферам догадок и предположений.

Мы полагаем, что задача совмещения внутренней и внешней критики текста ПВЛ может быть решена в исследовании ЯЛ составителя ПВЛ в рамках лингвотекстологического метода исследования с учетом методики изучения русской языковой личности, разработанной Ю.Н. Карауловым [Караулов 1987].

В настоящее время обнаруживается интерес к ЯЛ как к динамическому, развивающемуся феномену. Предпосылки данного аспекта исследования ЯЛ были обозначены Ю.Н. Карауловым, предложившим понятие общерусского языкового типа.

Одним из способов моделирования ЯЛ в развитии является изучение текстов, созданных ЯЛ различных исторических эпох. Несмотря на актуальность исследования исторических языковых личностей (ЯЛ значительно отдаленных во времени от исследователя) по текстам, подобные работы все еще единичны. Так, в рамках лингводидактического направления¹ предприняты исследования ЯЛ Петра Великого на материале эпистолярия [Гайнуллина 2001], ЯЛ Ивана Грозного на материале деловых посланий

¹ Подробнее о направлениях в изучении ЯЛ см. ниже (в параграфе 1.1.)

[Попова 2004]. Проблемным для описания исторической языковой личности (ИЯЛ) с позиций лингводидактики остается выявление своеобразного инварианта текста отдаленной эпохи, относительно которого произведения изучаемой ЯЛ могут быть рассмотрены как его вариации, отражающие специфику ЯЛ.

В русле лингвокультурологического направления изучение ИЯЛ осуществляется на материале текстов, созданных одним человеком [Бондарчук, Кузнецова 1997; Михайлова 1997], различными людьми [Михайлова, Михайлов 1999-а; Михайлова, Михайлов 1999-б; Михайлова, Михайлов 1999-в], [Киселева 2000] и на материале словарей [Вендина 2002; Михайлов 1997]. Однако изучение ПВЛ при помощи лингвокультурологических методик не представляется возможным по причине фрагментарности дошедшего до нас письменного наследия, синхронного ПВЛ, и литературной обособленности этого памятника письменности от известных произведений XII в., что в совокупности не позволяет исследовать ПВЛ как летописную вариацию культурного “фоторобота” домонгольской Руси.

На сегодняшний день продолжается поиск методов исследования ИЯЛ. Так, Л.И. Шелеповой предложена реконструкция ЯЛ книжников на основе лексических замен (ЛЗ) в текстах, сохранившихся во многих списках [Шелепова 2001], В.А. Рогожиной – при помощи анализа языковых средств реализации интенций летописца [Рогожина 2003]. Однако комплекс проблем, связанный с описанием ИЯЛ и тем более ЯЛ составителя ПВЛ – памятника, значительно отдаленного по времени от исследователя, сложного текстологически, до сих пор не решен.

Таким образом, **актуальность** диссертационной работы определяется как логикой изучения ПВЛ (обозначившейся необходимостью совмещения внешней (текстологической) и внутренней (содержательной) критики текста ПВЛ), так и общей направленностью лингвистической науки на

исследование человеческого фактора в языке, освоением антропологической парадигмы различными областями языкознания, в том числе историей языка.

Объект исследования – восемь летописей XIV – XV вв.: Лаврентьевская летопись (список 1377г.) (ЛЛ); Ипатьевская летопись (XVв.) (ИЛ); Радзивилловская (XVв.) (РЛ) и Московская-Академическая (XVв.) (АЛ) летописи; списки Карамзина и Оболенского Софийской 1 летописи старшей редакции (к. XVв.) (С1Л); а также Комиссионный (сер. XVв.) и Академический (40-е гг. XVв.) списки Новгородской 1 летописи младшего извода (Н1Л).

Предметом исследования является ЯЛ составителя ПВЛ в контексте развития книжно-письменной традиции русского летописания.

Материалом исследования служат избранные тексты памятника письменности: “Призвание варяжских князей в 862 (6370) г.”, “Захват Киева князем Олегом в 882 (6390) г.”, “Поход князя Олега на Царьград в 907 (6415) г.”, “Поход Аскольда и Дира на Греки в 866 (6374) г.”, “Поход князя Игоря на Византию в 944 (6449) г.”, “Мирный договор князя Игоря 945 (6453) г.”, “Осада печенегами Белгорода в 997 (6505) г.”, “Крещение княгини Ольги в 955 (6463) г.”

Цель исследования – выявить в ходе сопоставления различных этапов развития книжно-письменной традиции летописания особенности, характеризующие ЯЛ составителя ПВЛ.

Достижение поставленной цели предполагает решение следующих **задач**:

1. Разработать методику и алгоритм описания ЯЛ составителя ПВЛ в контексте книжно-письменной традиции летописания.

2. В соответствии с требованиями лингвистической текстологии стратифицировать текст ПВЛ и определить место используемых летописей XIV – XV вв. в генеалогической схеме летописания с опорой на работы текстологов; выявить особенности ПВЛ как литературного произведения русского средневековья; охарактеризовать язык летописей, содержащих ПВЛ.

3. На основе сопоставления избранных сообщений в летописях, восходящих к книжно-письменной традиции (групповой ЯЛ летописцев-соавторов) ПВЛ, и летописях, сохранивших предшествующую ПВЛ летописную традицию (а также в реконструируемых источниках летописных сообщений), определить особенности, характеризующие деятельность составителя ПВЛ.

4. С помощью исследования ЛЗ в летописях XIV – XV вв. определить сохранность письменного наследия ЯЛ составителя ПВЛ – компонента книжно-письменной традиции, вариативно передаваемого данными летописными сводами. Типизировать выявленные ЛЗ как приметы исторического развития книжно-письменной традиции, восходящей к ПВЛ, в соответствии с уровнями организации ЯЛ (ЛЗ лексикона, тезауруса, прагматикона).

Методы исследования. В работе используются лингвотекстологический, сравнительно-исторический, сравнительно-текстологический методы, метод статистических подсчетов (частотный анализ осуществляется при помощи компьютерных программ Word Tabulator v2.2.1. [Word Tabulator 1999 – 2002] и TextAnalyst 2.01 [TextAnalyst 1997 – 1999]), методика исследования ЯЛ и приемы моделирования повествовательного архетипа (свертывание текста на основе перефразирования).

В качестве лексикографической базы и справочного материала используются Словарь русского языка XI – XVII вв. (СлРЯ XI – XVII вв.), Словарь древнерусского языка (XI – XIV вв.) (СлДЯ XI – XIV вв.), Словарь древнерусского языка И.И. Срезневского (Срезневский), Частотный словарь и словоуказатель О.В. Творогова [Творогов 1984], реконструкции текста ПВЛ А.А. Шахматова [Шахматов 1916], [Шахматов 2001], Д.С. Лихачева, Д. Островского [Ostrowski 2003], текстологические комментарии О.В. Творогова [Творогов 1976], а также электронные базы текстов Святого Писания: Славянская Библия 1.0. [Славянская Библия 2003] и Цитата из Библии 5.0. [Цитата из Библии 2003].

Научная новизна обусловлена тем, что впервые производится моделирование ЯЛ составителя ПВЛ в рамках лингводидактического направления изучения ЯЛ, моделирование осуществляется на фоне как предшествующей летописному своду, так и последующей книжно-письменной традиции летописания; разработана методика исследования ЯЛ составителя ПВЛ с учетом текстологического соотношения летописей, а также стратификации ПВЛ; на материале ЛЗ в списках летописных сводов XIV – XV вв. впервые описаны и типизированы тенденции развития летописной традиции в соответствии с тремя уровнями организации ЯЛ (лексикон, тезаурус и прагматикон).

Теоретическая значимость исследования. Результаты диссертации значимы для изучения ЯЛ в историческом аспекте. В работе предлагается при изучении ИЯЛ использовать в качестве инварианта, относительно которого возможно показать специфику ЯЛ составителя ПВЛ, понятие книжно-письменной традиции летописания. При моделировании тезауруса ЯЛ в диссертации применяется понятие тезаурусной стратегии, образуемой совмещением повествовательного архетипа (сюжетной схемы) летописного рассказа и частотных, повторяющихся лексем, что позволяет показать индивидуальное, присущее только данной ЯЛ наполнение традиционной сюжетной схемы. Использование понятия тезаурусной стратегии дает возможность охарактеризовать частотные лексические доминанты без отрыва от повествования.

Практическая значимость исследования. Выводы и материалы работы могут быть использованы в спецкурсах по истории русского литературного языка, лингвотекстологии и лингвокультурологии, а предложенный в исследовании путь анализа – при изучении ИЯЛ.

Апробация работы. Основные положения и результаты исследования были представлены на четвертой краевой молодежной научно-практической конференции “Молодежь в XXI веке” (г. Рубцовск Алтайского края, 2002); Всероссийской научно-практической конференции “Естественная

письменная русская речь: исследовательский и образовательный аспекты” (г. Барнаул, 2003 г.); Всероссийской конференции, посвященной 70-летию Барнаульского государственного педагогического университета “Филология: XXI в. (теория и методика преподавания) (г. Барнаул, 2003 г.); Международной научной конференции “Славянская филология: история и современность” (г. Барнаул, 2004 г.), на заседаниях аспирантского семинара кафедры общего и исторического языкознания Алтайского государственного университета (2003, 2004 гг.). Диссертация обсуждена на кафедре общего и исторического языкознания (2004 г.). Основные результаты исследования отражены в 4 опубликованных работах общим объемом 1,25 п. л., 2 статьи сданы в печать.

Положения, выносимые на защиту:

1. Исследование ЯЛ составителя ПВЛ должно производиться с учетом устойчивой во времени книжно-письменной традиции.

2. ЯЛ составителя ПВЛ была переработана предшествующая летописная книжно-письменная традиция, что проявляется в организации летописных статей ПВЛ по единой тезаурусной стратегии, их прагматическом устройстве.

3. Выявленные в исследованных летописных статьях ЛЗ свидетельствуют о сохранении в летописных сводах черт, характеризующих литературную деятельность ЯЛ составителя ПВЛ в рамках следования книжно-письменной традиции летописания (групповой ЯЛ летописцев-сводчиков).

Структура работы. Диссертация состоит из введения, двух глав, заключения, списка использованных сокращений, списка литературы и источников, двух приложений. В первой главе исследование ЯЛ составителя ПВЛ вписывается в контекст изучения ИЯЛ; в соответствии с текстологическими, литературными и языковыми особенностями памятника письменности предлагается путь исследования ЯЛ составителя ПВЛ в контексте развития книжно-письменной традиции летописания; на основе обзора ряда работ рассматриваются литературные (традиционность,

литературный этикет, церемониальность и пр.) и языковые (употребление определенных языковых единиц как признаков книжности) проявления книжно-письменной традиции, раскрывается природа данного явления (механизм ориентации на образцы); согласно принципу комплексности лингвотекстологического анализа определяется культурно-исторический контекст ПВЛ, идейная основа, смысловая организация и характер языка этого летописного свода. Во второй главе осуществляется анализ избранных летописных известий по восьми летописям XIV – XV вв. В ходе сопоставления книжно-письменной традиции, восходящей к ПВЛ, и традиции источников этого летописного свода (по избранным погодным статьям) обозначаются инновации, характеризующие деятельность составителя ПВЛ на фоне развития летописной традиции. На материале ЛЗ летописных известий по возможности определяется сохранность письменного наследия ЯЛ составителя ПВЛ, а также рассматриваются трансформации ЯЛ составителя ПВЛ как элемента групповой ЯЛ летописцев (устойчивой во времени книжно-письменной традиции летописания) в летописях XIV – XV вв.

Глава 1

Теоретические и методологические основы исследования языковой личности составителя “Повести временных лет”

1. 1. Языковая личность: основные направления и результаты исследования. К изучению исторической языковой личности

Обращение к исследованию ЯЛ в отечественной лингвистике связано с именем В.В. Виноградова, выработавшего на материале художественной литературы пути описания ЯЛ автора и персонажа. Сам термин ЯЛ был впервые употреблен в публикации В.В. Виноградова “О художественной прозе” [Иванцова 2002, с. 4].

В настоящее время понятие ЯЛ достаточно хорошо разработано в российской лингвистической науке (Ю.Д. Апресян, Г.И. Берестнев, Г.И. Богин, В.Г. Гак, Ю.Н. Караулов, М.В. Китайгородская, Н.Н. Розанова, В.И. Шаховский,) [Леонтович 2002]. В многочисленных трактовках ЯЛ, появившихся в 80-90 гг. XX в., различимы два магистральных направления: лингводидактика и лингвокультурология. Лингводидактический и лингвокультурологический подходы различаются путями описания ЯЛ. Лингводидактику отличает “крупный” масштаб при описании ЯЛ (в центре внимания находится индивид как совокупность речевых способностей). Для лингвокультурологии, напротив, характерен “мелкий” масштаб при описании ЯЛ: предметом исследования становятся “национально-культурный прототип носителя определенного языка...” [Воркачев 2001], собирательный культурно-исторический образ [Бабурина 1997] – “Языковая личность существует в пространстве культуры, отраженной в языке, в формах общественного сознания на разных уровнях (научном, бытовом и др.), в поведенческих стереотипах и нормах, в предметах материальной культуры и т.д. Определяющая роль в культуре принадлежит ценностям нации, которые являются концептами смыслов” [Маслова 2001, с. 118 – 119]. Таким образом, если в первом случае ЯЛ представляется совокупностью ипостасей, в

которых индивид воплощается в языке, то во втором – совокупность индивидов составляет образ ЯЛ.

Лингводидактический подход к ЯЛ в трудах современных исследователей восходит к взглядам Г.И. Богина. Г.И. Богин предложил модель ЯЛ, согласно которой под ЯЛ понимается : “человек, рассматриваемый с точки зрения его готовности производить речевые поступки” [Богин 1980, с. 3]. Лингводидактическое направление разрабатывается по преимуществу на современном, синхронном материале, поэтому для его сторонников характерно внимание к отношению: языковая норма – речевая реализация [Ейгер, Раппорт 1992; Еремеева 1991; Агибалов] (приложение 1.1.). В русле лингводидактического направления разработал методику реконструкции и дал определение ЯЛ Ю.Н. Караулов в монографии “Русский язык и языковая личность”: ЯЛ – “совокупность способностей и характеристик человека, обуславливающих создание и воспроизведение им речевых произведений (текстов), которые различаются а) степенью структурно-языковой сложности, б) глубиной и точностью отражения действительности, в) определенной целевой направленностью...”[Караулов 1987, с. 3].

Наиболее полно научные представления Ю.Н. Караулова нашли практическое воплощение в его труде “Активная грамматика и ассоциативно-вербальная сеть”, где язык “как речевая способность говорящего на нем индивида” был определен в качестве одного из трех образов естественного языка наряду с языком “как совокупностью текстов” и языком “как системно-структурным образованием” [Березин 2000, с. 16].

Для лингводидактики долгое время оставалось проблемным вычленение материального носителя ядерного для данного направления понятия речевой способности, что было успешно решено Ю.Н. Карауловым, определившим материальным аналогом языковой способности ассоциативно-вербальную сеть языка, которая выражается в ассоциативном тезаурусе [Березин 2000, с. 16].

Лингвокультурология как область лингвистических исследований сложилась также в конце 70-х гг. XX вв. для решения задачи представления данных о стране и культуре изучаемого языка при помощи филологической методики преподавания. Предметом лингвокультурологии является связь “язык – культура – этнос”, которая рассматривается на материале словаря: “Лингвокультурология изучает национально-культурную семантику языковых единиц с целью понимания их во всей полноте содержания и оттенков, в степени, максимально приближенной к их восприятию носителями данного языка и данной культуры” [Воробьев 2002].

Как специальная область науки лингвокультурология возникла в 90-е годы XX в. В настоящее время лингвокультурология – это “гуманитарная дисциплина, изучающая воплощенную в живой национальный язык и проявляющуюся в языковых процессах материальную и духовную культуру” [Маслова 2001, с. 29]. Выделяются следующие школы лингвокультурологии:

1) школа лингвокультурологии Ю.С. Степанова, описывающая константы культуры в диахроническом аспекте; верификация их содержания проводится на материале текстов разных эпох;

2) школа Н.Д. Арутюновой, исследующая универсальные термины культуры, извлекаемые из текстов разных времен и народов;

3) школа В.Н. Телия, исследующая языковые сущности с позиции рефлексии носителя живого языка с помощью имитации речедетельностных ментальных состояний говорящего;

4) исследующая безэквивалентную лексику школа лингвокультурологии, созданная В.В. Воробьевым, В.М. Шаклеиным и др., развивающими лингвострановедческую концепцию Е.М. Верещагина и В.Г. Костомарова [Маслова 2001, с. 29].

Ю.Н. Караулов ввел понятие ЯЛ в широкий научный обиход и предложил уровневую модель ЯЛ. Данная модель ЯЛ оказалась востребованной и

лингводидактическим, и лингвокультурологическим¹ подходами, так как представляет собой некий обобщенный тип личности, тогда как множество конкретных личностей могут быть рассмотрены как ее вариации. Методика Ю.Н. Караулова дала возможность изучения ЯЛ с различной степенью обобщения, что предопределило развитие исследований структуры ЯЛ по пути построения аспектных моделей [Богачева 2003]. Так, на сегодняшний день существует множество аспектов изучения ЯЛ, определяющих различные статусы ее существования: “полилектная (многочеловеческая) и идиолектная (частночеловеческая) личности (В.П. Нерознак), этносемантическая личность (С.Г. Воркачев), элитарная ЯЛ (О.Б. Сиротинина, Т.В. Кочеткова), семиологическая личность (А.Г. Баранов), русская ЯЛ (Ю.Н. Караулов), ЯЛ и речевая личность (Ю.Е. Прохоров, Л.П. Клобукова), ЯЛ западной и восточной культур (Т.Н. Снитко), словарная ЯЛ (В.И. Карасик), эмоциональная ЯЛ (В.И. Шаховский)” [Маслова 2001, с. 119], диалектная ЯЛ [Иванцова 2002], ЯЛ “средневекового человека” [Вендина 2002] и пр.

В настоящее время возрастает интерес к ЯЛ как к динамическому, развивающемуся феномену. Исследование ЯЛ в данном аспекте было предложено Ю.Н. Карауловым, разработавшим понятие общерусского языкового типа². Возможны два пути исследования ЯЛ в развитии: с помощью протяженного во времени ассоциативного эксперимента, а также с помощью исследования текстов ЯЛ разных исторических эпох. В первом случае может использоваться метод наращивания ассоциативных цепей³ или

¹ Ср.: “...языковая личность – это многослойная и многокомпонентная парадигма речевых личностей...” [Маслова 2001, с.117]; но: “лингвокультурная личность – закрепленный в языке (преимущественно в лексике и синтаксисе) базовый национально-культурный прототип носителя определенного языка, составляющий вневременную и инвариантную часть структуры личности” [Маслова 2001, с.120].

² “Под общерусским языковым типом будем понимать такие системно-структурные черты языкового строя, которые, будучи пронесены через историческое время и эволюционируя в нем... некоторым инвариантным образом преломляются в сознании носителя языка и позволяют ему ... опознать “русскость” какого-то текста, той или иной фразы, конструкции или отдельного слова. ...Понятие общерусского языкового типа мертво без включения в него языковой личности, но одновременно теряет смысл также и вне системы и эволюции” [Караулов, 1987, с.138].

³ Метод наращивания ассоциативных цепей впервые был применен на материале русского языка в ходе “киевского эксперимента” при изучении структуры ассоциативных связей между словами в лексиконе человека, и на материале английского языка при создании “ассоциативного тезауруса” [Агибалов].

метод вербального ассоциативно-частотного ряда, восходящий к трудам А.Н. Леонтьева и Р.М. Фрумкиной, обнаружившей иерархическую упорядоченность слов в идеолексиконе в соответствии с частотой их встречаемости в речевом опыте человека [Агибалов]. Во втором случае изучение ЯЛ неизбежно ограничивается исследованием вербального ассоциативно-частотного ряда, зафиксированного в письменных источниках.

Несмотря на то, что исследование ЯЛ на материале письменных источников в сравнении с ассоциативным экспериментом значительно сужает объем извлекаемых в ходе анализа сведений о ЯЛ (“таким путем надежно восстанавливается только состав идиолексикона, но не его структура” [Караулов 1987, с. 103]), данный способ исследования ЯЛ представляется более чистым (так как любая анкета навязывает испытуемому модель поведения при ассоциировании, которая “искажает характер отражаемого в эксперименте фрагмента ассоциативно-семантической сети” [Караулов 1987, с. 103]), а при исследовании ЯЛ иной исторической эпохи – и единственно возможным.

ЯЛ, принадлежащую иной исторической эпохе, мы называем ИЯЛ. В рамках лингводидактического направления исследования ЯЛ существуют опыты описания конкретной ЯЛ, значительно отдаленной во времени от исследователя, на основе текстов. Так, Н.И. Гайнуллиной предпринято исследование ЯЛ Петра Великого на материале эпистолярия [Гайнуллина 2001]; О.В. Поповой осуществлена на материале деловых посланий реконструкция ЯЛ Ивана Грозного [Попова 2004]. Указанные работы отвечают установке лингводидактики на системное описание идиолектов.

Проблемным для описаний ИЯЛ в рамках лингводидактического направления остается выявление “нормативного для отдаленной исторической эпохи текста”, своеобразного инварианта, относительно которого изучаемая ЯЛ рассматривается как его реализация. Так, для решения указанной задачи О.В. Поповой при поиске индивидуальных особенностей стиля Ивана Грозного (определении особенностей

функционирования в посланиях монарха единиц различных уровней языковой системы как компонентов стиля Ивана Грозного) используются приметы эпистолярного жанра, типичные для писем XVI в. [Попова 2004, с. 4]. Н.И. Гайнуллиной в качестве инварианта, позволяющего установить “основные лингвистические формы ... индивидуальной реализации в конкретных исторических условиях” ЯЛ Петра Первого используются представления о “смене культурно-исторических парадигм конца XVII — начала XVIII в.”, а также сведения о характере литературного языка данной исторической эпохи (для интерпретации “индивидуальных пристрастий Петра Первого” в выборе языковых единиц из “базовых возможностей русского языка своего времени” [Гайнуллина 2001, с. 41]).

В русле лингвокультурологического направления изучение ИЯЛ осуществляется на материале текстов, созданных одним человеком, различными людьми и на материале словарей. Так, Н.С. Бондарчук и Р.Д. Кузнецова предприняли исследование ЯЛ купца М. Тюльпина (1762 – 1823) гг. на лексико-семантическом и синтаксическом уровнях в семасиологическом, ономасиологическом и прагматическом аспектах. Исследователи рассматривают идиолексикон составителя летописи как отражение языка эпохи, преломленное в ЯЛ М. Тюльпина [Бондарчук, Кузнецова 1997]. Исследование ИЯЛ на материале словарей с помощью моделирования лексико-семантических полей¹ было предложено А.В. Михайловым: “в качестве модели древнерусского сознания по письменным источникам превосходно может служить словарь, желательнее с указанием количества словоупотреблений и относительной частотностью” [Михайлов 1997]. Примером реконструкции ИЯЛ с помощью полевого структурирования на материале словаря служит работа Т.И. Вендиной [Вендина 2002], моделировавшей ЯЛ “средневекового человека” на материале Словаря старославянского языка под ред. Р.М. Цейтлин.

¹ “Сферические представления помогают исследователю ощутить систематическую взаимопроникновенность структур сознания, мышления, языка и текстов... Структурность отражается в привязке словесно выраженных конструктов (текстовых, сознания) к определенным сферам – границам” [Михайлов 1997].

Произведение письменности всегда ограничено жанрово, идейно-тематически, стилистически и пр. Указанные ограничения неизбежно отражаются на реконструируемом облике ИЯЛ, являющейся “результатом объективации личности в пространстве письма” [Попова 2004, с. 3], то есть неким отпечатком личности в тексте, во многом обусловленным характером привлекаемого для анализа письменного источника. Поэтому на основе письменного произведения не представляется возможным ни составить национально-культурный “фоторобот” эпохи, ни показать специфику созданного ЯЛ литературного памятника в контексте эпохи.

Специфическими ограничениями обладает и реконструкция ИЯЛ по словарям, так как словари отражают лексическое богатство древнерусского языка фрагментарно, а “в отрыве от текста... высокочастотные слова... не образуют ярко выраженных семантических объединений” [Караулов 1987, с. 123]. Собственно говоря, лексикографический способ исследования оправдывается трудоемкостью исследования ИЯЛ по текстам, которое предполагает их пословный анализ, а также отсутствием программного инструментария для лингвистической интерпретации текстов. Очевидно, что обращение к моделированию ЯЛ на базе словаря обусловлено приоритетным использованием статистических методов при моделировании естественного языка, хотя, в целом, применение статистических моделей на сегодняшний день не представляется перспективным [Невзорова 1997, с. 25].

Слабая эффективность этнолингвистического направления (разновидностью которого является лингвокультурологический подход) при исследовании ПВЛ показана В.В. Долговым [Долгов 2001] на примере статьи Н.И. Толстого “Этническое самопознание и самосознание Нестора Летописца, автора “Повести временных лет” [Толстой 1993]. Лингвокультурологический анализ, оперируя совокупностью словарных единиц, нивелирует роль разночтений – следов исторического развития текста, гетерогенная по происхождению летопись рассматривается как целостное произведение.

Намного успешнее задача реконструкции ЯЛ отдаленной исторической эпохи в лингвокультурологии решается привлечением ряда произведений, примером чего служат работы Т.В. Михайловой и А.В. Михайлова [Михайлова, Михайлов 1999-а; Михайлова, Михайлов 1999-б; Михайлова, Михайлов 1999-в] в которых исследовательским материалом служит ряд произведений XV – XVII вв. Так, в работе “Использование эмоциональных смыслов для выражения оценочных значений в Повестях Смутного Времени XVII века” [Михайлова, Михайлов 1999-б] исследователями осуществлен анализ эмоциональных смыслов высказываний как компонентов тезаурусного устройства, в ходе которого авторы определили, что в текстах Смутного Времени “описание эмоций есть не столько описание психического состояния субъекта, сколько выражение оценки через описание степени его приближения к Всевышнему, крепости его веры и связи его с Богом” [Михайлова, Михайлов 1999-б]. В работе “Древнерусские текстуальные средства воздействия на общественное сознание в аспекте отношения к царской власти (XV-XVII вв.)” Т.В. Михайлова и А.В. Михайлов исследовали “стратегии символического конструирования” древнерусских текстов, что дало возможность описать прагматическое устройство произведений XV-XVII вв. и моделировать идеологию Московского государства [Михайлова, Михайлов 1999-а]. Исследователями были выявлены следующие идеологемы Московского государства: богоизбранность Русской земли, направленность на собирание Руси, богоустановленность княжеской власти, соборность; описан образ идеального князя: отсутствие отрицательных качеств (беспорочность), созидательная деятельность, устремленность к горнему, древность и непрерывность династии, смиренность (как добродетель простого мирянина) [Михайлова, Михайлов 1999-в].

Моделирование ЯЛ отдаленных исторических эпох в сравнении с исследованием ЯЛ Нового времени имеет свою специфику. Анализ неизбежно ограничен рамками письменных источников, которые

представляют литературное богатство древности фрагментарно. Поэтому для сохранения принципа целостности описания исследование ИЯЛ в рамках лингводидактического направления должно осуществляться на материале одного памятника письменности, который по объективным причинам является единственным источником её изучения [Шелепова 2001, с. 210], либо совокупности памятников, обладающих общностью жанра, регистра, школы письменности в лингвокультурологии.

Итак, лингвокультурологическое изучение ПВЛ возможно лишь при ее сопоставлении с другими летописями. Подобный анализ был предпринят Н.И. Толстым в работе “Тема библейского происхождения славян у славянских хронистов XII – XVIII вв. [Толстой 1995, с. 5 – 12], в которой исследователь на основе анализа славянских хроник пришел к выводу, что в славянских хрониках запечатлена сформировавшаяся мифологическая (библейская) картина этногенеза славян. В мифологических представлениях хронистов об этногенезе отразилось исторически укрепившееся сознание славян “об их единстве и об их приверженности и сопричастности к мировой культуре, одним из прообразов которой была библейская культура и традиция” [Толстой 1995, с. 12]. В русской анналистической традиции ПВЛ известна по многим летописным сводам, однако представлена как их идейное и повествовательное ядро, относительно стабильное во времени. Поэтому ПВЛ не может быть рассмотрена на фоне устойчивого культурного “фоторобота”, запечатленного в летописном жанре, так как сама лежит в основе отечественной летописной традиции.

Таким образом, ЯЛ составителя ПВЛ не представляется возможным рассмотреть в русле лингвокультурологического направления: ЯЛ составителя ПВЛ не сводима к совокупности идиолектов летописцев (так как положена в основу дошедших летописных сводов), фрагментарность дошедшего до нас письменного наследия, синхронного ПВЛ, не позволяет исследовать ПВЛ как летописную вариацию культурного “фоторобота”

домонгольского периода развития древнерусского государства (приложение 1.1.).

При изучении ЯЛ составителя ПВЛ с позиций лингводидактического направления не требуется обращения к литературному окружению ПВЛ, так как выполняющий функцию инварианта “нормативный текст” является составляющей ЯЛ составителя ПВЛ – книжно-письменной традицией анналистического направления средневековой историографии¹(приложение 1.1.). С другой стороны, остается проблематичным вычленение книжно-письменной традиции, относительно которой ЯЛ составителя ПВЛ может быть рассмотрена как ее реализация. Основной преградой на пути подобной реконструкции является традиционность искусства средневековья: искусство Средних веков “...стремится выразить коллективные чувства, коллективное отношение к изображаемому. Отсюда многое в нем зависит не от творца произведения, а от жанра, к которому это произведение принадлежит. Автор в гораздо меньшей степени, чем в новое время, озабочен внесением своей индивидуальности в произведение. Каждый жанр имеет свой строго выработанный образ автора, писателя, “исполнителя”. ...Традиционность художественного выражения настраивала читателя или слушателя на нужный лад. Те или иные традиционные формулы, жанры, темы, мотивы, сюжеты служили сигналами для создания у читателя определенного настроения. Стереотип ... входил в самую суть художественной системы средневековой литературы. ...” [Лихачев 1979].

В настоящее время продолжается поиск способов вычленения из книжно-письменной традиции источника ЯЛ его создателей. Так, В.А. Рогожиной для выявления образа автора ПВЛ было предложено исследование языковых средств реализации интенций летописца: “Не имея возможности высказать свое истинное отношение к происходящему, летописец должен был передать свое мнение через субъект речи, присутствие которого в тексте и целевую

¹ Для церковнославянского языка в качестве организующего (стабилизирующего) начала признается не норма (в современном понимании этого термина), а традиция [Панин 1995, с. 185]. Вслед за Л.Г. Паниным под традицией понимаем “...совокупность стратиграфических ...и жанровых “отсылок” языка. Традиция была предопределена ориентацией книжности на образцовые тексты ...” [Панин 1995, с. 185].

установку эксплицирует интенциональность – содержательная категория, отражающая коммуникативное намерение субъекта речи. ...Базовыми языковыми средствами реализации намерений летописца являются те, при помощи которых в высказывании отражается “присутствие” субъекта текста. Интенциональность тесно связана с такими семантическими категориями языка, как оценка, эмотивность и субъективность [Рогожина 2003, с. 170 – 171].

Иной путь изучения ИЯЛ был предложен Л.И. Шелеповой. При пословном исследовании списков Есиповской летописи автор сосредоточил внимание на характеристике групповой ЯЛ книжников, переписывавших и изменявших летопись на протяжении XVII в., с помощью ЛЗ: “Решение вопроса об организации (модели) языковой личности в древние периоды возможно путем анализа текстов, сохранившихся в нескольких списках, ибо та или иная лексическая замена, допущенная книжником (писцом, автором, редактором) при переписывании текста есть индивидуальная реакция его (книжника) на стимул – образец протографа” [Шелепова 2001, с. 211]. Таким образом, при моделировании ИЯЛ снимается необходимость в реконструкции “нормативного для книжно-письменной традиции исследуемого произведения текста”. В качестве инварианта предстает текст протографа, а выявленные ЛЗ позволяют судить о принадлежности книжника к той или иной школе письменности, диалектной группе, охарактеризовать индивидуальные особенности словоупотребления летописца. Подобный анализ возможен вследствие жесткой традиционности “письменного языка старшей поры”, для которого была характерна каноничность, ритуальность текстов и подражательность, “возведенная в идеал” [Михайловская 1980, с.124].

При всех преимуществах данный метод малоприменим к ПВЛ, так как уже на этапе становления ПВЛ не обладала однородностью, но представляла собой, как это было доказано А.А. Шахматовым, летописный свод [Шахматов 2001-б, с. 860]. Так как в ПВЛ обнаруживается “наличие четырех

слоев, а значит и четырех летописцев (Никона, Ивана, Нестора и Сильвестра), то говорить о языковой личности на основе всего летописного текста будет некорректно. В этом случае мотивационный уровень может быть представлен неоднородными, иногда даже взаимоисключающими целеустановками...” [Рогожина 2003, с.170].

Таким образом, реконструкция книжно-письменной традиции ПВЛ представляется самостоятельной задачей, которая может быть решена при помощи текстологической стратификации летописи, произведенной А.А. Шахматовым, выявившим в составе ПВЛ предшествующие ей летописные своды, определившим их характер и состав [Шахматов 2001-а].

Поэтому в ЯЛ составителя ПВЛ выделяем два компонента: 1) групповой, представленный книжно-письменной традицией русского летописания и 2) личностный, который реализуется в многочисленных разночтениях и представляет собой вклад летописца – создателя ПВЛ в развитие книжно-письменной традиции летописания (вариант инварианта книжно-письменной традиции).

Итак, для описания ЯЛ составителя ПВЛ нами осуществляется реконструкция книжно-письменной традиции летописания (групповой ЯЛ летописцев). На основе текстологической реконструкции ПВЛ, предложенной А.А. Шахматовым, производится моделирование книжно-письменной традиции (групповой ЯЛ) собственно ПВЛ и ее источников. При сопоставлении групповой ЯЛ источников и групповой ЯЛ ПВЛ нами выявляются индивидуальные особенности, привнесенные в летописную книжно-письменную традицию на этапе составления ПВЛ. При сопоставлении летописных сводов XIV – XV вв. (на материале ЛЗ) мы определяем преемственность инноваций, привнесенных составителем ПВЛ, в летописных сводах последующих веков, а также определяем характер развития книжно-письменной традиции.

Наше исследование находится в русле лингводидактического направления изучения ЯЛ. В лингводидактике путь исследования ЯЛ на материале одного

произведения намечен Ю.Н. Карауловым в монографии “Русский язык и языковая личность” [Караулов 1987]. Методика Ю.Н. Караулова предполагает апелляцию к “нормативному тексту”, относительно которого интерпретируемый текст рассматривается как его “реализация”, отражающая специфику ЯЛ. Отделенные веками от создателей “Повести временных лет”, мы не владеем “нормой” минувших времен. Однако, невозможная на пословном уровне реконструкция ИЯЛ вполне осуществима при обращении к текстологической атрибуции на уровне погодных сообщений, относительно которых и интерпретируются уже реально дошедшие чтения того или иного списка. Такой анализ возможен благодаря иерархическому устройству выделяемых Ю.Н. Карауловым уровней ЯЛ. Вот почему при исследовании “Повести временных лет” мы избрали именно эту методику. Итак, вслед за Ю.Н. Карауловым под ЯЛ (с учетом особенностей, характеризующих ИЯЛ) понимаем “совокупность способностей и характеристик человека [*группы писцов – Д. А.*], обуславливающих создание и воспроизведение им [*ими*] речевых произведений [*текстов*], которые различаются а) степенью структурно-языковой сложности, б) глубиной и точностью отражения действительности, в) определенной целевой направленностью...”[Караулов 1987, с. 3]. В качестве исторического аналога речевой способности нами используется понятие языковой компетенции книжника, которая проявлялась при создании (редакторской правке, переписывании) письменного произведения в обращении книжника к образцовым текстам того же (или иного [Живов 1996, с. 31]) жанра, если срабатывал “механизм ориентации на образцы”, или в переработке сложившейся традиции в силу нестандартности содержания создаваемого текста относительно имеющихся образцов, когда доминировал механизм пересчета [Живов 1996, с. 25 – 26].

Предлагаемый нами путь исследования невозможен без текстологической атрибуции летописных сводов, содержащих ПВЛ, текстологической реконструкции предыстории ПВЛ и учета особенностей ПВЛ как

произведения литературы Древней Руси, чему посвящаем последующие параграфы данной главы диссертационного исследования.

1. 2. История текстологического изучения ПВЛ. Текстологическая стратификация ПВЛ и содержащих ее летописей XIV – XV вв.

В противоположность печатному тексту Нового времени, гомогенному по атрибутам авторства, времени и места создания, средневековый текст предстает во множестве вариантов (списков), сохранивших следы (разночтения) своей многовековой истории, всегда является плодом сотворчества многих переписчиков и редакторов – “коллективного автора”. Поэтому лингвистическому исследованию ПВЛ должна предшествовать текстологическая атрибуция летописи.

На значении текстологической атрибуции при изучении памятников древней письменности на примере ПВЛ заострил внимание О.В. Творогов: без текстологической базы любая работа, посвященная анализу памятника древней культуры, оказывается на зыбкой почве, теряет аргументарную силу, так как получаемые в ходе исследования выводы напрямую зависят от привлекаемого объема источников и их текстологического соотношения [Творогов 1984, с. 8 – 10].

История возникновения русского летописания привлекала внимание не одного поколения исследователей. Начало научного изучения летописания связано с именами В.И. Татищева (1686 – 1750) и А. Шлецера (1735 – 1809). А Шлецер, зачинатель критического изучения древнерусского летописания, стремился реконструировать первоначальный текст Нестора при помощи методов классической критики текста (путем очищения текста от позднейших искажений на основе стемматической группировки списков ПВЛ) [Гиппиус 2002, с. 64]. Уже в XIX в. не вызывало сомнений, что летописи были сводами, причем дошедшие летописные своды сохранили лишь малую часть историографического наследия Древней Руси [Кузьмин 1977, с. 15]. Летописание представлялось единым вековым деревом, а его

основателем считался Нестор.¹ Указанные представления нашли воплощение в обзоре И.И. Срезневского “Древние памятники русского письма и языка” [Срезневский 1861-а, -б]. И.И. Срезневский начало летописания относил к периоду до 986 г. (создание Начальной летописи Русской) и считал, что данная летопись заключала в себе “замѣтки о событіяхъ до смерти Святослава” [Срезневский 1861-а, с. 8], ограниченные тематически: “въ Содержаніе этой лѣтописи вошли краткія замѣтки о событіяхъ, почти исключительно военныхъ” [Срезневский 1861-а, с. 9]. На основе “перечня лет” составление “Повести временных лет” И.И. Срезневский отнес к 1114 – 1115 гг. и выделил источники ПВЛ: “Повѣсть временныхъ лѣтъ” оканчивается 6618 = 1110 годомъ, и заключаетъ въ себѣ не только повременныя замѣтки о событіяхъ, взятыя частью изъ прежнихъ лѣтописей, частью изъ лѣтописей Греческихъ и изъ преданій, но и много вставочныхъ статей, между прочимъ и актовъ, давая знать, что существовали на Руси во времена ея написанія и нѣкоторые другіе важныя памятники...” [Срезневский 1861-б, с. 86].

В XIX в. текстологические и лингвистические исследования летописей носили характер наблюдений, использовалась лишь возможность текстологического разложения летописных текстов на отдельные элементы для вычленения их источников. Выявленные “подлинные” таким способом первоисточники использовались как историко-лингвистический материал (метод “расшифровки” [Лурье 1976 с.5]). Такова работа М.П. Погодина “О Поученіи Мономаховомъ”, в которой автор задался целью определить время и место написания, состав и историю создания “Поучения Владимира Мономаха”, сопоставить сведения “Поучения...” с летописными известиями [Погодин 1861, с. 234 – 244]. М.П. Погодин одним из первых обратил внимание на то, что летопись является композиционной и идейной основой вставных сообщений.

¹ Свообразным итогом данного направления изучения ПВЛ стало издание, осуществленное А.Ф. Бычковым в 1872 г. [Ostrowski 2003].

В 1896 – 1897 гг. было опубликовано описание языка ПВЛ по Лаврентьевскому списку, осуществленное Н.П. Некрасовым [Некрасов 1896, с. 832 – 927]. Исследователем были описаны особенности графики, орфографии и морфологии списка, на основе которых Н.П. Некрасов установил, что на указанных уровнях в Лаврентьевской летописи запечатлены различия в узуальном употреблении первого и второго переписчиков. Выводы исследователя не утратили актуальности и по сей день, так как нивелируют роль подобных разночтений при текстологической стратификации ПВЛ.

Принципиально новый этап в изучении русских летописей связан с именем академика А.А. Шахматова (1864 – 1920). А.А. Шахматов в начале XX в. при помощи сравнительно-исторического метода филологического исследования создал гипотезу о составе, источниках и редакциях ПВЛ (приложение 2.1.). Результаты исследований А.А. Шахматова были изложены в работах “Разыскания о древнейших русских летописных сводах” [Шахматов 2001-а], “Повесть временных лет” [Шахматов 1916] и “Обозрение русских летописных сводов XIV – XVI вв.” [Шахматов 1938].

На основе вставок, обнаруживаемых в составе ПВЛ (четвертая месь Ольга, договоры русских князей и пр.) при сопоставлении основных списков ПВЛ и Новгородской первой летописи младшего извода (а также Новгородской четвертой и Софийской первой летописей)¹ А.А. Шахматов сделал вывод о том, что в составе Н1Л сохранился текст более древний, чем в ПВЛ, так как Н1Л не могла быть простым сокращением ПВЛ. В ней нет ни единой выписки из Хроники Георгия Амартола, договоров с Греками, текст не разорван вставками – такому систематическому сокращению летопись не могла быть подвергнута. Летописец, составивший ПВЛ, расширил свод

¹ “Все списки П. временных лет можно разделить на два главных семейства, сообразно с данными помещенных в них хронологических таблиц, где указано число лет между главными событиями всемирной и русской истории. В первом семействе списков (сюда относятся Лаврентьевский, Ипатьевский и сходные с ними списки) хронологическая таблица помещена под 852 годом и последним событием в ней названа смерть вел. князя Святополка Изяславича, относящаяся к 1113 г. Во втором семействе (списки летописей Софийских, Новгородской 4-й) таблица читается под 883 г., при чем последним указан калкский бой (1223 г.)...” [Шахматов 1999].

многими материалами, почерпнутыми из различных источников, и довел до своего времени. Этот свод, положенный в основу ПВЛ и НІЛ был назван “Начальным”. Дальнейшие исследования А.А. Шахматова показали, что в составе Начального свода (на основе мотивного и композиционного анализов) также различимы вставки, указывающие на наличие еще более ранних сводов.

Древнейший Киевский летописный свод был датирован А.А. Шахматовым 1037 – 1039 гг., его составление исследователь приурочил к постройке Софийского храма в Киеве. Этот свод, по предположениям А.А. Шахматова, возник на основе переводных греческих хроник и местного фольклорного материала и характеризовался прославлением Ярослава Мудрого. На основании вычленяемых сообщений новгородского происхождения исследователь предположил наличие Новгородской летописи, созданной в 1036 г. Согласно А.А. Шахматову, на основе Новгородской летописи и Древнейшего Киевского свода в 1050 г. возник Древнейший Новгородский свод. В 1073 г. Никоном в Киево-Печерском монастыре составляется вобравший материал Древнейшего Киевского свода Киево-Печерский свод (Древнейший Киевский свод 1039 года в редакции 1073 года), распространенный записями событий после смерти Ярослава Мудрого в 1054 г.

На основе свода Никона 1073 г. и Древнейшего Новгородского свода 1050 г. в 1095 г. создается Начальный свод, дополненный материалами греческого хронографа, выписками из Паремейника, устными рассказами Яна Вышатича и житием Антония Великого, а также сообщениями, заимствованными из областного (Новгородского и Черниговского) летописания. Это был первый общерусский летописный свод.

На материале Начального свода и была создана ПВЛ. Первая редакция ПВЛ, датируемая 1113 г., доводит повествование до 1111 г. и приписывается А.А. Шахматовым монаху Киево-Печерского монастыря Нестору. Перерабатывая Начальный свод, Нестор откорректировал хронологическую

сеть летописи, расширил и углубил идейную базу летописи – ввел ее в рамки традиционной христианской историографии. Вторая редакция была создана в 1116 г. игуменом Выдубицкого монастыря Сильвестром, переработавшим повествование о событиях конца XI – начала XII вв. в интересах великого князя Владимира Мономаха (первая редакция отражала интересы политического противника Владимира Мономаха Святополка Изяславича, умершего в 1113 г.). Третья редакция (1118 г.), созданная духовником Мстислава Владимировича, продолжала повествование до 1117 г.

Текст первой редакции до нас не дошел. Вторая редакция отразилась в Лаврентьевской, Радзивилловской и Академической летописях, а также утраченной в 1812 г., но реконструированной М.Д. Приселковым Троицкой летописи. Третья редакция, по мнению А.А. Шахматова, лучше всего сохранилась в Ипатьевской группе летописей. Редакции ПВЛ на протяжении веков неоднократно пересекались и дошли до сегодняшнего дня в смешанном виде: известные летописи не представляют редакции в чистом виде, а лишь отражают (в той или иной степени) вторую или третью редакции.

Будучи последовательным эволюционистом,¹ А.А. Шахматов стремился к пословному восстановлению каждого из предполагаемых им сводов. Так, в “Разысканиях о древнейших русских летописных сводах” [Шахматов 2001-а] им были реконструированы Древнейший Киевский свод 1039 г. в редакции 1073 г. и Новгородский свод 1050 г. с продолжениями до 1079 г., а в “Повести временных лет” [Шахматов 1916] – текст первой редакции ПВЛ с указанием частей, восходящих к Начальному своду. Сама возможность подобной реконструкции базируется на эволюционистской модели:

¹ Эволюционизм А.А. Шахматова наиболее наглядно проявляется в его понимании характера литературного языка Древней Руси и его исторического преобразования – обрусения церковнославянского языка под воздействием русской речевой практики: “Наш письменный язык по своему происхождению и в своих основаниях оказывается...древнеболгарским. Его словарный состав и даже грамматические формы обличают до сих пор его иностранное происхождение”, “...уже в XI в. произошло ...преобразование древнеболгарского языка, это претворение его в русский литературный язык...”, “... в иной диалектической среде, этот язык подвергался дальнейшим изменениям, приспособляясь к местному наречию того или иного центра ...”, “Реформы Петра ...проложили путь к освобождению [литературного языка –Д. А.] от церковнославянского ига” [Шахматов -в].

ветвеобразное древо развития (генеалогическая схема), стволom которого являются сходные части летописей (протографы), а ответвлениями – расходящиеся элементы (редакции, изводы, списки). Эволюционизм подтолкнул А.А. Шахматова к привлечению всего доступного материала. Труды А.А. Шахматова отличались не только полнотой охвата, но и комплексностью рассмотрения материала, а также особым вниманием к структурным различиям (“необратимым соотношениям” [Лурье 1976, с. 7]). Однако на практике оказалось, что подобных разночтений либо слишком мало, либо они дают противоречивые результаты (перекрестные влияния второй и третьей редакций ПВЛ). Поэтому для уточнения реконструкций А.А. Шахматов вынужден был обратиться к идеологической расшифровке летописей (прагматическому анализу): “Въ связи съ вопросомъ о происхожденіи ...лѣтописи должны быть разсмотрѣны двѣ лѣтописныя статьи... Въ нихъ слышится голосъ современника о событіяхъ, поразившихъ его своею жгучею дѣйствительностью; разсуждая о нихъ, онъ раскрываетъ свою душу, прибѣгая при этомъ то къ энергическому обличенію, то къ жесткой насмѣшкѣ. Рѣдко проскакиваютъ подобныя мѣста въ дошедшія до насъ лѣтописи: ихъ стирала рука переписчиковъ, уже чуждыхъ тѣхъ страстей, которыя волновали современниковъ, ихъ умышленно изгоняли редакторы официальныхъ сводовъ” [Шахматов 1903, с. 80].

Схема истории древнего летописания А.А. Шахматова была хорошо аргументирована фактическим материалом, однако вскоре были предложены альтернативные реконструкции истории создания ПВЛ. Так, В.М. Истрин, используя шахматовский принцип изучения текста в составе включающего его произведения и всего рукописного окружения, предложил реконструкцию, согласно которой ПВЛ была составлена в два приема: первая редакция относится к 1054 г., а вторая – к 1113 г. По мысли В.М. Истрина, первая редакция ПВЛ возникла вследствие распространения “Хронографа по Великому изложению” (славяно-русского перевода Хроники Георгия Амартола, произведенного на митрополичьей кафедре св. Софии

переводчиками Ярослава Мудрого в 30 – 40 годах XI в.) рассказами из русской истории. Первая редакция сохранилась в Лаврентьевской и Ипатьевской летописях до 1054 г., но не имела вводной части и “Сказания о начале Печерского монастыря”. На протяжении XI в. ПВЛ дополнялась описанием событий после 1054 г., но редакционные изменения в текст не вносились. Вторая редакция возникла после смерти Святополка в 1113 г. Ее автором был Нестор, продолживший повествование до смерти Святополка и добавивший обширное историософское введение. Вторая редакция сохранилась в Лаврентьевской летописи. Труд Нестора был переписан в 1116 г. Сильвестром, который и поставил свое имя как переписчик [Еремин 1987, с. 44]. В.М. Истрин считал, что новгородские летописцы сократили текст ПВЛ и, таким образом, в новгородском летописании мы находим не текст, предшествовавший ПВЛ, но восходящий к ней [Творогов 1985, с. 157]. Построения В.М. Истрина были отвергнуты последователями А.А. Шахматова, так как “возражения...исходили из неполного числа фактов и не принимали в расчет всей аргументации А.А. Шахматова в целом” [Лихачев 1979]. Сомнения в существовании Начального свода высказывались (на основе наблюдений за хронологической сетью летописных сводов) и А.Г. Кузьминым: “Новгородская первая летопись дает не версию Повести временных лет и не новгородскую запись, а особую традицию...” [Кузьмин 1977, с. 236].

Последователями А.А. Шахматова (М.Д. Приселков, А.Н. Насонов, М.Н. Тихомиров) при воссоздании генеалогии летописания был абсолютизирован прием идеологической интерпретации письменных памятников: “Исследователь не сойдет с правильного пути, если будет изучать процесс развития русского летописания в связи с общим ходом общественного развития” [Насонов 1962, с. 50]. Использование идеологической интерпретации позволяло рассматривать разночтения как “областные” идеологические варианты моделируемого инварианта общественно-политических реалий той или иной эпохи [Насонов 1962, с. 501]. Ярчайшим

примером текстологического анализа такого рода служат труды М.Д. Приселкова [Приселков 1996]. И.П. Еремин подверг справедливой критике образ летописца, предложенный М.Д. Приселковым: “Проженный политик, хитрый дипломат, в руках которого история – послушный материал, из которого можно сделать что угодно – такой летописец у М.Д. Приселкова...”, он умышленно придумывает факты, искажает содержание [Еремин 1946, с. 37]. Согласно наблюдениям И.П. Еремина, летописец, напротив, руководствуется христианской философией истории, которая представляет собой арену борьбы добра и зла, эксплицированную в событиях человеческой истории [Еремин 1946, с. 43 – 45].

Изменения, привнесенные М.Д. Приселковым в методику реконструкции летописных сводов А.А. Шахматова, проявляются в иной логике построения научной работы. Если для трудов А.А. Шахматова характерно движение от первичного определения “основных сводов” (реконструируемых на материале дошедших летописей) к их сличению с другими “основными сводами”, на основе которого делался вывод об их протографах, составе и источниках, то М.Д. Приселковым в “Истории русского летописания XI-XV вв.” был использован противоположный способ расположения материала: от более древних сводов к более поздним [Приселков 1996].

Безусловно, анализ прагматического устройства имеет решающее значение для определения судьбы памятника письменности, особенно если перед нами летописи – произведения официальной литературы. Однако второстепенное внимание к текстовой организации реконструируемых произведений неизбежно приводит к множественной интерпретации того или иного летописного фрагмента. Более того, не всегда возможно найти “зацепку” (пять – шесть примет [Лихачев 2001]) на прагматическом уровне, тем более при исследовании древнейшей эпохи русского летописания, где ПВЛ в подавляющем большинстве чтений не имеет соответствий в иных памятниках письменности.

Малочисленность примет прагматического характера побуждала текстологов к привлечению данных культурологического и литературоведческого порядка, что предполагало обращение к внутренней форме повествования. Однако текстологи исходили из приоритета прагматического (мотивационного) анализа, что зачастую обесценивало весьма тонкие наблюдения над внутренним устройством летописей. Так, А.Н. Насоновым была предпринята реконструкция истории создания ПВЛ на фоне общественно-исторического процесса становления древнерусского государства [Насонов 1962], но сам процесс становления Русской земли был ранее реконструирован исследователем в основном на летописном материале в историко-географической работе 1951 года “Русская земля” и образование территории древнерусского государства” [Насонов 2002]. То же можно сказать и о работах другого выдающегося исследователя русского летописания М.Н. Тихомирова. На основе анализа текстологических построений А.А. Шахматова и М.Д. Приселкова, а также наблюдений над содержанием летописных сообщений списков ПВЛ исследователь предположил, что древний летописец использовал источники времен Ярополка и Владимира (X в.) [Тихомиров 1979-а, с. 27]. В ходе прагматического анализа повествования древнейшим слоем летописи М.Н. Тихомировым было названо внелетописное сказание о первых русских князьях, объединяющее летописные сообщения начальной части ПВЛ тенденциозным изложением событий войны полян с древлянами [Тихомиров 1979-б, с. 58].

Внимание к “филологической” стороне реконструкции выгодно отличает труды А.А. Шахматова от работ М.Д. Приселкова и М.Н. Тихомирова. Обращение текстологов к использованию приемов историко-литературного исследования (впрочем, при доминировании прагматического анализа) связано с именами Я.С. Лурье [Лурье 1970], О.В. Творогова [Творогов 1970] и Д.С. Лихачева [Лихачев 1979]. На данном пути этапным стал сборник трудов “Истоки и судьбы русской беллетристики” [Лурье 1970, с. 30].

Требования многоуровневости исследования текста при текстологической интерпретации произведения письменности были постулированы Д.С. Лихачевым: “Текстология как самостоятельная наука, а не сумма приемов к изданию текста, близка литературоведению, не может обходиться без его выводов, требует всестороннего подхода к тексту. Все эти принципы, к которым постепенно практически приходят советские текстологи, по-новому обосновывают и развивают шахматовский принцип целостного изучения рукописной традиции” [Лихачев 2001, с. 57]. Приемы историко-литературного анализа были использованы Д.С. Лихачевым в созданной им гипотезе возникновения начального русского летописания и составления ПВЛ [Лихачев 1979]: автором производятся ценные наблюдения над содержанием, сюжетной организацией летописных статей и их источников, литературным этикетом средневекового летописца. Однако идейной основой реконструкции все же выступает общественно-политическая ситуация в Древней Руси XI – XII вв. Выдвинутая исследователем гипотеза представляет собой уточнения гипотезы А.А. Шахматова, так, например, Д.С. Лихачевым отвергается возможность существования “Древнейшего Киевского свода” 1039 г. (приложение 2.2.).

Д.С. Лихачев связал историю возникновения летописания с политической борьбой, которую пришлось вести Киевскому государству в 30-50-е годы XI столетия против территориальных и религиозных притязаний Византийской империи. Византия стремилась превратить русскую церковь в свою политическую агентуру, что угрожало самостоятельности древнерусского государства. Притязания империи встречали активный отпор великокняжеской власти, боровшейся за политическую и религиозную самостоятельность Руси. Особого напряжения борьба Руси с Византией достигла в середине XI в. Великому киевскому князю Ярославу Мудрому удалось поднять политический авторитет древнерусского государства. Так, в 1039 г. Ярослав добился учреждения в Киеве митрополии. Тем самым Византия признала известную самостоятельность русской церкви, хотя во

главе ее оставался митрополит-грек. Кроме того, Ярослав добивался канонизации Ольги, Владимира и своих братьев Бориса и Глеба, убитых Святополком в 1015 г.

В 1050 г. политическая борьба Руси с Византией перешла в вооруженное столкновение: Ярослав послал войска на Константинополь во главе со своим сыном Владимиром. Хотя поход Владимира Ярославича закончился поражением, Ярослав в 1051 г. возвел на митрополичий престол русского священника Иллариона. В этот период борьба за самостоятельность охватывает все области культуры Киевской Руси, в том числе и литературу.

Д.С. Лихачев указывает, что летопись складывалась постепенно, в результате возникшего интереса к историческому прошлому родной земли и стремления сохранить для будущих потомков значительные события своего времени.

Исследователь предполагает, что в 30-40-е годы XI в. по распоряжению Ярослава Мудрого была произведена запись устных народных исторических преданий, которые Д.С. Лихачев называет “Сказания о первоначальном распространении христианства на Руси”. В состав “Сказаний...” входили предания о крещении Ольги в Царьграде, о смерти двух мучеников-варягов, об испытании вер Владимиром и его крещении. Эти предания носили антивизантийский характер.

Д.С. Лихачев предполагает, что “Сказания...” были записаны книжниками киевской митрополии при Софийском соборе. Константинополь не был согласен с назначением на митрополичью кафедру русского Иллариона, и в 1055 г. его место занял грек Ефрем. “Сказания...”, носившие антивизантийский характер, не получили здесь дальнейшего развития.

Центром русского просвещения, оппозиционно настроенным против митрополита-грека, с середины XI в. становится Киевско-Печерский монастырь. Здесь в 70-х годах XI в. происходит оформление русской летописи. Составителем этой летописи был Никон. Он использовал “Сказания...”, дополнил их устными историческими преданиями,

рассказами очевидцев (воеводы Вышаты) и сведениями о событиях современности.

Под влиянием пасхальных хронологических таблиц, составлявшихся в монастыре, Никон придал своему повествованию форму погодных записей. В созданный около 1073 г. свод он включил большое количество сказаний о первых русских князьях, их походах на Царьград. Им же была использована и легенда о походе Владимира в 988 г. на Корсунь.

Свод 1073 г. получил резко выраженную антивизантийскую направленность. Никон придал летописи политическую и историческую широту, патриотический пафос, что сделало это произведение выдающимся памятником древнерусской литературы. Свод осуждал княжеские усобицы, подчеркивал роль народа в защите Русской земли от внешних врагов.

После смерти Никона работа над летописью продолжалась в Киево-Печерском монастыре. Здесь велись погодные записи о текущих событиях, которые затем были обработаны и объединены неизвестным автором в Свод 1093 г. (Начальный свод). Этот свод продолжал пропаганду идей единства Русской земли, начатую Никоном. В этом своде резко осуждаются княжеские преступления, а князья призываются к борьбе со степными кочевниками.

Начальный свод имел особое название: «Временник, еже нарицается летописець русских князь и како избра бог страну нашу на последнее время, и гради почаша быти по местом...» [Н1Л, с. 103]. Текст предисловия Начального свода дошел до нас в новгородских летописях (Новгород в XII в. выигрывал от ослабления княжеской власти, но он страдал от поборов, конфискаций, вир, которыми князья облагали население. Поэтому новгородцы сохранили в предисловии упреки князьям в «несытстве», но устранили все, что относилось к слабости князей: критику их междоусобий и плохой обороны Русской земли).

Составитель свода ставит четкие публицистические задачи: примером прежних князей исправить нынешних. Автор Начального свода привлекает рассказы Яна Вышатича, использует греческую историческую хронику

Георгия Амартола, что позволяет ему включить историю Руси во Всемирную.

В 1098 г. великий киевский князь Святополк Изяславич примиряется с Киево-Печерским монастырем: “Святополк начинает поддерживать печерское летописание, и княжеская поддержка поднимает авторитет печерских летописцев. Политическое значение летописи хорошо осознавалось Святополком, и он сделал все, чтобы летопись не походила более на антикняжеский свод 1093 г., а служила бы в первую очередь его целям” [Лихачев 1979]. Поэтому, в интересах Святополка на основе Начального свода монахом Нестором в 1113 г. создается первая редакция ПВЛ. Сохранив идейную направленность предшествующего свода, Нестор выдвигает идею княжеского братолюбия (по примеру Бориса и Глеба) и стремится всем ходом исторического повествования убедить русских князей покончить с усобицей. Под пером Нестора летопись приобретает официальный характер.

Святополк, поставленный Нестором в центр повествования о событиях 1093-1111 гг., не имел большой популярности в обществе того времени. После его смерти великим киевским князем стал в 1113 г. Владимир Мономах. Понимая политическое и юридическое значение летописи, он передал ее в ведение Выдубицкого монастыря, игумен которого Сильвестр по поручению великого князя в 1116 г. составил вторую редакцию “Повести временных лет”, где на первый план была выдвинута фигура Мономаха: подчеркиваются его заслуги в борьбе с половцами и в установлении княжеского братолюбия. В 1118 г. в том же Выдубицком монастыре неизвестным автором была создана третья редакция “Повести временных лет”. В эту редакцию было включено “Поучение Владимира Мономаха”, а изложение доведено до 1117 г.

Как было указано нами выше, опора на общественно-политический контекст не является надежным критерием текстологического анализа, прежде всего потому, что он сам нуждается в реконструкции (на основе

произведений письменности) и зависит от исторических представлений интерпретатора. Указанная особенность отечественной текстологической школы позволила Б.А. Рыбакову предложить иную концепцию происхождения летописания [Рыбаков 1963], основанную на политическом противоборстве Киева и Новгорода.

Анализируя текст Начальной русской летописи, Б.А. Рыбаков предположил, что краткие погодные записи стали вестись в Киеве с появлением первого христианского духовенства при княжении Аскольда (с 867 г.). В конце X столетия, в 996-997 гг., был создан “Первый Киевский летописный свод”, который обобщил разнородный материал кратких погодных записей и устных сказаний. Этот свод был создан при Десятинной церкви, в его составлении приняли участие Анастас Корсунянин - настоятель собора, епископ Белгородский и дядя Владимира, Добрыня. Свод давал первое историческое обобщение жизни Киевской Руси и завершался прославлением Владимира. Летопись донесла до нас придворные оценки, так как была связана с книжной культурой, дружинным эпосом и архаичными народными сказаниями.

Разделяя точку зрения А.А. Шахматова о существовании Новгородского свода 1050 г., Б.А. Рыбаков считает, что эта летопись была создана при участии новгородского посадника Остромира. “Остромирова летопись” датируется 1054-1060 гг. и характеризуется направленностью против Ярослава Мудрого и наемников-варягов. В ней акцентируется героическая история Новгорода и прославляется деятельность “новгородских” князей Владимира Святославича и Владимира Ярославича. Эта летопись носила светский характер и выражала интересы новгородского боярства.

Б.А. Рыбаков выдвигает гипотезу об активном личном участии Владимира Мономаха в создании второй, Сильвестровой, редакции. Третью редакцию ПВЛ исследователь связывает с деятельностью его сына Мстислава Владимировича, который пытался противопоставить Киеву Новгород.

Таким образом, в отечественной текстологической традиции “вопрос о начальном этапе русского летописания, о составе, источниках “Повести временных лет” является весьма сложным и далеко не решенным. Несомненно, однако, то, что “Повесть временных лет” - результат большой сводческой редакторской работы, обобщивший труд нескольких поколений летописцев” [Кусков 1998].

Для отечественной текстологической школы, восходящей к трудам А.А. Шахматова, характерна различная степень убедительности отдельных элементов предлагаемой исследователями схемы истории летописания. Часть построений является общепринятой в текстологической науке, а часть звеньев, реконструируемых разными авторами, – полемичной (данная особенность и предопределила наличие ряда конкурентных реконструкций истории летописания). Ядром современных представлений об истории летописания в отечественной текстологии остается концепция русского летописания, сложившаяся у А.А. Шахматова и откорректированная М.Д. Приселковым. Схему, обобщающую наблюдения А.А. Шахматова и М.Д. Приселкова и их вклад в формирование общих представлений об истории летописания, предложил Я.С. Лурье в работе “Схема истории летописания”: “Для того, чтобы читателю было ясно, какие именно соотношения и определения сводов, данные в этой схеме, вызвали обоснованные возражения и были отвергнуты А.Н. Насоновым и другими учеными за последние десятилетия, мы отмечаем такие спорные соотношения...пунктиром, а спорные определения даем в прямых скобках” [Лурье 1990, с.189] (приложение 2.3.).

Обобщением наработок отечественной текстологической школы вообще стала созданная Я. С. Лурье “Генеалогическая схема летописей XI – XVI вв.” [Лурье 1985-а] (приложение 2.4.). Представления, оказавшиеся спорными¹ в

¹ Больше всего возражений вызывают начальные звенья истории летописания. Именно здесь у дошедшего до нас текста ПВЛ (как и у I Новгородской летописи) нет соответствия с другими параллельными текстами. В работах текстологов вызвала сомнение гипотеза о Древнейшем своде 1037 года (Д.С. Лихачев), оспаривались гипотезы о своде Никона 1073г. и о своде Ивана 1093г. (Начального свода) (В.М. Истрин, А.Г.

отечественной текстологической традиции, были опущены в данной стемме: “Генеалогическая схема указывает на основные взаимоотношения названных летописей (предполагаемые связи отмечены пунктиром), на существование у них общих протографов. Но гипотетических определений, датировок и названий этих сводов-протографов мы в стемме не даем, ибо определения эти ...часто условны и в ряде случаев могут быть пересмотрены. Убедительно установленными являются лишь сами связи между разбираемыми летописями: исследователь, который захочет объяснить эти связи иначе ...не может просто игнорировать их, а обязан предложить альтернативную схему, которая способна объяснить взаимоотношения между ними не менее убедительно” (рис. 4) [Лурье 1985-а, с. 195]. Очевидно, бесперспективность сугубо прагматического анализа на основе представлений о общественно-историческом окружении летописей выразилась в отказе от анализа содержания вообще.¹ Реконструкцию истории русского летописания, предложенную Я.С. Лурье, А.А. Гиппиус назвал осторожно скептической: “Последняя точка зрения исходит из признания единственным инструментом текстологического анализа внешнего сравнения летописных текстов”; отказ от исследования внутренней структуры текста (“содержательных противоречий, нарушений последовательности изложения, грамматической и смысловой связности текста”) значительно уменьшает инструментарий текстолога [Гиппиус 2001, с. 162 – 163].

Общепринятая в отечественной текстологической традиции схема становления ПВЛ и основных этапов летописания представляется спорной в

Кузьмин). Спорными представляются некоторые построения, относящиеся уже к истории самой ПВЛ, так как первоначальный текст ее до нас не дошел. Определение дошедших версий в ЛЛ, РЛ (и сходных с ними) как второй редакции (1116г.), а версии ИЛ как третьей редакции (1118г.) так же вызывает сомнения: высказывалось мнение, что лучше первоначальный текст сохранился именно в ИЛ, а в ЛЛ и исходных с нею летописях представлен сокращенный вариант (О.В. Творогов). Спорны конкретные определения и датировки Владимировских сводов конца XII – начала XIII в.в. Так, Я.С. Лурье считает, что предположение Полихрона 1418 – 1422г.г. и Свода 1448г. едва ли необходимы, а предположение о “Летописце великом русском”, отразившемся и на великокняжеском летописании начала XVв., и на великокняжеских сводах 70-х годов XVв., не подкрепляется материалом [Лурье, 1985-а, с. 191-192] и т. п.

¹ Принципы такого “непредвзятого” отношения к источнику, когда его комплексный анализ подменяется вычленением “фактического материала” были изложены Я.С. Лурье в статье “О путях доказательства при анализе источников (на материале древнерусских памятников)” [Лурье 1985-б].

западной славистике. Так, А. Тимберлейком высказываются сомнения в авторстве Нестора и его роли в становлении ПВЛ: “It is not at all certain that Nestor was the chronicler before 1113, or that the *nachal'nyj svod* marks a change in scribes. Rather, a single anonymous scribe was active continuously from the death of Igumen Nikon (1088) through the transfer of Igumen Theoktist (1112). It was this scribe who, among other things, gave shape to the Boris and Gleb myth and introduced the theme of divine retribution for man's multitudinous sins (1068, 1092, 1093, 1096). The first redaction of the *Povest' vremennyx let* in 1113 may have been written by Nestor, but it owes at least as much to the scribe of the *nachal'nyj svod*” [Timberlake]. Д. Островским составление ПВЛ приписывается Сильвестру: “The *PVL* may have been compiled initially by Sil'vestr, the hegumen of St. Michael's Monastery in Vydobichi (Vydubychi), a village near Kiev (Kyiv), in 1116 [Ostrowski -б].

Ряд наблюдений западных славистов заслуживает пристального внимания. Так, абсолютизированный в отечественной текстологии принцип комплексности, предполагающий привлечение всего доступного материала, отнюдь не является таковым: привлечение новой рукописи может легко перевернуть устоявшееся соотношение летописных сводов. Западных исследователей отличает большая последовательность в следовании текстологической методике (которая, впрочем, достигается ограничением привлекаемого материала), их реконструкции базируются на выстроенном генеалогическом дереве рукописей (А.А. Шахматовым, несмотря на наличие скрупулезно созданной схемы летописания, реконструкция первоначальных чтений осуществлялась преимущественно по смыслу и контексту).

В настоящие дни не прекращается полемика между сторонниками классической критики текста и сравнительно-текстологического метода. Так, представления отечественной текстологической традиции о принципах текстологической интерпретации и издательской деятельности американской критики текста изложил В.Б. Крысько на примере издания текста Пуятиной

minei в ежегоднике *Palaeoslavica* под редакцией А.Б. Страхова [Крысько 1999, с. 223].

Д. Островский с позиций критики текста, обозначенной Д.С. Лихачевым как “механистический анализ западной филологии”, оспаривает сами основы текстологической реконструкции ПВЛ и содержательность отечественной текстологии как науки: “In Russia, the principles of textology developed almost exactly the reverse of those of textual criticism. Thus, longer, fuller readings tended to be accepted over shorter, elliptical readings. Smoother readings tended to be accepted over rougher readings. The editor tended to “correct” the text either with or without variant support from other copies in an attempt to create an exemplar that was without error. ...And the stemma was seen not as a tool for editing the text, but merely as a possible way to represent the relationship of the copies” [Ostrowski 2003, с. XLVIII].

Стемма Д. Островского базируется на стемме С.А. Бугославского (приложение 2.5.) и является ее развитием: исследователем в генеалогическую схему привнесены элементы контаминации, связывающие между собой списки, принадлежащие различным ветвям традиции (Хлебниковская летопись (ХЛ) контаминируется с ЛЛ-ТЛ-РЛ-АЛ (Лаврентьевская + Троицкая + Радзивиловская + Академическая), а Лаврентьевская (ЛЛ) с протографом Новгородской 1 летописи (Н1Л). С.А. Бугославский возможность критической реконструкции текста обосновал устойчивостью в передаче текста ПВЛ основными списками, из чего заключил, что степень контаминации списков ПВЛ была сильно преувеличена А.А. Шахматовым, а редакторская работа средневекового летописца – модернизирована.

Схему Д. Островского отличает от стеммы С.А. Бугославского отказ от привлечения к анализу Софийско-Новгородской группы летописей (С1Л, Н4Л, НК) как летописей, не обладающих значением для реконструкции (приложение 2.6.). Исследователь ограничивается привлечением Лаврентьевской (ЛЛ), Ипатьевской (ИЛ), Радзивиловской (РЛ),

Академической (АЛ), Хлебниковской (ХЛ), Погодинской (ПЛ) (для заполнения лакун Хлебниковского списка ПВЛ) летописей; списков Новгородской Первой летописи младшего извода (Н1Л): Комиссионного, Академического и Толстовского, а также реконструированной М.Д. Приселковым Троицкой летописи (ТЛ).

Вслед за С.А. Бугославским Д. Островский отказывается видеть в Н1Л отражение более раннего, чем ПВЛ, свода и считает, что в Н1Л отражен “новгородский извод”, который передает текст ипатьевской ветви ПВЛ в сокращенном виде, однако запечатлевает ипатьевскую редакцию в виде более раннем, чем дошедший в ИЛ и ХЛ. Н1Л занимает важное место в гипотезе А.А. Шахматова, так как служит (как звено, предшествующее ПВЛ) критерием выбора между ЛЛ-РЛ-АЛ и ИЛ-ХЛ. Отнесение Н1Л к ипатьевской вариации ПВЛ приводит к выводу о вторичности чтений ЛЛ-Н1Л.

Предложенная Д. Островским схема истории текста ПВЛ была критически рассмотрена А.А. Гиппиусом и встретила серьезные возражения исследователя. На основе ряда примеров А.А. Гиппиус показал бóльшую доказательную силу гипотезы А.А. Шахматова. Исследователем были отвергнуты предложенные С.А. Бугославским и принятые Д. Островским доказательства старшинства ЛЛ-РЛ-АЛ в чтениях, где Н1Л совпадает с ИЛ-ХЛ и аргументация вторичности общих чтений ЛЛ и Н1Л (контаминация) при тождестве чтений РЛ-АЛ=ИЛ, которая объясняется А.А. Гиппиусом влиянием протографа типа ИЛ-ХЛ на протограф РЛ-АЛ [Гиппиус 2002, с. 79]. Исследователем показано значение летописей Новгородско-Софийской группы (С1Л, Н4Л, НКЛ) для реконструкции первоначального текста ПВЛ: НКЛ-С1Л-Н4Л помогают распознать отклонения протографа РЛ-АЛ от ЛЛ-ТЛ-РЛ-АЛ, а “в отдельных случаях, там, где исходный текст был независимо и по-разному искажен в ЛЛ и РЛ-АЛ/ИЛ-ХЛ именно НКЛ-С1Л-Н4Л оказывается единственным носителем первоначального чтения” [Гиппиус, с. 84].

Неоспоримым достоинством предложенного Д. Островским издания ПВЛ является совмещение полных параллельных текстов различных редакций, а также привлечение наряду с собственной альтернативных реконструкций А.Ф. Бычкова, А.А. Шахматова и Д.С. Лихачева, среди которых последовательно стемматическая реконструкция, предложенная исследователем, занимает обозначившуюся лакуну восстановления ПВЛ на основе принципов критики текста. Использование компьютерного набора в сочетании с формально-логическими приемами критики текста позволили алгоритмизировать тексты привлекаемых списков и предопределили начало текстологического анализа ПВЛ при помощи компьютерной техники именно на стемме Д. Островского [Birnbauм 1999].

Другой современной стеммой, альтернативной гипотезе А.А. Шахматова, является генеалогическая схема Л. Мюллера [Гиппиус 2002]. На основе ограниченного количества привлекаемых рукописей (шесть полных основных списков ПВЛ: ЛЛ, РЛ, АЛ, ТЛ, ИЛ, ХЛ) исследователь задался целью отразить на немецком языке оригинал ПВЛ в редакции Сильвестра 1116 г. В отличие от А.А. Шахматова, отдававшего предпочтение спискам второй редакции (ЛЛ-ТЛ-РЛ-АЛ) (несмотря на обнаруженные им следы многочисленных влияний на вторую редакцию со стороны третьей редакции (ИЛ-ХЛ)), Л. Мюллером ЛЛ-ТЛ-РЛ-АЛ и ИЛ-ХЛ рассматриваются как две независимые друг от друга ветви летописной традиции, которые обладают одинаковым значением для восстановления архетипа, восходящего к ПВЛ и созданного, по мысли исследователя, после 1125 г. Данный архетип конструируется на ошибках и заведомо вторичных чтениях, общих для всех основных списков.

Недостатком реконструкции Л. Мюллера представляется исключение из стеммы новгородского летописания (Н1Л и Новгородско-Софийской группы летописей: Н1Л, С1Л, Н4Л, НКЛ), которое позволяет реконструировать чтения более ранние, чем содержащиеся во всех шести основных списках ПВЛ. Ограничение привлекаемого количества летописей приводит к

заведомому упрощению генеалогической схемы и придает реконструкции известную условность. Несомненным новаторством и неоспоримым достоинством реконструкции Л. Мюллера является представление восстанавливаемого текста не на древнерусском, а в переводе на немецкий язык, что предполагает не пословную реконструкцию древнего (утраченного) текста, но смысловую: “... на уровне смысла, в абстрагировании от с трудом поддающихся восстановлению особенностей языка оригинала, задача реконструкции содержит в себе значительно меньше элементов условности и принципиально более разрешима” [Гиппиус 2002, с 64].

В настоящее время в отечественной текстологической науке, с одной стороны, продолжается заполнение отдельных лакун в истории русского летописания, обнаруживаемых в общепринятой генеалогической схеме русских летописей, с другой – ведется активный поиск новых методик текстологической интерпретации. Примером исследования, выполненного в русле текстологической методики, предложенной А.А. Шахматовым и детально разработанной Д.С. Лихачевым, является работа Т.Л. Вилкула, посвященная выяснению деталей соотношения текстов ИЛ и ЛЛ в 40—50 годы XII в. [Вилкул 2003]. “Идеологический” (на основе общественно-политического контекста эпохи) анализ летописной статьи ПВЛ за 1043 г. (Поход на Византию Ярослава Мудрого) по С1Л и Н4Л представлен в статье В.Г. Брюсовой “Русско-Византийские отношения середины XI века” [Брюсова].

В последние десятилетия в текстологических работах в целом наметился интерес к содержательной структуре исследуемых источников. Так, Б. Зотовым, исследующим “Слово о полку Игореве”, отмечается, что окончательная атрибуция древних произведений письменности (например, определение авторства) возможна лишь при ответе на вопросы: “...содержатся ли в них проявления поэтического видения мира, склонность к историческим примерам и аналогиям, к использованию прямой речи, намеков, иносказательных привлечений сил природы, всего того, что

называется подтекстом...” [Зотов]. Примером обращения к исследованию содержательной структуры для текстологической атрибуции ПВЛ является статья Ю.А. Артамонова “Статья 6618 г. Повести временных лет об “огненных столпах” и ее литературные источники” [Артамонов 1996]. Автором сопоставляется описание чудесного знамения в виде огненного столпа в ПВЛ и в рассказе Киево-Печерского патерика, составитель которого (Поликарп) указывает, что информация была почерпнута им из летописи (очевидно, первой редакцией ПВЛ). На основе сравнения летописного сообщения с Житием Феодосия Печерского и иными летописными статьями исследователем определяется функциональная нагрузка образа огненного столпа как предвестника строительства храма. В качестве литературного источника данного рассказа Ю.А. Артамоновым определяется библейский сюжет об исходе евреев из Египта, а разночтения между версиями ПВЛ и Киево-Печерского патерика, использовавшего текст первой редакции ПВЛ, (сокращение числа столпов с трех до одного) объясняются желанием редакторов ПВЛ приблизить летописный текст к библейскому образцу. По мысли исследователя, в ходе редактирования связь знамения с постройкой трапезной и канонизацией Феодосия была разрушена, а сам рассказ из статьи 1108 г. был перемещен под 1110 г. На основе изложенных соображений автор делает вывод о сбое хронологической сети в ЛЛ и ИЛ на два года, что позволяет ему поставить вопрос о датировке первой редакции ПВЛ не 1112-1113 гг., а 1108-1113 гг.

В настоящее время остается актуальным вопрос о возможности применения в текстологической интерпретации ПВЛ герменевтического метода, предложенного А.М. Камчатновым [Камчатнов 1998]. Считаем, что “ноэмо-эйдетический” пословный анализ А.М. Камчатного значительно усложняет установление соотношения списков ПВЛ, так как, во-первых, до нас не дошел оригинал первой редакции, а “реконструкция авторского варианта представляет собой самостоятельную герменевтическую задачу” [Камчатнов 1998, с. 65 - 138], во-вторых, использование в качестве единицы

реконструкции слова (эйдоса, вариативно выраженного в слове) вполне оправдано для текстов стандартного регистра, ориентированных на библейские образцы и копирующих использованные оригиналы, тем самым образуя устойчивую традицию с относительно незначительным количеством разночтений, летописные своды, принадлежащие к гибриднему регистру, подобной стабильностью в передаче ПВЛ не обладают, что проявляется в наличии множества разночтений, затрагивающих все уровни языка, идеологической редактуре и стилистической правке на протяжении всей истории летописания Древней Руси.

Остается открытым вопрос о том, как широко может быть применен метод текстологической стратификации ПВЛ с помощью статистического моделирования на компьютере. Несмотря на большое количество методик атрибуции текста с помощью статистических индексов, ПВЛ такому исследованию подвергалась лишь Л.И. Бородкиным при решении вопроса об авторстве Нестора (на основе частот парной встречаемости грамматических классов слов) [Бородкин 1994].

Перспективным представляется использование лингво-текстологической методики. Лингвотекстологическое направление возникло как способ расширения текстологического анализа при изучении памятников традиционного содержания привлечением языкового материала. Ставящая целью совмещение целостности лингвистического подхода с полнотой текстологической атрибуции произведений письменности, лингвистическая текстология значительно расширяет исследовательские горизонты: изучение языка произведения обогащает текстологические построения, а привлечение для атрибуции не пяти - шести содержательных примет [Лихачев 2001, с.220], но сотен и даже тысяч объективирует собственно языковой анализ [Жуковская 1976, с. 20]. Однако лингвотекстологическая методика необычайно трудоёмка: пословное сопоставление многих списков памятника предполагает интерпретацию огромного количества выявленных разночтений. Вот почему если текстологической школе [Лихачев 2001, с.

370] присуще нисхождение от анализа сознательных трансформаций текста к исследованию бессознательных, то для лингвистической текстологии, напротив, характерна установка на объяснение изменений текста развитием языка, адаптацией памятника, психолингвистическими причинами [Верещагин 1972, с. 81].

И для лингвотекстологии, и для текстологии важен критерий различения закономерного и случайного в историческом варьировании текста памятника письменности: языкового и личностного (для лингвистической текстологии), целенаправленной редакторской правки и описок писцов (для текстологии). Но если для текстологической традиции этот принцип предполагает обращение к “аморфному” историческому фону, то основоположником лингвотекстологии Л.П. Жуковской предложен приём сравнения материала выявленных разночтений с константными чтениями памятника, сохранившими реалии протографов [Жуковская 1976, с. 125]. Несмотря на то, что необходимость совмещения исследования расходящихся и константных чтений списков была обоснована ещё в середине прошлого века, обращение к подобным, “синтетическим” исследованиям произошло лишь в последнее время [Гиппиус 2001; Живов 1996; Орлова 2001]. Причиной тому долгое время оставалось отсутствие методики, ставящей варьирование текста памятника в зависимость от плана содержания, внутреннего устройства произведения.

Л.М. Устюговой при исследовании ПВЛ лингвотекстологическая методика продуктивно используется для решения традиционного для исторической лингвистики вопроса о характере литературного языка, запечатленного в летописи (так, по наблюдениям исследователя, в ПВЛ при совмещении христианского и народно-исторического по происхождению материала не наблюдается традиционно предполагаемого противопоставления церковнославянских и древнерусских языковых черт, но их тесное взаимодействие [Устюгова 1987]). Л.М. Устюговой разработан учебно-методический курс, в котором предлагается использование линго-

текстологической методики при преподавании исторической грамматики [Устюгова, Шимко 2003].

Широкие возможности лингвотекстологии при решении вопросов текстологической стратификации ПВЛ (до сих пор не решенных однозначно текстологической школой) показаны А.А. Гиппиусом. Исследователем в качестве инструмента текстологической стратификации летописи по ЛЛ, Н1Л и НКЛ был использован языковой материал: соотношение старых и новых форм аориста глагола **рещи**, употребление оборота **отвѣщавъ рече**, конструкции с причастиями **рекъ(-ше, -ши)**, **рька**. Важнейшим выводом А.А. Гиппиуса стало подтверждение на языковом материале гипотезы А.А. Шахматова об отражении в младшем изводе Н1Л свода более древнего, чем ПВЛ, и лежащего в ее основе. “Отсутствующие в НПЛ и читаемые лишь в ПВЛ пассажи являются маркированными и в языковом отношении, что окончательно убеждает в справедливости трактовки их Шахматовым как вставок в Начальный свод, сделанных составителем ПВЛ. Альтернативная точка зрения, предполагающая сокращение в НПЛ текста ПВЛ, не в состоянии объяснить данное обстоятельство” [Гиппиус 2001 с. 171]. Более того, исследователю удалось в пределах общего для НПЛ и ПВЛ текста лингвистически разграничить зоны, которые могут быть охарактеризованы как первоначальное “ядро” и его последующие распространения. К распространениям “ядра” автор отнес: продолжение летописи (со смерти Владимира) и позднейшие напластования в зоне “ядра”, которые включают как целые тексты, вторичные по происхождению (рассказ о крещении Ольги, Речь Философа вместе с обрамляющим ее диалогом, описание деятельности Владимира после крещения), так и отдельные вставки, выявляемые, например, в рассказе о хазарской дани, в Речи Философа, в эпизоде “выбора веры”. К первоначальному ядру, контуры которого определяются исключением из текста, сохранившегося в Н1Л, этих маркированных в языковом отношении фрагментов, а также чтений, заимствованных из греческого летописания, А.А. Гиппиус отнес

повествование о первых русских князьях – от основания Киева тремя братьями до смерти Святослава, рассказ об усобице сыновей Святослава, вокняжении Владимира в Киеве и его деятельности до крещения, а также реконструируемую “исходную” версию рассказа о крещении Руси, от которой в ПВЛ сохранился лишь эпизод “выбора веры”. Лингвистически текст “ядра” характеризуется отсутствием привлекаемых языковых примет. “Полное отсутствие новых форм аориста делает данный текст чрезвычайно архаичным по языку, однообразное оформление контекстов с прямой речью отражает общую неразработанность в нем структуры нарратива” [Гиппиус 2001, с. 172]. Тот факт, что данное повествование прослеживается до крещения Руси, позволяет исследователю предположить возможность его появления еще во время княжения Владимира.

С целью создать современный текстологический комментарий к генеалогической схеме, предложенной А.А. Шахматовым, О.В. Твороговым было исследовано соотношение ПВЛ и Н1Л в начальной части летописей (до статьи 1015), так как на материале этого фрагмента и была построена шахматовская гипотеза о Начальном своде [Творогов 1976]. Исследователь пришел к выводу, что гипотеза А.А. Шахматова представляется убедительно доказанной, а возражения оппонентов (В.М. Истрин, С.А. Бугославский, А.Г. Кузьмин) не вескими, построенными без учета всех аргументов А.А. Шахматова: сюжетное однообразие фрагментов, отсутствующих в Н1Л, свидетельствует, что это вставки создателя ПВЛ; в Начальном своде нет извлечений из Хроники Георгия Амартола, но сохранились чтения, возводимые к Хронографу по Великому изложению, тогда как в ПВЛ использована только хроника Амартола; повествование Н1Л более архаично по структуре и не знает абсолютной хронологической сети; сравнение Н1Л и свода 1448 г. (С1Л-Н4Л-НКЛ) показывает, что в ряде случаев Н1Л передает текст, совпадающий в ПВЛ и Н1Л хуже, чем С1Л-Н4Л-НКЛ, что служит косвенным свидетельством существования Начального свода, так как нет оснований допустить самостоятельное обращение свода 1448 г. к

Хронографу по Великому изложению и Хронике Георгия Амартола [Творогов 1976, с. 25].

С опорой на выводы О.В. Творогова и А.А. Гиппиуса мы принимаем гипотезу происхождения ПВЛ, предложенную А.А. Шахматовым, как обладающую наибольшей доказательной силой (с учетом уточнений, внесенных исследователями).

Учитывая ключевые моменты шахматовской стеммы, объектом исследования нами избраны восемь летописей: Лаврентьевская летопись (список 1377г.) (ЛЛ) Радзивилловская (XVв.) (РЛ) и Московская-Академическая (XVв.) (АЛ) летописи как сохранившие вторую редакцию ПВЛ; Ипатьевская летопись (XVв.) (ИЛ), передающая третью редакцию ПВЛ; Комиссионный (сер. XVв.) и Академический (40-е гг. XVв.) списки Новгородской 1 летописи младшего извода (Н1Л), которые позволяют восстановить чтения Начального свода; списки Карамзина и Оболенского Софийской 1 летописи старшей редакции (к. XVв.) (С1Л), возводимые к реконструируемому Своду 1448 г., “представляющему соединение общерусского свода (*передающего чтения ПВЛ в более ранней редакции, чем основные списки ПВЛ – Д. А.*) с Новгородской летописью (*сохранившей чтения Начального свода*) [Шахматов 2001-б, с. 865].

Выбор летописей соответствует принципам лингвистической текстологии. Текстологическим критерием отбора послужило генеалогическое родство списков, а языковым – принадлежность источников к одной исторической эпохе.

Так как наше исследование обращено к ПВЛ (летописи начала XII в., дошедшей в составе поздних летописных сводов), а не русскому летописанию XIV – XV вв., атрибуцию летописей ограничиваем указанием на основные взаимоотношения названных летописей, изложенные в “Словаре книжников и книжности” [Лурье 1985].

Лаврентьевская летопись. ЛЛ сохранилась в единственном списке, сделанном под руководством монаха Лаврентия в 1377 году группой писцов

для Суздальского Нижегородского князя Дмитрия Константиновича [Творогов 1985, с.156]. Текст летописи доведен до 6813 (1304) г. в ультрамартовской датировке. В четырех местах ЛЛ обнаруживаются пропуски: за 6406 (898) – 6430 (922)г.г., 6711 (1203) – 6713 (1205) г.г., 6771 (1263) – 6791 (1283) г.г., 6795 (1287) – 6802 (1294) г.г. Первые два пропуска являются следствием дефекта в тексте рукописи. Начальные 40 листов написаны уставным почерком, дальнейшие – полууставом.

Сравнение ЛЛ и Троицкой летописи (ТЛ) обнаруживает близость текстов, но имеются и редакционные отличия. А.А. Шахматов сделал вывод, что в основе ЛЛ и ТЛ, с одной стороны, и РЛ, с другой стороны, лежал Владимирский летописный свод конца XII – начала XIII веков, но в разных редакциях. Сопоставление ЛЛ с ИЛ обнаруживает совпадения, но более редкие. А.А. Шахматов объяснял их взаимным влиянием севернорусского и южнорусского летописания XII-XIII в.в., а также Полихроном начала XIV века – источником ЛЛ и ИЛ, не отраженным в РЛ.

М.Д. Приселков отверг объяснение сходства ЛЛ и ИЛ как отражения текста Полихрона. Он пришел к выводу, что в ЛЛ и ТЛ отразился Владимирский великокняжеский свод 1305г. Выводы А.А. Шахматова и М.Д. Приселкова подвергались критике, но в основном были приняты в научной литературе последующего времени [Лурье 1985-в, с.128-131].

Радзивилловская и Академическая летописи. РЛ – это летопись XIII века, основной список которой представляет иллюстрированную рукопись XV века. АЛ написана полууставом в конце XV в. АЛ, доведенная до 6927 г., представляет, как выяснил А.А. Шахматов, компиляцию из трех источников: текст от начала до 6714 г. восходит к общему с Радзивилловской летописью протографу, следующие затем известия 6713-6746 гг. (кончая сообщением о взятии Козельска) переписаны из Софийской I летописи старшей редакции, статьи 6746 (после сообщения о взятии Козельска) — 6927 гг. представляют фрагмент сокращенного ростовского летописного свода.

А.А. Шахматов возводил РЛ и АЛ к общему источнику, потому что, хотя летописи совпадают с начала вплоть до 6714 (1206) г., ни РЛ, ни АЛ не могут возводиться друг к другу. В ряде случаев обе летописи (а значит, лежащий в их основе протограф) обнаруживают признаки позднего происхождения XIV-XV вв. (в статье 6662 г. в обеих летописях «половцы» заменены на «татарове»).

Сравнение РЛ, АЛ с ЛЛ обнаруживает существенные расхождения между ними. Исходя из разночтений 6665 (1157)г., 6683 (1175)г., 6684 (1176)г. и 6685 (1177)г., имеющих идеологический характер, А.А. Шахматов и М.Д. Приселков пришли к выводу, что в основе ЛЛ (свода 1305г.) лежал Владимирский свод конца XII века, где текст предшествующего времени не подвергся тенденциозным переделкам, а в основе РЛ (Переяславского свода 1214 – 1216г.г.) – Владимирский свод начала XIII века, прославлявший Всеволода Большое гнездо. Свод начала XIII века, отразившейся в РЛ и АЛ, обнаруживает тенденцию составителя к обновлению языка летописи, который систематически, но не всегда точно, заменяет архаические выражения раннего летописания (сохранившиеся в ЛЛ) более современными и понятными для него [Лурье 1985-г, с.141-143].

Ипатьевская летопись – общерусский свод южной редакции конца XIII века – начала XIV века, его древнейшим списком является используемый нами Ипатьевский список XV века (ИЛ). ИЛ включает в себя три основных памятника: ПВЛ до статьи 1118г., Киевскую летопись от 1119 до 1200г.г. и Галицко-Волынскую летописи от 1208 до 1292 г.г. ИЛ сохранилась в семи списках. Среди специалистов нет единства в определении источников ИЛ: текст ИЛ – сложен, имеет мало аналогий с другими памятниками. А.А. Шахматов выделял четыре источника ИЛ:

1. Общерусский летописный свод, составленный в Суздальской области в начале XIV века, бывшей источником ЛЛ, ИЛ и летописного свода Московского княжества 1479г. В современной науке отвергнуто существование Общерусский летописный свод, а связь между ЛЛ и ИЛ

объясняется влиянием южнорусского летописного свода XII-XIII вв. на Владимирское летописание XII-XIII в. ;

2. Киевский летописный свод, составленный в Киевском Михайловском Выдубицком монастыре в 1199 г. ПВЛ в третьей редакции, согласно существующим в науке суждениям, составленная в 1118 г. в Киево-Печерском монастыре, вошла в ИЛ в составе Киевского летописного свода;

3. Черниговский свод;

4. Галицко-Волынский свод.

М.Д. Приселков предлагал считать Киевский летописный свод 1200 года великокняжеским сводом Рюрика Ростиславича, состоящим из семейной хроники Ростиславичей, летописца Переяславля Южного князя Владимира Глебовича (до 1187г.) и Черниговского летописца князя Игоря Святославича, оканчивающегося сообщением о смерти в 1198 году черниговского князя Ярослава Всеволодовича и вступлении на Черниговский престол Игоря Святославича.

Судьба ИЛ продолжает оставаться невыясненной, а лишь намеченной в общих чертах [Клосс 1985-а, с.123-125].

Новгородская первая летопись младшего извода (Комиссионный и Академический списки). Новгородская первая летопись (Н1Л) – древнейшая летопись Новгородской феодальной республики. В основе Н1Л лежала областная новгородская летопись, ведшаяся в епископии, однако новгородское летописание неоднократно соприкасалась с летописанием других древнерусских центров. Н1Л известна в двух изводах. Старший извод представлен Синодальным списком XIII – XIV вв., доводящим изложение до 30-х годов XIV в., однако его значение для установления источников ПВЛ снижено вследствие утраты первых 16 тетрадей (до 1016 г.). Младший извод Н1Л близок Синодальному списку, но продолжает его до 40-х гг. XV в. В ранних известиях Н1Л младшего извода отразился Начальный свод конца XI в., предшествующий ПВЛ. В XIII в. Начальный свод был использован в новгородском летописании.

Младший извод Новгородской первой летописи представлен несколькими рукописями (Комиссионным, Академическим и Толстовским). Для сопоставления нами привлекаются основные списки, датируемые XV в. Летописный текст Комиссионного списка (Н1Лк) в основной части доведен до 1439 г. (л. 28—257). Другим почерком (и на другой бумаге) написаны известия 1440—1446 гг. (л. 257—264), этот же писец переписал также дополнительные статьи на л. 7—13 об., 265—305 об. Третьим писцом написаны статьи на л. 13 об.— 24 об. Список датируется серединой XV в. Академический список (Н1Ла) изобилует многочисленными лакунами, возникшими вследствие утраты листов (рукопись дефектная). Текст списка обрывается на л. 241 об. на середине известия 1441 г., но, исходя из снятых с него в XVIII веке копий, считается, что изложение было доведено до 1444 г. (в Комиссионном списке статья соответствует 1443 г.). А.Н. Насонов относил рукопись к середине XV в., М.Б. Клосс по палеографическим данным датировал список серединой 40-х годов XV в., что подтверждает свидетельство В.Н. Татищева (приобретшего рукопись у раскольников) о его написании в 1444 г. [Клосс 1985-б, с. 134 – 135].

Софийская 1 летопись старшей редакции (списки Карамзина и Оболенского). Софийская 1 летопись (С1Л) датируется XV в. и лежит в основе всех общерусских летописей второй половины XV – XVI вв. В диссертации нами используются списки старшей редакции (Оболенского (С1Ло) и Карамзина (С1Лк)), датируемые 70 – 80 годами XV в. [Клосс 2000, с. VI – VII]. А.А. Шахматов полагал, что в основе С1Л и Н4Л лежал общий протограф – Свод 1448 г. (Новгородско-Софийский свод). По мнению исследователя, этот свод объединял “Софийский временник” (Новгородский свод 20-х гг. XV в.) и общерусский “Владимирский Полихрон” 1421 г. Сопоставление С1Л и Н4Л показало, что текст общего протографа в С1Л передан лучше (что и предопределило наше предпочтение спискам С1Л). Я.С. Лурье, уточняя построения М.Д. Приселкова, считавшего, что общий протограф С1Л и Н4Л опирался на общерусский (митрополичий) свод,

полагал, что общий протограф сам был общерусским (митрополичьим) сводом. Свод 1448 г. “был летописью, составленной в период значительного ослабления московских великих князей в результате феодальной войны 30 – 40 гг. и занимал относительно нейтральную позицию в междукняжеских спорах, которые сводчик решительно осуждал, призывая к национальному объединению...составитель свода считал законным право Новгорода, подчиненного великокняжеской власти, изгонять и вновь приглашать к себе князей-военачальников” [Лурье 1985-д, с. 144 – 146].

1. 3. Особенности ПВЛ как художественного произведения культуры Древней Руси.

ПВЛ как произведение традиционной культуры построена на принципах, отличных от современных: литературного этикета, христианской историографии, традиционных поэтических формул и т. д. Поэтому исследование ЯЛ составителя ПВЛ невозможно без учета литературных особенностей этого памятника письменности.

ПВЛ является сводом, она основана на предшествующих летописных сочинениях и включает в свой состав фрагменты из различных источников: литературных, публицистических, фольклорных и пр.¹ Составитель ПВЛ, обладая высоким литературным чутьем, исключительной начитанностью, привлек обширный материал: “В ПВЛ находим выписки из книг Бытия, Исхода, Левита, Царств, Притчей Соломона, Премудрости Соломона, Екклесиаста, Иова, Пророков: Даниила, Исаии, Иезекиила, Михея и Амоса, Псалтыри, Евангелия, Посланий апостольских, Деяний апостольских и др.” [Лихачев 1979, с.134]. Однако летописец не следует литературной манере своих источников. Войдя в повествование, источники претерпевают

¹ В летописных сводах наиболее ярко появляется характерная особенность древнерусской культуры: сохранение памятников предшествующих эпох (причем не только принадлежащих собственной традиции, но и заимствованных) [Турилов 1997].

качественное преобразование, их материал подвергается надлежащей обработке. Поэтому в ПВЛ нет ожидаемого разнообразия жанров, традиций.

С распространением летописания в древнерусской письменности формируется определенное жанрово-узусальное единство, реализованное в жанре “летописного рассказа”. ПВЛ отражает историю формирования этого “канона”, в полной мере воплотившегося уже в тексте “Киевской летописи” – летописи непосредственно примыкающей к ПВЛ [Еремин 1966-а].

Целостность этого памятника письменности достигается подчинением повествования библейско-космографической основе ПВЛ, изложенной в обширном введении.¹ Составитель ПВЛ заимствует историческую христианско-схоластическую концепцию из византийских хроник и, таким образом, вводит историю Руси в контекст всемирной истории. Летопись начинается с библейской легенды о разделении земли после потопа между сыновьями Ноя – Симом, Хамом и Иафетом. Летописец относит славян к потомкам Иафета. После этого летописец переходит уже к истории славян, рассказывает, как они расселялись по земле, как назывались. Составитель ПВЛ повествует об основании Новгорода и Киева, об обычаях восточнославянских племен. Широта исторической перспективы, отличающая вводную часть ПВЛ, присуща и последующему изложению летописи. Особенно глубоко летописец анализирует события на Руси: смысл стяжания Русской земли, значение ее христианизации, деятельность русских переводчиков и книжников – события, которые сулят грядущее могущество и славу родной земли.

На провиденциализм вводной части ПВЛ обратил внимание О.В. Твогоров: “Славяне, словно бы осуществляя какие-то предначертания свыше, заселяют отведенные им земли, а поляне, на земле которых находилась будущая столица Руси — Киев, издавна выделялись мудростью и высокой нравственностью среди прочих племен. И наконец сбылось предсказание

¹ Несмотря на то, что введение не было единовременным добавлением составителя ПВЛ, но представляет текстологически многослойное образование [Гиппиус, 2001, с. 154].

мудрых хазарских старцев — Русь ныне никому не подчиняется, она сама собирает дань с окрестных народов” [Творогов 1979].

Интерпретация ПВЛ в библейском контексте была предложена И.Н. Данилевским [Данилевский 2002]. По мнению исследователя, летописцы отводили Руси роль избранной державы и рассматривали исторические события прошлого и настоящего в перспективе приближающегося Судного дня. Славяне и Русь упоминаются как потомки самого достойного из сыновей Ноя – Иафета, колену которого было предназначено царствовать над братьями, что предопределяет право Руси, потомков Иафета, властвовать над соседними землями. События, описываемые ПВЛ, по мнению исследователя, глубоко символичны. Так, первое упоминание о Руси под 852 (6360) г. относится к царствованию византийского императора Михаила, что, согласно И.Н. Данилевскому, обусловлено отождествлением его с Михаилом из Откровения Мефодия Патарского, правление которого является одним из знамений грядущего конца света [Данилевский 2003, с. 14 – 15]. Символичны Киев, который, как центр собирания земель и окрестных племен, отсылает к образу Нового Иерусалима; триада первых русских правителей Кия, Щека и Хорива, в функции персонификации власти тождественных трем варягам и отправляющих к библейскому образу сыновей Ноя [Данилевский 2002].

Предложенная И.Н. Данилевским интерпретация ПВЛ остается спорной, так как основана на классическом идеологическом анализе (лишь распространенным культурологической критикой) и не аргументирована чтениями летописи [Ранчин 2001]. Тем не менее, не вызывает сомнения подчинение летописных рассказов изложенной во введении библейско-космологической модели. В работе летописца современными исследователями акцентируется проявление “христианского символизма”: “Летописца интересуют не сами по себе события, а “божественная логика”, которая управляет всем ходом человеческой истории. За кажущейся пестротой приводимых фактов стоит главное, с точки зрения летописца, событие – Боговоплощение” [Конявская 2000, с. 75].

Еще И.П. Еремин отмечал, что летописные рассказы подчинены христианской “философии истории”, где человеческая история представляется ареной противостояния сил “добра” (бог, ангелы и святые) и “зла” (дьявол, бесы). “Характер изложения исторических событий в ПВЛ свидетельствует о том, что “философские” фрагменты летописца – не механический привесок к повествованию: они действительно отражают его мировоззрение”, “Человек – субъект и объект исторического процесса. Исторический процесс – проявление божественной воли...” [Еремин 1987, с. 50]. Наблюдения И.П. Еремина при детальной разработке вопроса о поэтике летописного времени развил Д.С. Лихачев. Летописец “изображает весь ход истории, а не соотнесенность событий. Он описывает движение фактов в их массе. Прагматическую связь фактов он стремится не замечать, так как для него важнее их общая зависимость от божественной воли. Факты и события возникают по воле сверху, но не потому, что одни из них вызывают другие в “земной” сфере” [Лихачев 1979, с. 259]. Летопись загромождена фактическим материалом: сообщениями о многочисленных вокняжениях, смертях, походах, интригах и пр. Однако именно в этих описаниях проявляется ее религиозный подъем над суетой жизни. Исторические события представляются временными, частными воплощениями вневременных событий библейской истории. Однообразное оформление “**Въ лѣто...**” уравнивает большие и малые события, а монотонность человеческой истории способствует восприятию более важного, заложенного в ней смысла.

Д.С. Лихачев обратил внимание на столкновение в ПВЛ двух представлений о времени: языческого, дописьменного, разорванного на отдельные законченные временные ряды, и христианского, объединяющего происходящее в историческое единство [Лихачев 1979, с. 254]. Столкновение двух представлений о времени в ПВЛ запечатляет переориентацию сознания с “первоначального господства круга как основы концептуализации

пространственных, временных и социальных отношений” на прямую [Евтушенко 2001].

Представление о истории как непрерывном процессе подкреплялась в ПВЛ генеалогической, родовой связью русских князей от Рюрика до Владимира Мономаха. Утверждение, что династия Рюриковичей уходит в глубокую древность, должно было поднять престиж кровного родства Рюриковичей и прекратить княжескую междоусобицу. Именно в осуждении феодальных усобиц, призыве объединиться в борьбе со степными кочевниками проявилась злободневность и публицистическая заостренность ПВЛ. Так, например, обоснованию “принципа старшинства” посвящено летописное “Сказание о Борисе и Глебе”: “Борис и Глеб подали своею смертью всем русским князьям пример братской любви и покорности. Их устами провозглашен принцип старшинства...” [Лихачев 1979].

Многие идеологемы ПВЛ были известны на Руси и до создания этого летописного свода. Таковы теория божественного происхождения княжеской власти, заимствованная из Византии, христианские концепции казней божих, мирского благочестия (=малых дел), братолюбия. Однако на протяжении XI в. данные идеи оставались не востребованными общественной мыслью и лишь в ПВЛ были трансформированы, переработаны в соответствии с потребностями времени и соединены в единое целое [Долгов 1999]. То же относится и к христианской космологии. Так, в НІЛ, сохранившей текст Начального свода, существуют стереотипные упоминания о сверхъестественных “знамениях”, однако летописец не посвящает читателя в смысл описываемого знака свыше. В ПВЛ, написанной впитавшими византийскую образованность монахами Киево-Печерского монастыря, уделяется внимания чудесам и их истолкованию намного больше: для интерпретации привлекаются теоретические выкладки из византийских хроник, местные сообщения о чудесах сравниваются с известиями переводной литературы [Долгов 2001-б].

С точки зрения форм летописного повествования И.П. Ереминым весь летописный материал был разделен на пять групп: погодная запись (небольшая по объему документальная запись, лишенная художественной формы и эмоциональности), летописное сказание (устное историческое предание в литературной обработке летописца), летописный рассказ (фактографичное повествование, в котором проявляется личность автора: в оценке событий, попытках охарактеризовать действующих лиц, комментариях, индивидуальной манере изложения), летописная повесть (повествование о смерти князя, в котором дается агиографически просветленный образ идеального правителя), документы (договоры и грамоты) [Еремин 1987, с. 54 – 64].

О.В. Творогов подверг критике разработанную И.П. Ереминым классификацию, построенную по характеру сочетания противопоставленных друг другу методов изображения действительности (идеализирующего и конкретизирующего) как не подтверждающегося летописным материалом и предложил типологию по “характеру повествования” [Творогов 1970, с. 32 – 34]. Первый тип повествования – это погодные записи (лишь информирующие о событиях), другой – летописные рассказы (рассказывающие о событиях с помощью сюжетного повествования). В ПВЛ О.В. Твороговым выделяется два типа сюжетного повествования: характерные для ПВЛ летописные сказания и собственно летописные рассказы. Отличительной чертой первых является изображение исключительного, необычного, легендарного события: “...Военная хитрость и находчивость, мужество и сила – вот основные темы летописных сказаний” [Творогов 1970, с. 36]. В отличие от летописных сказаний, летописные рассказы посвящены изображению событий современных летописцу. Они более пространны, их сюжеты, в основу которых положены не легенды с традиционными коллизиями эпоса, а действительные события, не отличается лаконичностью и стройностью композиции. В летописных рассказах происходит совмещение фактографических записей, зарисовок эпизодов и

религиозных рассуждений авторов. Если прямая речь в летописных сказаниях пронизана фольклорной афористичностью, то в летописных рассказах (насколько это позволяет литературный этикет) имитируется живая речь современников.

Сюжетное повествование ПВЛ построено с помощью художественных приемов, придающих изложению занимательность: акцентирование “сильной детали”, вызывающей зрительные представления, характеристика героев, прямая речь персонажей [Творогов 1979, с. 44 – 60].

В ПВЛ распространены сюжетные рассказы, но для летописания в целом скорее характерно следование определенному литературному принципу, который получил название “стиль монументального историзма” [Лихачев 1979]. Монументальный историзм проявляется в попытке охватить все мироздание, увидеть в каждой детали всю вселенную, в тенденции подчинить единому объяснению все явления, найти символические связи между всеми вещами. Летопись обращена к извечной теме борьбы добра и зла, изображаемая в ней человеческая история – предначертана божественным промыслом, конкретные же события представляются частными проявлениями извечных коллизий, поэтому ПВЛ полна аналогий и аллюзий.¹ Главными героями в подобных “исторических мистериях” становятся князья, цари, святые, причем в функциях, свойственных своему статусу. Поэтому повествование пронизано церемониальностью, соблюдением этикета словесного выражения.

Литературное произведение Древней Руси не стремилось поразить читателя новизной, но, напротив, было оформлено ожидаемым образом. Автор, создавая произведение определенного жанра, одевал “ритуальную маску”, приличную описываемому. Он восхваляет или порицает то, что

¹ Так, В.Я. Петрухин показал, что сюжет “выбора веры”, традиционно считавшийся древнерусским, вписан не только в кирилло-мефодиевскую и, шире, – христианскую традиции, но и обнаруживает параллели с произведениями иных культур раннего средневековья [Петрухин 1997]. Новейшие работы позволяют поставить вопрос о существенном расширении литературных параллелей, в контексте которых следует рассматривать текст ПВЛ. “Очевидно, они должны включать практически все известные на сегодня античные и раннесредневековые произведения Европы, Ближнего Востока, а также, возможно, Средней Азии. Поиск новых литературных (в частности, текстуальных) параллелей представляется довольно перспективным направлением дальнейшего изучения древнерусского летописания” [Данилевский 1997].

принято восхвалять или порицать, причем осуществляет это, как то принято [Лихачев 1979-в]. Литературный этикет определяет темы ПВЛ, принципы построения сюжетов, предпочтительные изобразительные средства (адекватные речевые обороты, образы, метафоры...), ставит их в зависимость от описываемой ситуации: вокняжение, поход, некролог и пр. [Творогов 1979]. Литературный этикет зиждется на литературных канонах, образцах. Более того, по мнению Д.С. Лихачева, "...не только выбор устойчивых стилистических формул определяется литературным этикетом,— меняется и самый язык, которым автор пишет. Легко заметить различия в языке одного и того же писателя..." [Лихачев 1979-б]. Поэтому определение авторства ПВЛ и произведений древнерусской литературы вообще считается проблематичным. Так, до сих пор остается дискуссионным вопрос отождествления Нестора-летописца и Нестора-агиографа, автора "Жития Феодосия Печерского" и "Сказания о Борисе и Глебе". Традиционность, ориентация на образы, этикетность средневековой литературы, в особенности ПВЛ как произведения официальной литературы, предопределили направление авторизации того или иного летописного свода в поиске отличительных черт, маркирующих отдельные отрывки, но не свойственные произведению в целом.

1. 4. Проблема литературного языка Древней Руси. Характер литературного языка, отраженного в анализируемых списках ПВЛ.

Исследование ЯЛ невозможно без учета языковых особенностей созданного ею произведения, тем более, если объектом исследования является отдаленный от исследователя по времени памятник письменности. Многие приметы, характеризующие ЯЛ составителя ПВЛ, предопределены особенностями того языка, на котором написан этот летописный свод. Поэтому считаем, что изучению ЯЛ составителя ПВЛ должен предшествовать обзор специфики отраженного в избранных летописях-списках ПВЛ языка.

Изучение литературного языка Древней Руси и решение ряда вопросов, сопутствующих данной проблеме является “магистральным” направлением в исследованиях отечественных лингвистов. Реконструкции древнерусского литературного языка посвящены фундаментальные труды крупнейших отечественных историков языка: А.А. Шахматова, С.П. Обнорского, В.В. Виноградова, Ф.П. Филина и многих других. Однако единства в решении вопроса о характере литературного языка Древней Руси не наблюдается. Так, по А.А. Шахматову, родоначальником письменного русского литературного языка следует считать церковнославянский (древнеболгарский) язык [Шахматов, -в]. С.П. Обнорским было выдвинуто обратное положение. По мнению этого исследователя, литературный язык возник на собственно древнерусской основе и не зависел от старославянского языка [Обнорский 1946, с. 56]. Более плодотворной оказалась теория, разработанная В.В. Виноградовым. Согласно трудам исследователя, выделяется два типа литературного языка: книжно-славянский (церковнославянский язык русского извода), отразившийся в языке житийной литературы, агиографических сказаниях и т.п., и народно-литературный, который сформировался на основе разговорной речи древних русов и языка устного народного творчества. Язык этого типа отразился в “Слове о полку Игореве...”, “Слове о погыбели земли русской” и других произведениях. Согласно В.В. Виноградову, эти типы не были различными языками, но двумя функционально разграниченными и жанрово разнородными системами средств выражения [Виноградов 1978 с. 185].

Ф.П. Филин развивает идею двуязычия в Древней Руси. Языковая ситуация, по мнению исследователя, характеризуется одновременным функционированием двух языков: церковнославянского и древнерусского [Филин 1981]. По мнению Ф.П. Филина, эти два языка различались не только национальной почвой, но и функционированием: первый из них был языком христианства, а другой – светским. Выбор того или иного языка, типа языка зависел от книжника, от содержания памятника [Филин 1981, с.259].

Концепция Ф.П. Филина хороша для начального этапа русской письменности, но уже в XII – XIII в.в. говорить о двуязычии сложно. Попытка переосмыслить теорию литературного двуязычия была сделана Б.А. Успенским. Исследователь предложил концепцию диглоссии в Древней Руси [Успенский 1994 с.5]. Согласно Б.А. Успенскому, книжная языковая система была связана с письменной традицией, а некнижная система – с обыденной жизнью.

В современной лингвистике наиболее распространенным является мнение, что в древнерусский период существовало два типа литературного языка. Однако в ряде работ ставится под сомнение возможность сосуществования двух самостоятельных и обособленных типов. Так, Л.Г. Панин считает, что “язык церковнославянских памятников и язык светских произведений развивался во взаимовлиянии и взаимосвязи [Панин 1995, с.80], а, значит, были едины. Связи обеих форм были взаимными, их общность касалась фонетики и грамматики – ядра языка. Этот единый язык различался только в частичных проявлениях, и даже выделение форм носит условный характер, зависит от содержания, передаваемого языком – культового или некультового, т.е. от тематики и сферы использования. “На функциональной оси действовали противоречивые тенденции: каждая из условно выделяемых форм тяготела к своему полюсу и к единой норме: первое тяготение было жанровым, второе – общезыковой тенденцией” [Панин 1995, с.82].

М.Л. Ремнева полагает, что в качестве письменного языка существовал церковнославянский язык разной степени строгости, в соответствующих двух формах – строгой (богослужебная литература, жития, ораторская проза) и сниженной (летописи, ”Слово о полку...” и прочие). Набор средств выражения в строгой форме складывался за счет средств церковнославянского языка, а в сниженной форме элементы такого набора были разносистемны [Ремнева 1995, с. 102-103].

В работах Л.Г. Панина, М.Л. Ремневой и В.М. Живова проблема литературного языка Древней Руси решается в пользу церковнославянского

языка, реализующегося в двух ипостасях: канонической, жанрово связанной с богословской литературой, и релятивной, связанной с оригинальной литературой.

Наибольший интерес для нас представляет концепция В.М. Живова [Живов 1996]. Исследовав разные гибридные формы письменного языка русского средневековья, В.М. Живов, ранее разделявший взгляды Б.А. Успенского о диглоссии в допетровской Руси [Zoltán 1999, с. 182], пришел к выводу о том, что если рассматривать языковую ситуацию Древней Руси через противопоставление церковнославянского языка живому русскому, то упускается большая часть оригинального литературного наследия Древней Руси (прежде всего летописание, которое создавалось на книжном языке, но не стандартном церковнославянском). Исследователь отказывается от интерпретации живого языка как целиком естественного, а книжного (церковнославянского) как полностью искусственного. В.М. Живов считает, что между этими двумя крайностями существует два регистра, различающиеся разной степенью строгости следования церковнославянским образцам и способами порождения текстов.

Позиция исследователя представляется наиболее оправданной текстологически. В.М. Живов учитывает “условный” характер древней языковой системы, по сути являющейся итогом реконструированной эволюции текстов памятников. В летописях этапы развития древнего литературного языка запечатлены в дошедших до нас результатах работы того или иного редактора, переписчика, а каждый шаг исторического развития летописного текста – это переосмысление традиции летописания, своеобразная проверка ее на прочность.

Считаем подход В.М. Живова к проблеме литературного языка древних славян сообразным генеалогической схеме ПВЛ, где этапами исторического развития служат своды-протографы.

В.М. Живов достаточно подробно останавливается на языке летописания, учитывает его сводный характер и жанровую специфику, что позволяет

установить зависимость между традицией летописания (ее развитием и узусом) и традицией гибридного регистра, его развитием, устойчивым и независимым узусом, сохранившимся в текстах летописей. Исследователь связывает сосуществование генетически разнородных языковых элементов и их переосмысление в ходе исторического развития с работой механизмов письменной установки книжников: механизма ориентации на образцы (тексты Святого Писания и богослужения) (МОО) и механизма пересчета (МП) – сознательного отталкивания от живого языка включением в текст показателей стандартного церковнославянского языка в качестве признаков книжности (согласованные причастия в деепричастной функции, формы двойственного числа, дательный самостоятельный и пр.). Причиной выбора механизма пересчета служила ситуация, когда книжник не находил в образцовых текстах языкового материала для создаваемого произведения. По мнению В.М. Живова, именно различия в соответствии МОО и МП позволяют объяснить развитие разных “регистров” книжного языка: “Если употребляется лишь МОО, результатом будет стандартный церковнославянский текст, не отличавшийся по своим существенным характеристикам от воспроизводимых текстов Святого Писания и богослужения, то есть основного корпуса книжных текстов. ...Тексты этого рода создают свою традицию, в рамках которой появляются затем новые тексты, образующие сходной функцией в системе книжной письменности. Если доминирующее значение получает МП, результатом оказывается гибридный церковнославянский текст, также ориентированный на основной корпус книжных текстов, но отличающийся от него по ряду лингвистических характеристик. Такого рода тексты создают свою традицию, к которой позднее примыкают новые и новые тексты. Поскольку необходимость в интенсивном применении механизма пересчета возникают в силу нестандартности (по отношению к духовной литературе) содержания, возникновение этой традиции связано, видимо, с развитием летописания” [Живов 1996, с.25-26].

В гибридном регистре (к которому принадлежит и ПВЛ) МП создает возможность “особой языковой установки пишущих, когда их целью оказывается не максимальное отличие языка новых сочинений с языком корпуса новых текстов, а условное тождество этих языков по ряду формальных показателей [Живов 1996, с.32]. Признаки книжности приобретают в гибридной разновидности сигнальный характер, что создает широкие возможности влияния некнижного языка на книжный. Вследствие преемственности навыков письма создается довольно устойчивый узус гибридного регистра: характер употребления отдельных элементов воспроизводится одним поколением книжников за другим, претерпевая постепенные изменения. “Анализ гетерогенных по языку текстов (прежде всего летописей) показывает, что те части, которые книжник воспроизводит, основываясь на удаленных от него по времени источникам, и те части, которые он пишет самостоятельно, связаны непрерывной цепью связующих звеньев, указывающих на постепенную эволюцию узуса” [Живов 1996, с.35]. Четкой границы между регистрами нет, однако ориентиром для книжника и источником “трафаретов” оказывается не столько весь корпус прочитанной им литературы, сколько тексты того же “жанра”, так летописи находятся в преемственной зависимости от летописей.

Концепция языковой ситуации Древней Руси, предложенная В.М. Живовым, раскрывает (с помощью понятий “механизм ориентации на образцы” и “механизм пересчета”) природу языковых, стилистических и литературных изменений, возникавших в ходе редактирования и переписки летописных сводов, и представляется нам наиболее актуальной для исследования ЯЛ составителя ПВЛ путем моделирования книжно-письменной традиции летописей – своеобразного узуса, на который ориентировался древнерусский книжник (переписчик, редактор, сводчик). Вслед за В.М. Живовым считаем, ПВЛ написана на гибридном регистре книжного языка.

1. 5. К методике моделирования языковой личности составителя

ПВЛ.

Обращение к изучению повествования предполагает создание научной модели, акцентирующей значимые для исследователя стороны объекта. “...Смысл моделирования состоит в том, чтобы вместо скрытых от нас свойств объекта изучить заданные в явном виде свойства модели и распространить на объект все те законы, которые выведены для модели” [Апресян 1966, с. 1].

Настоящее время характеризуется разнообразием альтернативных путей моделирования повествования. Так, Ю.К. Лекомцевым предложена модель текста “как совокупности напряжений и разрядок, создаваемых многими парами антонимов в их многократных вхождениях” [Лекомцев 1983, с. 197]; В.Г. Красильниковой анализ повествования осужествляется с точки зрения эмоционально-смысловой доминанты [Красильникова 2001]; Е.М. Масленниковой семантическая структура текста рассматривается как “иерархия смыслов, организованная замкнутая система, которая при изменении ряда своих признаков и под воздействием внешних факторов изменяет конфигурацию и становится новой замкнутой системой...”, что дает исследователю возможность рассмотреть отношения между текстом-оригиналом и его переводом, а также поставить вопрос о количественной оценке степени сходства/различия в композиции и структуре сопоставляемых текстов [Масленникова 1999]; М.Э. Конурбаевым в качестве инварианта, позволяющего описать инновации английского молитвослова относительно его источников, используется ритмическое устройство библейских стихов [Конурбаев 1997] и пр. Наибольшее распространение получила разработанная Т. ван Дейком концепция иерархической организации текста [Гиппиус 1998, с. 238]. Как иерархическую описывают тематическую структуру текста Н.В. Лукашевич и Б.В. Добров: “...тема всего текста может быть обычно описана посредством более конкретных тем текста, которые в свою очередь могут быть охарактеризованы посредством еще более

конкретных подтем и т.д. Каждое предложение связного текста посвящено раскрытию той или иной подтемы основной темы текста” [Лукашевич, Добров 2000]. А.Л. Литвиненко вслед за У. Манном и С. Томпсон дискурс описывается как древовидная структура. “Описание структуры дискурса подобным образом дает возможность, во-первых, сравнительного описания различных дискурсов или типов дискурсов с точки зрения наличия в них определенных отношений, групп отношений или типовых фрагментов структуры; во-вторых, введения некоторых количественных характеристик структуры дискурса, основанных на древовидности получающегося графа...” [Литвиненко 2001]. Имеется опыт применения концепции Т. ван Дейка к русскому летописанию, в несколько модифицированном виде, что обусловлено спецификой исторического материала: “Взгляд на средневековую славянскую литературу как иерархически организованную систему, поиск структурных инвариантов и архетипов, стоящих за множеством конкретных текстов и образующих их парадигматический план...” предложен У. Швайером при структурном анализе Н1Л [Гиппиус 1998, с. 233].

Примечательно, что если исследования текстов как иерархических смысловых структур на современном материале достаточно легко могут быть ограничены рамками исследуемого повествовательного объекта (видимо, в данных работах эталонной парадигмой устройства текста признается “норма”, которая имплицитно дана исследователю-синхронисту), то при изучении текстов отдаленных исторических эпох необходимым элементом исследования становится поиск интертекстуальных прототипов (образцов) текста. Так, Е.Л. Конявской при исследовании индивидуальных особенностей стиля Епифания Премудрого авторское использование топосов определяется на фоне традиционных для агиографии устойчивых формул (например, сравнением устойчивых формул в житиях, написанных Епифанием, и созданных Нестором-агиографом, на произведения которого ориентировался Епифаний Премудрый) [Конявская 2000]; У. Швайером в качестве

“эталонной парадигмы” для события летописной статьи используются прототипические летописным события Святого Писания или самой летописи [Гиппиус 1998, с. 237].

Иной подход к структуре средневекового текста был предложен В.В. Колесовым. В статье “Средневековый текст как единство поэтических средств языка” [Колесов 1996] автор определяет два вектора текста: вертикаль (совпадающую с описанием текста как иерархической смысловой структуры) и горизонталь: “Словесная ткань произведения,...будучи многомерной, сплетает слова в их горизонтальном и вертикальном соответствии; горизонтальная последовательность слов дана как традиционная формула, а вертикальное их наложение образует “новые смежности” [*вертикальные ряды слов – Д. А.*] ...” [Колесов 1996, с. 94]. Горизонталь демонстрирует линейное развитие текста как традиционной формулы: “...синтагматическое сцепление слов в определенной последовательности вполне традиционно и отражает присущую средневековости устремленность к метонимической смежности форм” [Колесов 1996, с. 95]; “Поэтическая формула в средневековом тексте традиционна, потому что она когерентна топосу, то есть соотнесена с ним по форме и по употреблению в тексте. Топика – общие места – позволяет сохранить образцовый текст во времени и пространстве, одновременно создавая структуру повествовательных форм” [Колесов 1996, с. 94]. Вертикаль представляется смысловым структурированием текста, задаваемым множественными повторами.¹ Таким образом, противопоставление горизонтали и вертикали есть, говоря языком отечественной литературоведческой школы [Лихачев 1979; Творогов 1970], соотношение событийной (фабульной) информации и сюжета,

¹ “Вертикальная последовательность” (смысловое развитие повествования) задается “цепочечным” принципом организации средневекового текста: “Текст сам по себе представляет единицу, которая формирует собственную организационную структуру. Для древнего сакрального по содержанию текста важным организационным моментом будет повтор его составляющих с целью сохранить общий вид и смысл содержания. Узнаваемость текста по форме — важный элемент для текста XI–XIII вв.” [Николенкова 2001, с. 60].

организуемого повествование по законам художественной культуры соответственно. Летописные своды различались практическими целями, местом и временем создания, но обладали идентичным (традиционным) принципом построения и лишь вариативно наполняли смыслом (вертикаль) единый инвентарь фабульных схем – летописных сюжетных архетипов (горизонталь).

Обращение к “горизонтали” при моделировании структуры средневекового текста выгодно отличает модель В.В. Колесова от рассмотренных ранее и востребовано при следовании методике описания ЯЛ, предложенной Ю.Н. Карауловым, так как “в отрыве от текста... высокочастотные слова... не образуют ярко выраженных семантических объединений” [Караулов 1987, с. 123]. При воссоздании фабульной схемы летописных рассказов (горизонталь) нами используется методика сжатия текста, предложенная В.Я. Проппом [Пропп 1998]. Первой и важнейшей операцией, которую В.Я. Пропп проделывает с текстом, – было его разбиение, сегментация на ряд последовательных действий. Например, “содержание сказки может быть пересказано в коротких фразах, вроде следующих: родители уезжают в лес, запрещают детям выходить на улицу, змей похищает девушку и т. д. Все сказуемые дают композицию сказок, все подлежащие, дополнения и другие части фразы определяют сюжет” [Пропп 1998, с. 88]. “Здесь подразумевается конденсация содержания в ряд коротких фраз; далее эти фразы обобщаются в том смысле, что каждое конкретное действие подводится под определенную функцию, название которой представляет собой сокращенное и обобщенное обозначение действия в форме существительного...” [Мелетинский 1998, с. 439]. Результативность предложенной В.Я. Проппом методики моделирования повествовательного архетипа¹ (необходимым этапом которой является используемая нами компрессия текста) подтверждается полувековой практикой исследований

¹ В.Я. Пропп установил, что в творческой истории произведений повествовательный архетип (сюжетные функции героев) оказывается более стойким, чем имена или биографические данные [Пропп 1998, с. 18 – 21].

отечественных и зарубежных литературоведов [Левинтон 1983, с. 152]. Свертывание текста на основе перефразирования плодотворно применяется и сегодня для определения в авторском замысле имплицитного смысла (речевой агрессии, скрытой рекламы и пр.) [Чернышева 2002, с. 50]. Перспективность применения методики В.Я. Проппа к летописному материалу (в том числе и к ПВЛ) была обоснована и проиллюстрирована Я.С. Лурье. Древнерусские книжники, переписывая и дописывая литературные памятники, редко оставляли их неизменными, но, легко видоизменяя памятники, неизменно воспроизводили архетипы. Летописные рассказы вступают в сложные взаимоотношения, в них иногда представлены нетрадиционные сюжеты, но традиционна и повторяема сюжетная схема (функции героев) [Лурье 1970].

Моделирование “текстовой вертикали” осуществляется нами с помощью частотных доминант, что оправдано как методикой исследования ЯЛ, предложенной Ю.Н. Карауловым (определение смысловых доминант ЯЛ), так и “цепочечным” принципом организации средневекового текста, где повторы (повторяющиеся, а потому и частотные лексемы) задают смысловую организацию текста и одновременно, ориентируя повествование на следование образцам, традиции, способствуют его сохранению в ходе исторического бытования памятника письменности.

Дополняем выделенные В.В. Колесовым измерения текста параметром “глубины” – измерением, образуемым параллельными чтениями летописей XIV – XV вв., списков ПВЛ. Если “горизонталь” демонстрирует нам линейное развитие текста, а “вертикаль” – смысловое, то “глубина” раскрывает соотношение списков и моделирует (с помощью разночтений) историческое развитие текста. Обращаясь к “глубине” текстов “Повести временных лет”, мы исследуем варьирование чтений в списках памятника и отвечаем на вопросы: как были изменены традиционные формулы, повествовательная схема (горизонталь), какими смысловыми фрагментами детерминировано новое чтение, какие семантические возможности

исходного текста реализовал писец (вертикаль), как протографы списков взаимодействовали друг с другом и какой из них был предпочтен (приложение 1.2.).

ПВЛ содержит большое количество разночтений, затрагивающих различные уровни языковой системы и текстовой организации: как внешних (в летописных сводах, содержащих ПВЛ), так и внутренних (в параллельных фрагментах той или иной рукописи), что крайне затрудняет пословную реконструкцию этого памятника письменности. Поэтому для определения инноваций, привнесенных в книжно-письменную традицию летописания составителем ПВЛ, нами сопоставляется книжно-письменная традиция ПВЛ, дошедшая в летописных сводах XIV – XV вв. (вобравшая труд ЯЛ составителя ПВЛ) и реконструированная книжно-письменная традиция источников ПВЛ (групповая ЯЛ предшествующих летописцев) в соответствии с предложенной А.А. Шахматовым и разработанной его последователями генеалогической схемой.¹

Выявленные в ходе исследования вектора “глубины” текста разночтения летописей нами классифицируются в соответствии с трехуровневой методикой описания ЯЛ, разработанной Ю.Н. Карауловым: разночтения, затрагивающие лексикон, тезаурус или прагматикон избранного летописного рассказа. Анализ разночтений, с одной стороны, выполняет контрольную функцию, так как при сопоставлении исследуемых летописей определяется степень сохранности в летописных сводах индивидуальных особенностей, привнесенных в летописную традицию составителем ПВЛ, с другой стороны, позволяет проследить преемственность восходящих к деятельности ЯЛ составителя ПВЛ черт книжно-письменной традиции летописания в ходе ее исторического развития.

Исследование разночтений осуществляем на уровне лексики (ЛЗ – замен лексем в параллельных чтениях письменных произведений), так как лексика

¹ Прежде всего нас интересует отношение ЯЛ составителя ПВЛ к ЯЛ составителя гипотетического Начального свода, сохранившегося в НЛ.

является наиболее изученной языковой стратой летописи, обладает наивысшим значением для текстологической атрибуции и играет решающую роль при моделировании ЯЛ.

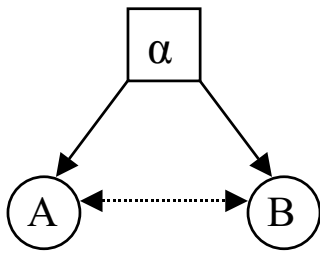
Избранное нами терминообозначение “лексические замены” для обозначения замены одной лексической единицы другой в идентичных контекстах используется далеко не всеми исследователями. Так, термин “разночтения” употреблялся еще в XIX веке и связан с именами таких исследователей, как А.Х. Востоков, Г.А. Воскресенский, М.Н. Сперанский и другие.

Р.М. Цейтлин для обозначения ЛЗ был предложен термин текстологические дублиеты [Цейтлин 1977], но это терминообозначение противоречиво, так как дублиеты предполагают тождество семантических структур, “слова же, не различающиеся семантически, текстологической роли... не играют” [Шелепова 1992, с. 18].

Л.П. Жуковской использовалось терминообозначение “лексические варианты”. Под лексическими вариантами понимаются слова, “тождественные или близкие по значению, и потому взаимозаменявшиеся в разных славянских текстах одного и того же памятника в параллельных местах текста” [Жуковская 1976, с.89]. Однако такое определение акцентирует семантическую близость слов и не охватывает всего многообразия ЛЗ.

Наряду с отмеченными авторами используются и другие обозначения: “лексические замены”, “лексико-семантические параллели”, “вариации”, которые синонимичны в рамках лингвотекстологического метода [Орлова 2000, с.18].

Рассмотрим термины “замены”, “разночтения”, “варианты” и “дублиеты” с текстологической точки зрения.

Представим схему:

где α - единица текста протографа;

A – единица текста одного списка;

B – единица текста другого списка.

Так, Т.И. Орлова считает, что термин “замена” неудачен, так как условен и “предполагает указание на хронологическую отнесенность рукописей” [Орлова 2000, с.16]. Мы считаем, что, напротив, данный термин очень удачен для лингвотекстологического исследования, так как при его использовании заостряется внимание на процесс замены, что согласуется с древовидным разворачиванием генеалогической схемы. У Т.И. Орловой вызывает сомнение правомерность употребления термина “замена” по отношению к единицам А и В. Действительно, прямой зависимости: $A \rightarrow B$ или $B \rightarrow A$ – нет. Однако существование стеммы предполагает фиктивность чтения α , выводимого из соотношения А и В. Гипотетически процесс замены происходит от α к А либо от α к В, где А или В выступает как отражение, проекция α . Если наполнение такой замены не вызывает сомнений, то не должно вызывать сомнений и наличие “реальной”, а не гипотетической замены АВ. АВ условна не более, чем α .

Синонимы терминопозначения “замены” – “разночтения” и “дублиеты” – менее удачны. “Разночтения” предполагают рассмотрение А – В без учета α , “дублиеты” – тождество единиц А и В. В первом случае мы наблюдаем отказ от учета текстологической атрибуции (характерный для лингвистических исследований XIX века), во втором – ее нарушение (при тождестве А и В невозможно установить существование α).

Термин “вариант” оправдан с текстологической точки зрения. Заметим, что варианты текстологические и варианты языковые – не коррелирующие обозначения, а результаты системного подхода к различным сущностям.

Если применить к этому терминологическому указанию выше схему, то А предстает как α_1 (вариант α), В как α_2 (вариант α), где α - позиция нейтрализации А и В. Такой подход предполагает ретроспективный анализ, “от результата”. Мы принимаем термин “замены”, так как нам важно подчеркнуть “процесс”, обратить внимание на историческое развитие текста, где А и В определяются через α , а не наоборот и, более того, детерминируются историческим бытованием произведения.

Итак, наше исследование ЯЛ составителя ПВЛ обнаруживает два этапа: 1) моделирование ЯЛ составителя ПВЛ и определение черт, характеризующих деятельность ЯЛ составителя ПВЛ, в ходе сопоставления книжно-письменной традиции (групповой ЯЛ), восходящей непосредственно к ПВЛ (в качестве основного списка ПВЛ нами используется старейший – ЛЛ¹) и книжно-письменной традиции ее источников; 2) интерпретация ЛЗ как примет исторического развития летописной книжно-письменной традиции, оформившейся под пером ЯЛ составителя ПВЛ, позволяющих судить о преемственности/трансформации книжно-письменной традиции в летописях XIV – XV вв., а также решить вопрос о сохранности письменного наследия составителя ПВЛ в избранных летописях. На каждом этапе выделяем три уровня исследования (лексикон, тезаурус, прагматикон) в соответствии с трехуровневой методикой изучения ЯЛ, предложенной Ю.Н. Карауловым.

На первом этапе исследования анализ лексикона дает нам представление о составе словаря, использованного ЯЛ при создании того или иного погодного сообщения. Один и тот же лексикон не может принадлежать различным ЯЛ, поэтому выявленный словарь необходим для решения вопроса о структуре ЯЛ составителя ПВЛ, гетерогенного памятника письменности. Однако лексикон, представленный в виде инвентаря использованных единиц, мало

¹ Считаем, что моделирование ЯЛ составителя ПВЛ с учетом лишь ЛЛ оправдано нашим отказом от пословной реконструкции: сюжетные архетипы неизменны в основных списках ПВЛ, незначительное смысловое варьирование летописных сводов в передаче оригинала нивелируются выявлением частотных доминант, а сами смысловые особенности той или иной летописи описываются в ходе интерпретации ЛЗ как примет исторического развития книжно-письменной традиции ПВЛ в летописных сводах XIV – XV вв.

пригоден для характеристики ЯЛ как таковой. Более того, специфика лексикона может быть показана только в соотношении с нормой, которая “имплицитно” дана исследователю-синхронисту, но не доступна историку языка, занимающему позицию стороннего наблюдателя. Поэтому, мы ограничиваем исследование лексикона выявлением частотных словарных единиц: частотные лексемы указывают на значимые для личности блоки текста, что востребовано при построении тезауруса ЯЛ.

Традиционно исследование тезауруса сводится к поиску индивидуальной “системы значений”, которая складывается из специфических, характерных для изучаемой ЯЛ употреблений лексических единиц. Поэтому в синхронном исследовании ЯЛ изучение тезауруса базируется на анализе лексикона (исследователь, которому известны немаркированные употребления лексических единиц, легко может определить специфичные). В случае исторического исследования такая система не может быть получена в связи с утратой лексического фона, в который была вписана ЯЛ, однако ЯЛ можно рассмотреть и как индивидуальную реализацию повествовательного архетипа (сюжетной схемы), который, согласно наблюдениям исследователей, устойчив к историческим изменениям [Пропп 1998, с. 18 – 21; Творогов 1976, с. 10]. Если синтагматическая (событийная) запись повествования позволяет выявить использованный в рассказе архетип, то частотные лексические доминанты – определить его (повествовательного архетипа) индивидуальное (авторское) наполнение ЯЛ. Совмещение повествовательного архетипа и частотных доминант образует тезаурусную стратегию. Таким образом, под изучением тезауруса понимаем выявление индивидуального, “авторского” использования тезаурусной стратегии ЯЛ.

Исследование прагматикона предполагает ответы на вопросы о мотивах, установках и целях, которые преследовал создатель (редактор) произведения, избирая ту или иную тезаурусную стратегию, либо корректируя тезаурусную стратегию используемого источника. Эти ответы могут быть получены только при учете социо-культурного контекста древнеписьменного

памятника. При решении названной задачи используем труды отечественных текстологов, изучавших развитие летописания в тесной связи с социополитической и культурно-идеологической жизнью общества, что не противоречит посылкам нашего исследования. Однако в нашем исследовании изучение прагматикона ЯЛ основывается прежде всего на выводах, полученных в ходе анализа лексикона и тезауруса.

На втором этапе мы концентрируем внимание на анализе ЛЗ летописей XIV – XV вв. с точки зрения следования книжно-письменной традиции ПВЛ, охарактеризованной на первом этапе исследования. Анализ осуществляется на трех указанных уровнях, в соответствии с которыми и квалифицируются выявленные ЛЗ как замены лексикона, тезауруса или прагматикона.

Стратификация осуществляется нами следующим образом: если ЛЗ затрагивают частотные доминанты (вертикаль) или сюжетную схему использованного источника (горизонталь), характеризующие использованную составителем ПВЛ в летописном сообщении тезаурусную стратегию, данные ЛЗ относим к ЛЗ тезауруса; если ЛЗ свидетельствуют об изменении цели, задач, которые преследовал составитель предшествующего свода (что побудило летописца откорректировать тезаурусную стратегию оригинала или построить повествование по иной тезаурусной стратегии), определяем эти ЛЗ как ЛЗ прагматикона; если ЛЗ не затрагивают тезаурусный или прагматический уровни организации ЯЛ (или книжно-письменной традиции – групповой ЯЛ), но передают содержание летописного сообщения с помощью вариативных лексических средств, обозначаем их как ЛЗ лексикона.

Выводы.

Традиционно составление ПВЛ приписывается монаху Киево-Печерского монастыря Нестору. Однако реконструируемая по произведению письменности ЯЛ неизбежно преломляется в призме самого произведения. ПВЛ как памятник письменности вобрала лишь часть языкового богатства своего создателя, который был ограничен в использовании языковых средств, стилем и тематикой, ориентировался на материал предшествующих летописных сводов. Указанные особенности не позволяют отождествить исследуемую ЯЛ с ЯЛ Нестора. Поэтому определяем моделируемую ЯЛ как ЯЛ составителя ПВЛ.

На основе обзора научной литературы по проблемам изучения ЯЛ нами были определены особенности исследования ЯЛ составителя ПВЛ как ИЯЛ. В диссертации предложено изучение ИЯЛ на основе анализа книжно-письменной традиции (групповой ЯЛ летописцев), вариативно донесшей до нас литературное наследие ЯЛ составителя ПВЛ.

При моделировании ЯЛ мы придерживаемся лингводидактического направления и вслед за Ю.Н. Карауловым под ЯЛ понимаем “совокупность способностей и характеристик человека [*группы писцов – Д. А.*], обуславливающих создание и воспроизведение им [*ими*] речевых произведений [*текстов*], которые различаются а) степенью структурно-языковой сложности, б) глубиной и точностью отражения действительности, в) определенной целевой направленностью...”[Караулов 1987, с. 3]. В качестве исторического аналога речевой способности нами используется понятие языковой компетенции книжника, которая проявлялась при создании (редакторской правке, переписывании) письменного произведения в обращении книжника к образцовым текстам.

В соответствии с требованиями лингвотекстологической методики наше исследование ЯЛ составителя ПВЛ базируется на текстологической интерпретации ПВЛ и учитывает литературные особенности летописных сводов как произведений культуры Древней Руси.

Большинство летописных статей, избранных нами для анализа, являются летописными сказаниями – типом летописных рассказов, наиболее распространенным в ПВЛ. Полагаем, что моделирование ЯЛ составителя ПВЛ возможно осуществить на материале данных фрагментов ПВЛ, так как указанные летописные сообщения имеют важное текстологическое значение для доказательства гипотезы А.А. Шахматова о Начальном своде и предшествующем ему летописании [Шахматов 2001-а; Творогов 1976; Гиппиус 2001], в то время как библейско-космографическое введение представляется наименее оригинальной частью ПВЛ, складывавшейся на протяжении всего XI в. В отличие от введения, текстологическая стратификация которого еще не решена, особенности, присущие летописной традиции до составления ПВЛ, и элементы, привнесенные в традицию ЯЛ составителя ПВЛ, могут быть выявлены в привлеченных летописных известиях.

Мы разделяем концепцию В.М. Живова о двух регистрах литературного языка Древней Руси и считаем, что ПВЛ принадлежит к гибриднему регистру. Концепция В.М. Живова, построенная на летописном материале, вскрывающая сущность языковых, литературных и стилистических изменений, возникших в ходе многовекового переписывания, редакторской правки летописных сводов, актуальна для исследования ИЯЛ, так как оперирует понятием книжно-письменной традиции, на которую (как своеобразный узус) ориентировался древнерусский книжник.

С учетом текстологических, литературных и языковых особенностей ПВЛ нами предложена методика моделирования ЯЛ составителя ПВЛ. Для моделирования ЯЛ составителя ПВЛ нами осуществляется сопоставление книжно-письменных традиций (устойчивых во времени образцов летописного жанра, на которые ориентировался летописец при создании (переписке, редакторской правке) летописного свода – своеобразных “образов автора”, сформированных групповой ЯЛ летописцев): 1) сохранившей инновации, привнесенные составителем ПВЛ, и 2) книжно-

письменной традиции, предшествовавшей ПВЛ (это, прежде всего, Начальный свод, дошедший в составе Н1Л, а также иные источники, отразившиеся в ПВЛ). Данное сопоставление, базирующееся на принятой нами генеалогической схеме, дает возможность определить выявленные особенности как характеризующие ЯЛ составителя ПВЛ. Моделирование ЯЛ составителя ПВЛ, компонентом которой, согласно представлениям о структуре ЯЛ в лингводидактике, представляется книжно-письменная традиция летописания (групповая ЯЛ), производим на трех уровнях (лексикон, тезаурус, прагматикон).

Летописи XIV – XV вв. донесли ПВЛ в измененном виде, поэтому мы обращаемся к исследованию разночтений (ЛЗ) – показателей изменений (лексических, смысловых, целевых), привнесенных в ПВЛ летописцами последующих веков. На основе выявленных ЛЗ мы решаем вопрос о сохранности черт ЯЛ составителя ПВЛ в книжно-письменной традиции, на которую ориентировались летописцы XIV – XV вв., а также определяем преемственность особенностей, привнесенных в книжно-письменную традицию русской средневековой анналистики ЯЛ составителя ПВЛ по избранным летописям.

Глава 2

Моделирование языковой личности составителя “Повести временных лет” и интерпретация лексических замен как результатов развития книжно-письменной традиции русской средневековой анналистики.

В данной главе на материале избранных летописных статей и в соответствии с предложенной методикой осуществляем исследование ЯЛ составителя ПВЛ.

В первом пункте параграфов рассматриваем текстологические, литературные или иные особенности, учет которых необходим при анализе летописного сообщения.

Следующие два пункта в каждом параграфе посвящены собственно исследованию ИЯЛ: во втором пункте описывается история создания летописной статьи ПВЛ (на основе сопоставления книжно-письменных традиций ПВЛ и использованных в ПВЛ источников); в третьем пункте на материале ЛЗ мы выясняем сохранность литературного наследия составителя ПВЛ, а также определяем трансформации, привнесенные в книжно-письменную традицию ПВЛ во время исторического бытования этого памятника письменности в составе летописных сводов, отразившихся в анализируемых нами летописях XIV – XV вв.

2.1. “Призвание варяжских князей в 862 (6370) г.”

2.1.1. Текстология и состав летописной статьи. Традиционно “Призвание...” атрибутируется как один из архаичных пластов ПВЛ, так как читается в Н1Л, возводимой А.А. Шахматовым и его последователями к тексту гипотетического “Начального свода”, предшествующего ПВЛ. Н1Л, согласно представлениям А.А. Шахматова, М.Д. Приселкова и др., наиболее полно сохранила новгородскую ветвь летописания и передает текст предполагаемого “Новгородского Владычного свода”. Иные из дошедших до нас новгородских летописей входят в группу Новгородско-Софийских летописей и представляют собой контаминацию новгородского и

общерусского летописания, что значительно затрудняет текстологическую реконструкцию чтений ПВЛ в фрагментах, где основные списки ПВЛ – летописные своды сер. XIV – н. XVI вв. не имеют параллелей Н1Л. С другой стороны, использованный в Новгородско-Софийской группе источник отражает более древний протограф русских летописей, чем протограф “основных списков” ПВЛ [Гиппиус 2002, с. 82 – 83].

А.А. Шахматовым чтения, общие для “основных списков” ПВЛ, не читаемые в Н1Л, возводились непосредственно ко второй редакции ПВЛ (1116 г.). К таковым в разбираемой летописной статье относятся извлечение из “таблицы народов” (к Р҃си: сице бо ся звахѹть ти варязи Р҃сь, яко се друзии зовѹться Ѡвен, друзии же Ѹрмане и Англяне, инии Гѹти, тако и си...) [Шахматов 1916, с. 19]; и пространная вставка со слов: “... и раздая мѹжемъ своимъ грады...” до “... Рюрику же княжаста в Новѣгородѣ [Шахматов 1916, с. 20 – 21]. А.А. Шахматов относил к деятельности составителя ПВЛ введение библейских цитат, повествование о расселении славян и извлечения из Хроники Г. Амартола, что позволяет трактовать указанные чтения как вставки из этих фрагментов. Однако в настоящее время шахматовская интерпретация встречает ряд возражений. Так, М.Х. Алешковский на основе выявленных структурных аналогий вставочных чтений доказал, что вставки из Библии производились на протяжении XI в. еще на этапе становления “Начального свода” и читались уже в нем, хотя и менее подробно, чем в ПВЛ [Гиппиус 2001, с. 149 – 154].

В свою очередь, сам “Начальный свод” на основе анализа содержания возводим к “Древнейшему своду”, датируемому к. X в. (Л.В. Черепнин, Б.А. Рыбаков) – н. XI в. (А.А. Шахматов, М.Д. Приселков, Д.С. Лихачев, А.Н. Насонов) [Гиппиус 2001, с. 177]. Существуют основания предполагать, что “Призвание...” читалось уже в нем наряду со сказаниями “О начале Русской земли”, “О первых русских князьях”, “О крещении Руси” (в первоначальном варианте) [Тихомиров 1979-б, с. 48].

Долгое время “Начальный” и “Древнейший” летописные своды

оставались сферой научных догадок; однако в настоящее время текстологическая гипотеза А.А. Шахматова получила лингвистическое подтверждение (выявлены языковые приметы текстологических пластов, очерчен круг восходящих к ним чтений [Гиппиус 2001, с. 162]), что позволяет использовать эти элементы реконструкции А.А. Шахматова в нашем исследовании.

“Основные” списки ПВЛ также не обнаруживают единства в передаче текста “Призвания...”. Так, в ИЛ, ХЛ, РЛ и АЛ читается отсутствующее в ЛЛ и НЛ “Ладожское предание”: “... кѣ словѣномъ первое, и сѣрѣвиша городъ Ладогѣ, и сѣде старѣишии въ Ладозѣ Рюрикѣ, а другыи Синеусѣ на Бѣлѣозерѣ, а третии Труворѣ въ Изборьстѣ. И отъ тѣхъ Варягъ прозъвася Русская земля. По дѣвою же лѣтѣ умре Синеусѣ и братъ его Труворѣ, и прия власть Рюрикѣ всю единѣ. И пришьдѣ к Ильмерю, сѣрѣви городъ надъ Вѣлховѣмъ, и прозъваша и Новѣгородѣ, и сѣде тѣ, кѣняжа, и раздая мужемъ своимъ волости и города рубити...” [Шахматов 1916, с. 20], которое, наряду с параллелями в статьях 1096 г. (“Угра же сѣть людѣе языкъ нѣмъ и сѣсѣдятся съ самоѣдѣю на полнощныхъ странахъ” и пр. [8; с. 82 – 83]) и 1114 г. (“и сѣть и еще мужи старии ходили на Югрѣ и за Самоядѣ, яко видевше сами на полнощныхъ странахъ” и пр. [Шахматов 1938, с. 83]), – дало А.А. Шахматову возможность противопоставить основные списки как следующие за второй редакцией Сильвестра (1116 г.) или за третьей редакцией (1118 г.). Соотношение дошедших до нас сводов осложняется утратой первоначального текста ПВЛ и смешением текстов второй и третьей редакций. Так, очевидно влияние протографа, отражающего редакцию 1118 г., на РЛ и АЛ(содержат “Ладожское предание”), тогда как в целом эти летописи следуют первой редакции [Гиппиус 2001, с. 79].

Таким образом, летописная статья 862 г. берет истоки в глубокой древности, дошедший до наших дней текст представляется осложненным редакторской переработкой, а историческая судьба “Призвания ...”

дискуссионной.

2.1.2. Моделирование языковой личности. Так как списки Новгородской первой летописи младшего извода (Н1Л) относительно основных списков ПВЛ обнаруживают существенные расхождения, при исследовании лексикона нами было принято решение проанализировать частотную лексику не только в ЛЛ (как в одном из основных списков ПВЛ), но и в Н1Л, передающей чтения “Начального свода”, а также в реконструированных А.А. Шахматовым чтениях “Начального свода”, использованных в ПВЛ [Шахматов 1916, с. 21 – 22]. При исследовании частотных доминант использовался программный продукт TextAnalyst 2.01 [TextAnalyst 1997 – 1999]. Данная программа работает на базе “Грамматического словаря русского языка” А.А. Зализняка, поэтому нами была произведена морфологическая адаптация лексем. В ходе анализа нами обнаружены следующие частотные доминанты: **варяги** (6), **город** (6), **Рюрикъ** (4), **Новгородъ + новгородцы** (2+2) в Лаврентьевской летописи; **варяги** (7), **Игорь** (6), **словени** (6), **кривичи** (5), **Аскольд** (5), **Дир** (4), **Новгород + новгородцы** (3+2), **княжити + князь** (4+2), **городъ**(4) в Новгородской первой летописи младшего извода по Комиссионному списку; **варяги** (3), **Новгород** (3), **земля** (2)¹. Выявленные лексеммы позволяют констатировать “северный” характер рассказа о начале древнерусской государственности, что противоречит версии о киевском происхождении первых летописных сводов². Установление государственности приписывается легендарным варягам, олицетворяемым русским князем Рюриком (по версии ПВЛ) или его сыном Игорем (по версии Н1Л).

Тезаурус летописной статьи в фрагменте, тождественном в ЛЛ и Н1Л, характеризуется использованием тезаурусной стратегии “разрушение

¹ Фрагмент общего в Н1Л и ЛЛ текста весьма незначителен, однако вес указанных доминант может быть увеличен с помощью тематически связанной лексики (варяги: **Рюрик** (2), **Трувор** (2), **Синеус** (2); **Новгород: словени** (2).

² А.Н. Насонов, ссылаясь на мнение А.А. Шахматова, утверждает, что источником этого летописного рассказа явилась киевская легенда, которая, скорее всего, даже не была известна в Новгороде [Насонов 2002]. Однако значимо само наличие такой легенды и ее включение в летописный свод.

размеренного мира – торжество злых стихий – восстановление порядка”.

Славянские племена изгоняют варягов-наемников, на славянской земле воцаряется произвол и братоубийство. Назревает потребность в упорядочивающем начале – князе: “И рѣша к сѣвѣ: князя поищем, иже бы владѣлъ нами и рядилъ ны по праву...” [Н1Л 2000, с. 106]; “земля наша велика и обильна, а наряда у нас нѣтъ...” [Н1Л 2000 с. 106]. Данные контексты демонстрируют связь лексем **князь** и **нарядъ** “порядок, устройство” [Срезневский 1988]. Таким гарантом устроенного мира предстает варяжский князь Рюрик. По своей функции Рюрик – герой-прародитель этноса, что подтверждается наличием таких лексем, как **родъ**, **начати**, **городъ**, **княжити**; параллелями “Призвания...” со “Сказанием о начале Русской земли”, ср.: “В лѣто 6362. Начало земли Рүскои. Живяху каждо съ родомъ своимъ на своихъ мѣстѣхъ и странахъ, владѣюща каждо родомъ своимъ” [Н1Л 2000, с. 104] и “и вѣста родъ на родъ” [ЛЛ 1962, с. 19], “и избѣрашася 3 брата с роды своими” [ЛЛ 1962, с. 20]. В окружении Трувора и Синеуса Рюрик противопоставлен легендарным славянам – основателям Киева: Кию, Щеку и Хориву (предположительно выполняет замещающую функцию). Рюрик вокняжается в Новгороде и после смерти братьев становится первым единоподержцем на Руси, получившей название от его племени.

Помимо совпадающего фрагмента Н1Л, сохранившая “Начальный свод”, и ЛЛ обнаруживают существенные расхождения. Имплицитно содержащаяся в смоделированном нами эпизоде отсылка к именам Кия, Щека и Хорива, а также связь “Призвания...” с летописным рассказом “О убиении Аскольда и Дира Олегом и Игорем” [Н1Л 2000, с. 107] позволяет определить первоначальные границы летописной статьи этими маркерами. Таким образом, текст Н1Л, содержащей названные фрагменты, признаем первоначальным, что соответствует гипотезе А.А. Шахматова о “Начальном своде”.

Не вызывает сомнений, что различия Н1Л и основных списков ПВЛ

обусловлены положенной составителем ПВЛ на ранее слитное повествование погодной сетью.

Прагматикон всех источников характеризуется единой мотивировкой: в летописях проводится мысль, что варяжский род Рюрика или Игоря – единственная законная династия на Руси, а все остальные правители – узурпаторы. Такая позиция отвечает средневековой историографической традиции, где правящий род возводился к иноземному, чем устранялась возможность соперничества местных родов. “По мнению летописца, утверждение, что династия Рюриковичей уходит в глубокую древность, должна была поднять престиж кровного родства князей, укрепить их сознание братских уз, предотвратить усобицу” [Творогов 1979]. Н1Л, содержащая в “Призвании...” рассказ о коварном убийстве Аскольда и Дира, сохраняет довольно древние коннотации. Так, династия русских князей возводится к Игорю, что соответствует сведениям древнейших источников [Творогов 1979], центром государственной власти выступает Киев, что согласуется с киевским происхождением летописных известий, подчеркивается насильственный характер распространения государственной власти с севера на юг по оси Днепра: “и начаста воевати, и налѣзоста Днѣпръ рѣкѣ и Смолнескъ градъ. И оттолѣ поидоша внизъ по Днѣпру...” [Н1Л 2000, с. 107], убийство правителей Киева. Частотность лексем **варяги** (7) и **Новгород** (4), а также общее построение летописного рассказа позволяют предположить, что данное предание было включено в повествование в интересах князя, связанного с Новгородом и насильственно вокняжившегося в Киеве при помощи наемников-варягов. Данным критериям соответствуют два князя: Владимир Креститель, правивший в Новгороде, совершавший поездку на варяжскую родину и предательски убивший своего старшего брата киевского князя Ярополка, и Ярослав Мудрый, избавивший киевлян от Святополка Окаянного с помощью дружин новгородцев и варягов.

Заметим, что статья за 6524 (1016) г. о вокняжении в Киеве Ярослава на

событийном уровне обнаруживает параллели с “Призванием...”: новгородцы не вынесли унижений от варяжских дружинников Ярослава и вырезали наемников, вошедший в город Ярослав сурово покарал горожан. Но в ту же ночь из Киева пришла весть, что умер отец Ярослава Владимир и на стол сел Святополк. Поэтому Ярославу пришлось мириться с горожанами и срочно выступать на Киев с варяжскими и новгородскими дружинами. Хотя Святополк и был законным наследником, но имел дурную репутацию как “сын двух отцов” и отличался западными взглядами, чуждыми киевлянам. Ярославом Мудрым была учреждена Русская правда (*рядити по праву*). Однако на языковом уровне данные статьи обнаруживают принадлежность к различным текстологическим слоям [Гиппиус 2001, с. 165 – 166].

С другой стороны, историческая параллель с деяниями предков “реабилитирует” братоубийцу Владимира, вошедшего в историю как князь, украсивший Русь нарядом христианской веры.

Датировка “Призвания...” требует отдельного исследования и не может быть решена в рамках данной работы. Для нас же важно, что прагматическая организация летописного сообщения дает основания относить включение “Призвания...” в летопись в древнейший период русской историографии к X – н. XI вв., а “новгородская” природа сказания находит историческое объяснение.

Собственно говоря, “новгородский” элемент усилился, когда текст был разбит по летам. Относительно “Начального свода” ПВЛ имеет и иные отличия. Вследствие оформления в отдельную статью топонимического предания об Аскольде и Дире, а также вставки “о городах” смещается акцент с “завоевания Киева” на “собираение Русской земли”: “и раздая мѹжемъ своимъ грады, овомѹ Полотескѹ, овомѹ Ростовѹ, другомѹ Бѣлоозѣро...” [ЛЛ 1962, с. 21]; “Асколъдо же и Диръ ... начаста владѣтъ Польскою землею. Рюрику же княжаста в Новѣгородѣ” [ЛЛ 1962, с. 21]. Таким образом, в ПВЛ основание Русской земли соотносится не с захватом Киева, но с становлением городов, что соответствует прагматическим установкам

составителя летописного свода: эта вставка “... на рубеже XI – XII вв. соответствовала стремлению династии Рюрика – Игоря распространиться по областям (на Полоцк, на Смоленскую землю, в Ростово-Суздальском крае) и, таким образом, отражала актуальную политическую тенденцию” [Насонов 2002]. Изменение тезауруса связано с трансформацией тезаурусной стратегии. Например, вставкой: “к Р҃си: сице бо ся звах҃уть ти варязи Р҃чь, яко се друзии зов҃уться Ѡвен, друзии же Урмане и Англяне, инни Г҃ти, тако и си...” [Шахматов 1916, с. 19] – “Призвание...” вписывается в историко-христианский контекст введения (перечень норманнских народов обнаруживает параллели с так называемой “таблицей народов”). С помощью программы Word Tabulator v2.2.1 for Windows [Word Tabulator 1999 – 2002] нами была исследована данная вставка на наличие параллельных чтений. В качестве запроса использовались словоформы **ти, с҃ть, сице(с҃це)**. В ходе обработки материала помимо связи с “таблицей народов” была обнаружена параллель со сказанием о расселении славян: “... и прозвашася Ляхове, а от техъ Ляховъ прозвашася Поляне Ляхове, друзии Л҃тичи, инни Мазовшане, инни Поморяне, такоже и ти...” [ЛЛ 1962, с. 6], так же вводящим в контекст библейского (послепотопного) расселения народов.

Вставка “Ладожского предания”, произведенная составителем третьей редакции ПВЛ и дошедшая в текстах ИЛ, РЛ и АЛ, снимает с Новгорода “особую” роль в происхождении государственной власти на уровне тезауруса. Исчезает смысл, возникший как побочный продукт расчленения единого повествования по годам; еще в большей степени разворачивается географическая перспектива Русского государства. Таким образом, третья редакция сохраняет прагматическую организацию ПВЛ.

Итак, в ходе первого этапа исследования нами была построена модель “Призвания...” как компонента ЯЛ составителя ПВЛ. На уровне тезауруса нами обнаружена тезаурусная стратегия: “разрушение размеренного мира – торжество злых стихий – восстановление порядка”. В плане прагматической организации данной тезаурусной стратегии соответствует интенция

собираения Русских земель вокруг Киева и прекращения усобицы. Составителем ПВЛ извлеченная из источника тезаурусная стратегия была переструктурирована в соответствии с запросами современности. В качестве аргумента собирания власти в руках династии Рюриковичей было эксплицировано иноземное происхождение варяжской династии. Первые русские князья маркированы в ПВЛ как “чужие”— норманны, тогда как материал Н1Л свидетельствует, что изначально летописцем правящая династия воспринималась как исконная, “своя”: “и бѣша у него варязи мѹжи словенѣ, и оттолѣ прочии прозвашася рѹсью” [Н1Л 2000, с. 107].

2.1.3. Исследование лексических замен.

Материал разночтений “Призвания...” позволяет выделить следующие группы ЛЗ лексикона.

1. Адаптация лексических средств, которая проявляется в замене “чужой”, непонятной или просто устаревшей лексики на близкую и понятную летописцу, проникновении в текст областной лексики.

Так, синонимические ЛЗ **СҮДИТИ** (ЛЛ) – **РЯДИТИ** (АЛ, ИЛ, С1Л, Н1Л) – “пропуск“(РЛ): “поищемъ собѣ князя иже бы володѣлъ нами и с҃дилъ по правѹ” [ЛЛ, с. 19] и **ПРАВО**(ЛЛ, ИЛ, РЛ, АЛ, Н1Л) – **ПРАВДА**(С1Л): “поищемъ собѣ князя иже бы володѣлъ нами и с҃дилъ по правѹ” [ЛЛ, с. 19] отражают процесс формирования древнерусской “правовой” терминологии.

Лексическая замена **ДНѢШНИИ** (С1Л_о, Н1Л) – **НЫНѢШНИИ** (С1Л_к) – “пропуск” (ЛЛ, ИЛ, РЛ, АЛ): “и с҃ть новгородстии людие до днешнего дни от рода варяжска” [Н1Л, с. 106] вызвана проникновением в архаичный летописный язык живого, разговорного языка переписчика, разрушающего тавтологическое сочетание **днешнии днь**, характерное для книжного языка.

2. Примером замены “уникальной” лексемы на ее более частотный аналог служит разночтение **ВЛАДѢТИ**⁵ (ЛЛ, С1Л_о) – **КНЯЖИТИ**¹⁸ (ИЛ, РЛ, АЛ, С1Л_к) – “пропуск” (Н1Л): “и начаста владѣ Польскою землею. Рюрику

же княжаста в Новѣгородѣ” [ЛЛ, с.21], когда в двух списках происходит независимая мена архаичного, свойственного начальной части ПВЛ глагола **владѣти** на распространенный как в ПВЛ, так и в продолжающем ее летописании глагол **княжити**.

К этой же группе относим ЛЗ **ОСТАТИСЯ**⁴ (ЛЛ, ИЛ, РЛ, С1Лк) – **СѢДѢТИ**⁵⁷ (С1Лю) – “пропуск” (Н1Л): “Аколѣдо же. и Диръ. остагта въ градѣ семь. и многи Варяги скүписта. и начаста владѣт Польскою землею” [ЛЛ, с. 21]. Замена возникла под пером писца Оболенского списка Софийской 1 летописи старшего извода под воздействием частотного в ПВЛ устойчивого сочетания “сѣдѣти въ градѣ”.

3. В ЛЗ **ОНИ** (ЛЛ, ИЛ, РЛ, АЛ) – **ТҮ СҮЩИИ** (С1Л) – “пропуск” (Н1Л): “они же рѣша была с҃уть 3 братья. Кни. Щекъ. Хоривъ. иже сдѣлаша градоко-сь. и изгнвоша” [ЛЛ, 20 – 21] замещается “темное” чтение списков – “они”. Трансформации тезауруса, предпринятые составителем ПВЛ, привели к смешению в рамках летописного рассказа оппозиции “свои – чужие”. Писец С1Л, контаминирующий чтения новгородского и общерусского летописания, придерживался общерусского источника, подновляя его подробностями новгородского источника, был таким образом, поставлен в затруднительное положение. Поэтому, по-видимому, им было принято решение адаптировать невразумительные чтения источников и заменить местоимение замещающим словосочетанием **т҃ү с҃ущии**. К “улучшающим” текст ЛЗ относится и разночтение **НАСЕЛЬНИКЪ** (ЛЛ, АЛ, РЛ, С1Л) – **НАСЛЕДНИКЪ**(ИЛ) – “пропуск” (Н1Л): “и по тѣмъ городомъ с҃уть находи“//ци Варязи а перьвии насельници в Новѣгородѣ Словѣне . [въ] Полотъски Кривичи...” [ЛЛ, с. 20]. Противопоставление варягов и словен как “пришельцев” и “жителей” во вставке составителя ПВЛ летописец ИЛ трансформирует в “те, кто наследовал” – “те, у кого наследовали”. Считаем, что происходит мена незнакомого на знакомое и ожидаемое.

4. Следующая группа ЛЗ лексикона связана с трансформациями

лексических маркеров синтаксических конструкций.

СУТЬ (ЛЛ) – **РУСЬ** (ИЛ, РЛ, АЛ, С1Л) – “пропуск”(Н1Л): “идаша за море к варягомъ, к Руси: сице бо ся звахуть ти варязи Русь(ЛЛ: и варяги суть), яко се друзни зовуться **Свен**, друзни же **Урмане** и **Англяне**, инии **Гъти**, тако и си...” [ЛЛ, с. 19]. ЛЗ происходит в поясняющей вставке из таблицы народов, принадлежащей перу составителя ПВЛ [Шахматов 1916, с. 19]. С помощью программы Word Tabulator v2.2.1 нами были рассмотрены все контексты со словоформами **ти**, **суть**; **и**, **суть** в ЛЛ, РЛ, АЛ и Н1Л. Было обнаружено, что сочетание “**и суть**” является способом оформления уточняющих конструкций на всем протяжении избранных летописей, тогда как сочетание “**ти + имя собственное**” в начальной части ПВЛ характеризует поясняющие вставки во фрагментах, возводимых к деятельности составителя ПВЛ и структурно близких к извлечению из таблицы народов: “и прозвашася **Морава**. а друзни **Чеси** нарекоша^{ся}. а се ти же **Словѣни**” [ЛЛ, с.5]; “и прозвашася **Ляхове**. а от тѣхъ **Ляховъ** прозвашася **Поляне**. **Ляхове**. друзни **Лутичи**. инии **Мазовшане** инии **Поморяне** . такоже и ти ” [9; с.5]. Считаем, что писцом ЛЛ вместо окказионального чтения ПВЛ был избран более частотный маркер поясняющей конструкции. Аналогичную природу имеет связанная с предыдущей замена **И** (ЛЛ) – **ТИИ/ТЫ** (АЛ, ИЛ) – “пропуск”(РЛ, Н1Л, С1Л).

Лексическая замена **ТИ/ТИИ** (ЛЛ, РЛ, АЛ) – “пропуск”(ИЛ) – **И** (Н1Л, С1Л): “от тѣхъ [**Варягъ**] прозвася **Руская** земля **Новгородци** ти **суть** людье **Новгородци** от рода **Варяжска** . преже бо бѣша **Словѣни**” [ЛЛ, с. 20]. Чтения Н1Л и С1Л, а также выявленный с помощью программы Word Tabulator v2.2.1 маркер уточняющей конструкции **и суть** свидетельствуют о первичности чтений новгородских летописей. Очевидно, что замена местоимением **ти** союза **и** осуществляется по аналогии конструкции вставки из таблицы народов. Полученная таким образом конструкция “**ти суть**” – окказиональна, не имеет параллелей в тексте ПВЛ, а потому была исключена

составителем ИЛ как темное место.

В эту же группу включаем ЛЗ **ДРУГИИ** (ЛЛ, РЛ, АЛ) – **ИНЫИ** (ИЛ, С1Л) – “пропуск” (Н1Л): “**сице бо ся звахуть и. варязи суть. яко се друзии зъвуться Своє. друзии же Оурмане. Анъглыне друзии Гъте. тако и си**” [ЛЛ, с. 19], **ДРУГИИ** (ЛЛ, ИЛ, РЛ, АЛ) – **ИНЫИ** (С1Л) – “пропуск”(Н1Л): “**прия власть Рюрикъ . и раздая мужемъ своимъ грады. овому Полотескъ овому Ростовъ другому Бѣлоозеро**” [ЛЛ, с. 20], которые обусловлены варьированием указанных местоимений в рамках устойчивых конструкций перечисления.

Итак, ЛЗ лексикона свидетельствуют о преемственности словарного состава летописного текста вплоть до XIV – XV вв. Нами отмечены лишь отдельные случаи лексической адаптации; в целом лексикон “Призвания...” отражает универсализацию словаря ПВЛ: снятие маркированных элементов, замены индивидуальных чтений на распространенные в тексте.

При исследовании ЛЗ тезауруса мы решаем вопрос о преемственности последующими веками элемента картины мира, запечатленного в рассказе ПВЛ: остался ли он неизменным в списках, или же в летописном сюжете актуализировались скрытые ранее возможности, которые привели к созданию новой редакции, что характеризуется обилием потенциальных синонимов, переосмыслений, поясняющих и/или изменяющих содержание вставок, купюр.

ИЗГНАТИ(ЛЛ, ИЛ, С1Л, Н1Л) – **ВЫГНАТИ**(АЛ) – **БЫТИ**(РЛ): “**Изъгнаша Варяги за море и не даша имъ дани. и почаша сами в собѣ володѣти**” [ЛЛ, с. 19]

Выявленная в ходе анализа мировоззренческая модель оказалась продуктивной в отечественной историографии и получила дальнейшее развитие в идеологии Московского государства [Михайлов, Михайлова 1997-б]. Чтения списков свидетельствуют о закреплении в русском летописании пронорманнской позиции, актуализированной составителем ПВЛ. Более того, в РЛ даже усиливается эта интенция: в качестве причины усобицы

избирается отсутствие правящей элиты (**БЫВША ЗА МОРЕМ** – по аналогии с **и БЫВША В НИХЪ УСОБИЦИ**). Иначе осмысливается роль варягов в становлении русской государственности в С1Л, что отражено в ЛЗ **ИТИ** (ЛЛ, ИЛ, РЛ, АЛ, Н1Л) – **ПОСЛАТИ** (С1Л): “**идаша за море къ Варягомъ к Рүсі . сице бо ся звахуть и. варязи сүть**” [ЛЛ, с. 19]. В С1Л, напротив, подчеркивается независимость выбора восточных славян, оформленного “авторитетной” вставкой из византийского летописания. Таким образом, в указанных примерах по-разному решается конфликт – “иноземная династия у власти”, привнесенный составителем ПВЛ для обоснования исключительного(иноземного) характера власти Рюриковичей. Чтение **ити** свидетельствует, что летописцем была избрана позиция чужеземцев (которые таковыми в “Начальном своде” не являлись), тогда как чтение **послати** представляет позицию коренного населения.

РҮСЬ (ЛЛ, ИЛ, РЛ, АЛ) – **ДРҮЖИНА** (Н1Л, С1Л): “**и изъбращася 3 братья с роды своими. [и] пояша по собѣ всю Рүсь**” [ЛЛ, с. 20]. Несмотря на очевидную значимость данной замены для текстологической реконструкции, мы считаем, что нет оснований возводить эту ЛЗ на уровень прагматикона. Данная замена сигнализирует о различном наполнении тезауруса в текстах ПВЛ и “Начального свода” (Н1Л). Если чтение **дрүжина** не мотивировано в оппозиции “свои – чужие”, то чтение **Рүсь**, отсылающее к вставке норманнских народов, напротив, усиливает направленность текста ПВЛ на утверждение иноземного происхождения княжеской власти. Данная интенция подчеркивается связанным с существительным атрибутом, универсализирующим власть варягов: **ВЄСЬ** (ЛЛ, ИЛ, РЛ, АЛ) – **МНОГИИ/ПРЕДИВНЫЙ** (Н1Л, С1Л). Заметим, что, хотя чтение С1Л аналогично чтению Н1Л, принципы их возникновения различны: если в Н1Л данное чтение направлено на описание предтеч киевских князей, то в С1Л, содержащей вставку о норманнах, выбор “новгородской” версии скорее обусловлен интересом к подробностям.

ОНА (ЛЛ, ИЛ,РЛ,АЛ,С1Л) – **МЫ** (Н1Л): “**вся земля наша велика и обилна . а наряда в ней** (Н1Л: у нас) **нѣтъ . да поидѣте княжитъ и володѣти нѣми**” [ЛЛ, с. 19]. Поверхностно данная замена относится лишь к уровню лексикона: представляет собой варьирование средств оформления тематической отсылки. Однако в контексте связанных с данным местоимением лексем: **земля, нарядъ, княжити, володѣти** мена местоимения 1 лица на местоимение 3 лица свидетельствует о смещении точки зрения на описываемые события с “происхождения нашей, киевской государственности” на “происхождение династии Рюриковичей”.

Таким образом, материал ЛЗ тезауруса “Призвания...” свидетельствует о преимуществах выявленной тезаурусной стратегии, возводимой к глубокой древности и дошедшей без существенных изменений до к. XV в. С другой стороны, произошедшая на этапе создания ПВЛ модификация содержания шаблона нашла отражение в ЛЗ, что проявляется в противопоставлении основных списков ПВЛ и Н1Л и выравнивании в летописных сводах семантических “дефектов” составителя ПВЛ.

На уровне прагматикона нами не отмечено ЛЗ, что свидетельствует о тождественном прагматическом устройстве “Призвания...” в проанализированных нами летописях и противопоставляет их параллельные чтения не как различные произведения письменности, но как варианты одного произведения.

Итак, “Призвание варяжских князей” посвящено вопросу происхождения государственной власти на Руси. На первом этапе исследования нами была выявлена тезаурусная стратегия “изгнание сил порядка – хаос – возвращение и воцарение гармонии”, которая была использована автором к. X – н. XI в. для описания происхождения Киевского государства. Прагматически данное повествование было ориентировано на утверждение власти киевских князей. В соответствии с политической обстановкой к. XI – XII вв. составителем ПВЛ данная тезаурусная стратегия была использована для обоснования необходимости единого государства с правящей династией Рюриковичей.

Летописная статья получила направленность на прекращение усобицы и соответствовала тенденции собирания русских земель. Составителем ПВЛ данное сказание было включено в контекст библейской историографии. Для обоснования исключительности Рюриковичей была разработана тема иноземного происхождения правящей династии. Переработка повествования не могла не отразиться на организации повествования, что проявилось в невольном акцентировании роли Новгорода в создании государства. Данный недочет был устранен в редакции 1118г.

В целом идея иноземного происхождения правящей династии оказалась востребованной средневековой историографией, свидетелями чему являются летописные своды XIV – XV вв., не несущие следов серьезной переработки материала ПВЛ (основными причинами ЛЗ являются адаптация устаревшей лексики и снятие противоречий, возникших на этапе создания ПВЛ).

2.2. “Поход Аскольда и Дира на Греки в 866 (6374) г.”

2.2.1. Текстология и состав летописной статьи. Летописной статье ПВЛ 6374 г. о походе Аскольда и Дира на Царьград в Н1Л соответствует рассказ о походе Руси на Царьград, датированный 6362 г. А.А. Шахматов считал этот рассказ, дошедший в составе Н1Л, вставкой составителя Начального свода в текст Древнейшего свода (как рассказа о деяниях потомков старой княжеской династии, основанной Кием, Щеком и Хоривом) [Шахматов 2001-б, с. 341]. Этот рассказ был определен А.А. Шахматовым как вставка на основе внутренней, содержательной критики текста: “Если мы удалим отрывок, где сообщается о первом нападении Руси, и удалим еще фразу “**бяху же поганѣ, жрѹще озеромъ и кладяземъ, якоже прочіи погани**”, которая также носит явные следы вставки, то тогда только получим связанный рассказ о древнейших судьбах Киева” [Шахматов 2001-б, с. 77]. Летописное сообщение было извлечено из хронографа (Хронографа по великому изложению [Творогов 1976, с. 9]) наряду с сообщениями о начале царствования императора Михаила (6362 г.) и неудачном походе Игоря на

Греки (6428). На основе этих дат, извлеченных из хронографа, составителем Начального свода была положена хронологическая сеть на летопись, “не расположенную по годам” [Шахматов 2001-б, с. 76-77]. Рассказ о походе Руси сохранился и в С1Л (в которой отразился Свод 1448 г., вобравший чтения и Начального свода, и ПВЛ): в Н1Л и С1Л, как и в Хронографе по великому изложению, перед рассказом о походе Руси сообщается о воцарении Михаила и восстановлении иконопочитания [Творогов 1976, с. 12].

Составитель ПВЛ разъединил сообщения о воцарении Михаила и походе Руси на Царьград. Известие о походе он перенес в статью 6374 г.¹ и приписал предводительство похода Аскольду и Диру, однако “связь, установленная между этим походом и “началом Русской земли” еще в Начальном своде, нашла свое отражение и в ПВЛ, где говорится: **“В лѣто 6360...начнешю Муханлу царствовати, нача ся прозывати Руска земля. О сем во увѣдахом, яко при семь цари приходиша Русь на Царьград, якоже пишется в лѣтописании гречьстѣмь”** [Творогов 1976, с. 15].

В С1Л, как и в основных списках ПВЛ, “Поход...” датируется 6374 г. и приписан Аскольду и Диру, однако структурно С1Л представляет собой компиляцию фрагментов ПВЛ и Начального свода:

“1) **“В лето 6374. Бысть въ Грецех царь, именемъ Михаилъ, и мати его Ирина, иже проповедаеть поклонение святымъ иконамъ въ 1 неделю поста”**, за исключением даты (из ПВЛ) фрагмент через посредство Софийского временника восходит к Начальному своду;

2) **“ О сем во увидехомъ, яко при семь цари приходиша Русь на Царьградъ и, яко же пишется въ летописании гречестемъ ”**, – фрагмент восходит к ПВЛ;

3) **“ въ 14 лето Михаилава царства. Приде Асколдъ и Диръ на Греки къ Царюграду ”**, – фрагмент из статьи 6374 г;

¹ А.А. Шахматов считал, что эта дата “искусственно” создана составителем ПВЛ [Творогов 1976, с. 15].

4) “ Царю же отшедшу на агаряны воевати ... с побезениемъ възвратишася”, – текст восходит, видимо, к Начальному своду, с последующим редактированием по ПВЛ;

5) “ И Аскольдъ и Диръ в мале прииде къ Киеву” – источник этого фрагмента неизвестен” [Творогов 1976, с. 12].

Таким образом, С1Л лучше сохранила ряд чтений Начального свода, чем сокращенное сообщение Н1Л и переработанное ПВЛ (на что указывают чтения Хроники Г. Амартола и реконструированного О.В. Твороговым Хронографа по великому изложению).

2.2.2 Моделирование языковой личности.

Так как по основным спискам ПВЛ (ЛЛ, ИЛ, РЛ, АЛ), Н1Л и С1Л¹ летописный рассказ обнаруживает структурные расхождения, нами было произведено пословное исследование Н1Лк, ЛЛ и С1Ло.

Лексика рассказа по всем трем привлекаемым летописям обнаруживает приметы византийского источника: **Соудъ, Царьградъ, епархъ, Михаилъ цесарь, индиктъ, скуть,** – а также вставленный в ПВЛ книжный оборот с инвертированным адресатом действия: “...црю же отшедшу на Огаряны. и дощедшу ему Черные реки. вестъ епархъ посла к нему. яко Русь на Црьгородъ идетъ...”[ЛЛ, с.21]. Однако лексические грецизмы не частотны в “Походе...” и характеризуют датирующие поход сообщения о событиях в Византийской империи: “ **В си же времена бысть въ Грѣчько земли цесарь, именемъ Михаилъ, и мати его Ирина, иже проповѣдаетъ поклоняние иконамъ въ прѣвѣю недѣлю поста. При семъ придоша Русь на Царьград...**” [Н1Л, с. 105]; “**Иде Аскольдъ. и Диръ на Греки и прииде въ. ді. лето Михаила цря црю же отшедшу на Огаряны. и дощедшу ему Черные реки...**” [ЛЛ, с. 21].

В ПВЛ по ЛЛ выявлены следующие частотные доминанты: **возвратитися (2), створити (2), воити (вшедь+вниде) (2), –**

¹ В С1Лк фрагмент летописной статьи до слов: “Таже божественную святяя богородицы ризу и с песньми” [С1Л, с. 15] – передает чтения ПВЛ.

характеризующие действия **Роуси** (2) и **цесаря** (4); **святая богородица** (2), **рѣка** (2), **корабль** (2), – связанные с религиозно-легендарным происхождением известия о чудесном спасении Царьграда от набега варваров; а также: **лѣто** (2), свидетельствующая о датирующей функции летописного сообщения.

Тезаурус “Похода...” характеризуется оппозицией субъектов действия: Русь (**безбожные Рүси корабли**) – **цесарь** (**святая Богородица** (2), **христиане** (1), **церкы** (1)). Основа оппозиции – отношение к богу.

Действия субъектов повествования, Руси¹ и цезаря – параллельны: **внѣтрѣ Б҃гдѣ вшедше** (Русь) – **въ градѣ вниде** (цесарь); **много оубинство кртнмъ створиша** (Русь) – **всю ночь молтвѣ створиша** (цесарь); **въ свояси възвратишас** (Русь) – **и вратися** (цесарь).

Повествование построено по тезаурусной стратегии: уход цезаря, бога на земле, в поход на огарян дал возможность восторжествовать силам зла: набег Руси (темная сила, разрушительная стихия, подобная победившей ее буре) разрушил кровавым хаосом (**много оубинство кртнмъ створиша**) размеренный мир византийской столицы; цесарь возвращается и совершает молитву, заступница Богородица насылает иную стихию – шторм, уничтоживший “**безбожныхъ Рүси корабль**” – все возвращается на круги своя.

В Н1Л летописное сообщение значительно сокращено (в Н1Л 95 словоформ, тогда как в ЛЛ – 124). В Н1Л нет упоминания об Аскольде и Дире, как действующие субъекты заявлены **Рүсь** (2) и **цѣсарь** (2). Не сообщается и о причине нападения Руси (поход цезаря на огарян); в Н1Л запечатлено лексическое оформление хронологической сети, отличное от ПВЛ: **время** (2) вместо **лѣто**.

¹ Аскольд и Дир заявлены как действующие лица, но их имена употреблены только единожды – в летописном зачатке: “**Въ ле҃тѣ 866 Иде Аскольдъ. и Диръ на Греки...**” [ЛЛ, с. 21], – что характеризует имена предводителей похода как вставные.

На уровне тезауруса в Н1Л разрушено противопоставление Руси и Греков (2): в повествовании сохранилась только основная параллель действий Руси и цесаря (Русь: “много зло створиша Грекомъ и убиство велико крестияномъ” – цесарь: “Цесарь же съ патриархомъ Фотѣемъ молву створи въ церкви святыя Богородица Влахернѣ всю ночь”), подкрепляемая атрибутами, указывающими на значимость события: много зло, убиство велико, молву створи... всю ночь. С другой стороны, Н1Л сохранила первоначальное чтение: “...ризу изънесъше, въ море скудь омочиша ...” [Н1Л, с. 105], которое свидетельствует о происхождении летописного источника из предания приморского города: корабль (3), море (1). В ПВЛ параллельный фрагмент читается: “...бжтвнцю свты Бця ризу с ими изнесъше в реку омочивше...” [ЛЛ, с.], а в С1Лк: “...и святцю ризу божественцю святыя богородица с песньми изнесоша с плачемъ и омочи в реце...” [С1Л, л. 8]. Летописцем было не понято выражение “в море скут (полу, край ризы) омочивше”, восходящее к греческому “τῆι βαλάσση ἄκρωζι προσέβαψαν”, и заменено на “в рѣкѣ омочивше” [Творогов 1976, с. 13].

С1Л обобщает сведения Начального свода и ПВЛ (184 словоформы); сохраняет лексические доминанты уже известные нам по ЛЛ и Н1Л: Роусь (3), цесарь (4), Царьградъ (4), св. Богородица (2), святыи (4), створити (2), вратитися (2), вѣити (вшедше+прииде) (2), а также вводит новые: Аскольдъ (2) и Диръ (2). За Аскольдом и Диром закрепляется функция субъектов действия: Аскольд и Дир (предводители Руси) – Михаил (цесарь).

Тезаурусная стратегия “Похода...” представлена в С1Л в полном виде и, более того, текст распространен подробностями: “... Царю же отшедшю на агаряны воевати и дошедшю ему Черныя реки ...” [С1Л, л. 8]; “... ризу божественцю святыя богородица с песньми изнесоша с плачемъ и омочи в реце ...” [С1Л, л. 8].

При описании чудесного заступничества Богородицы [море (в С1Л – река), в которое погрузили святыню, исторгло (выбросило на берег) ладьи

безбожников] в С1Л с помощью тавтологии акцентируется возмездие варварам: “... И мало ихъ отъ таковыя беды избегнути, и въ свояси побегнути съ побужениемъ възвратишася. И Аскольдъ и Диръ в мале прииде къ Киеву”.

Прагматически включение составителем Начального свода сообщения о нападении Руси на Царьград мотивировано поиском хронологического “начала Русской земли”. Составитель ПВЛ отнес “Поход...” к 6374 г. и разрушил данную интенцию, о чем свидетельствует статья 6360 г. Более того, составителем ПВЛ предводительство похода было приписано Аскольду и Диру, что соответствовало развиваемой им концепции о северном происхождении власти на Руси и легитимности власти Рюриковичей (поражение Аскольда и Дира от высших сил подтверждает несостоятельность этих неугодных богу варягов как князей). С1Л следует хронологической и идеологической концепциям ПВЛ, однако в разбираемой летописной статье совмещает хронологические расчеты и Начального свода (“Бысть въ Грецехъ царь, именемъ Михаилъ, и мати его Ирина, иже проповѣдаетъ поклонение святымъ иконамъ въ 1 неделю поста”), и ПВЛ (“Въ 14 лето Михаилава царства...”).

2.2.3. Исследование лексических замен.

Обнаруженные ЛЗ (их – 4) затрагивают тезаурус летописного рассказа.

Так, в ЛЗ **СНН** (ЛЛ, ИЛ, С1Л_о) – **ОНЪ** (РЛ, АЛ, С1Л_к) – “пропуск” (Н1Л): “...вѣсть епархъ посла к немю. яко Русь на Црьгородъ идетъ. и вратися црь си же внѣтръ Оуду вшедше. много оубиство кртнмъ створиша...” [ЛЛ, с. 21] представлена регулярная для поздних списков замена местоимений, указывающих на ближний объект, местоимениями, указывающими на отдаленный объект, что обусловлено восприятием переписчиками поздних летописных сводов описываемых событий как несвязанных с современностью легендарных исторических фактов.

В ЛЗ **ИЗБѢГНУТИ** (ЛЛ, С1Л) – **ИЗЫТИ** (ИЛ, РЛ, АЛ) – “пропуск” (Н1Л): “...БЕЗБОЖНЫХЪ РҮСИ КОРАБЛЬ СМЯТЕ И К БЕРЕГУ ПРИВЕРЖЕ. И ИЗЫИЯ. ЯКО МАЛО ИХЪ ОТ ТАКОВЫЯ БЕДЫ ИЗБЕГНУТИ. И ВЪ СВОЯСИ ВОЗВРАТИШАС...” [ЛЛ, с. 21] происходит синонимическая мена глаголов, употребленных в значении “избежать чего-либо”. Однако если лексемой **ИЗБѢГНУТИ** в летописной статье сообщается, что от божественной кары пострадало большинство русов, то лексемой **ИЗЫТИ** (другие значения глагола: “пробыть где-либо, скрываясь от опасности”, “остаться, сохраниться” и пр. [СлРЯ XI – XVII вв.]) в рассказе утверждается, что возмездие настигло всех и лишь немногие пережили шторм. Таким образом, вторичное чтение **ИЗЫТИ** в большей степени соответствует тезаурусу “Похода...” и свидетельствует о его развитии в протографе ИЛ-РЛ-АЛ.

ЛЗ **РѢКА** (ЛЛ, ИЛ, РЛ, АЛ, С1Л) – **МОРЕ** (Н1Л): “... ТАЖЕ БЖТВНЮЮ СВТЫ БЦЯ РИЗУ С ИМИ ИЗНЕСЪШЕ В РЕКУ ОМОЧИВШЕ...” [ЛЛ, с. 21] // “...ТАЦѢ СВЯТѢИ БОГОРОДИЦИ РИЗУ ИЗЪНЕСЪШЕ, ВЪ МОРЕ СКУДЪ ОМОЧИША...” [Н1Л, с. 105], возникшая вследствие переосмысления не понятой летописцем фразы (см. выше), отражает разрыв связи с источником сообщения – легендой приморского города (утрата лексемы **МОРЕ**) под влиянием культурно-географических реалий: на Руси было развито речное, а не морское судоходство.

В ЛЗ **ОНЪ** (ЛЛ) – **ПѢСНЬ** (ИЛ, РЛ, АЛ, С1Л) – “пропуск” (Н1Л): “Црь с патрeярхомъ съ Фотьемъ къ сущен цркви стeи Бце Влахерне и всю ноць молтвѣ створиша тажe бжтвнюю свты Бця ризу с ими изнесъше в реку омочивше...” [ЛЛ, с. 21] запечатлена утрата ЛЛ подробности в описании оберегающего ритуала.

Итак, летописная статья “Поход Аскольда и Дира в Греки” произошла из предания приморского города о чудесном спасении от набега разбойников. Данное предание было включено в хронографический памятник, известный на Руси как Хронограф по великому изложению. Хронограф по великому

изложению был использован составителем Начального свода для создания хронологической сети в неразбитом погодном повествовании “О начале Русской земли”. Хронологическая концепция Начального свода сохранилась в НІЛ, однако в этой летописи рассказ был сокращен, что подтверждается результатами исследования тезауруса “Похода...” по НІЛ.

Составитель ПВЛ использовал хронологические расчеты своего предшественника, но откорректировал хронологическую сеть в соответствии с развиваемой им концепцией легитимности власти Рюриковичей (поход был перенесен под 6374 г., чтобы приписать военную неудачу Аскольду и Диру, узурпаторам законной власти Рюриковичей). Так тезаурусная стратегия предания о божественном возмездии, павшем на головы осаждающих город неприятелей, оказалась востребованной в ПВЛ.

В ЛЗ “Похода...” запечатлены: исключение из летописной статьи незначимых для прагматикона ПВЛ подробностей предания (онъ – пѣснь), развитие заимствованной тезаурусной стратегии в русских летописных сводах (извѣгнѹти – избыти; син – онъ) и этнокультурная адаптация (рѣка – морє).

2.3. “Захват Киева князем Олегом в 882 (6390) г.”

2.3.1. Текстология и состав летописной статьи.

Летописная статья ПВЛ 882 (6390) г. восходит к Начальному своду, но подверглась переработке при составлении ПВЛ и осложнена вставками (“...Поиде Олегъ поимъ воя многи Варяги. Чюдъ Словени. Мерю. и все Кривичи. и приде къ Смоленскѹ съ Кривичи. и прия градъ. и посади мѹжь свои. оттѹда поиде внизъ. и взя Любець. и посади мѹжь свои...” [ЛЛ, с. 22 – 23], “...и реч Олегъ се бѹди мти градомъ рѹскими...” [ЛЛ, с. 23]) [Шахматов 1916, с. 22 – 24].

Основное различие в передаче текста “Захвата Киева...” ПВЛ и Начальным сводом заключается в выборе главного действующего лица повествования: в НІЛ Олег описан как воевода Игоря, который сам

осуществляет захват, а в ПВЛ как действующий по своей воле князь-регент при малолетнем сыне Рюрика [Творогов 1976, с. 15]. Очевидно, составитель Начального свода не имел сведений, подтверждающих княжеское происхождение Олега, и потому сделал его воеводой.

Составитель ПВЛ из договора 920 года узнал, что дипломатические переговоры с Византией велись от имени Олега, поэтому произвел его назад в князи. При помощи хронологических расчетов составитель ПВЛ определил Олега как князя-регента: “...но азъ єсмь роду княжа. вынесоша Игоря. и се єсть снъ Рюриковъ...” [ЛЛ, с. 23].

Ядром летописного сообщения А.А. Шахматов считал предание о захвате Киева Олегом, в котором рассказывалось, как при помощи хитрости вещей князь убил киевских правителей и сел в городе [Шахматов 2001-б, с. 341].

Согласно предпринятой А.А. Шахматовым реконструкции, составитель Древнейшего свода вставил в предание имена варяжских князей на основе использованного им ранее предания об Аскольде и Дире: “Составитель Древнейшего Киевского свода...счел удобным устранить обоих названных им раньше князей со сцены, ...предоставив им умереть от дружины Олеговой” [Шахматов 2001-б, с. 231]. Рассказ Древнейшего Киевского свода подвергся дальнейшему редактированию и был осложнен другими вставками: сообщением, заимствованным из Новгородской летописи, о размере дани новгородцев (“а от Новагорода 300 гривенъ на лѣто мира дѣля, еже и нынѣ даютъ.” [Шахматов 2001-б, с. 458]) и топонимическим преданием, записанным составителем Начального свода о месте погребения Аскольда и Дира (“...и погребоша и Асколда на горе, еже ся ныне Оугорское наричеть, идеже єсть дворъ Олминъ; на той могиле постави Олма церковь святого Николу, а Дирева могила за святою Ирною ...” [Н1Л, с. 107]).

Составителем Начального свода было вставлено и имя Игоря, который заместил Олега в качестве главного действующего лица. Такая замена соответствовала развиваемой летописцем концепции: “Составитель

Начального свода систематически...проводит две идеи: идею о единстве княжеского рода и идею о появлении княжеской власти только со временем Рюрика, главы современной ему княжеской династии: до тех пор племена управлялись родовыми старейшинами; встречавшиеся до того князья – на самом деле князья самозваные, ибо они не роду князя, ибо они происходят не от Рюрика” [Шахматов 2001-б, с. 232].

Обе версии, Начального свода и ПВЛ, в контаминированном виде представлены в С1Л: летопись придерживается хронологической и идейной концепции ПВЛ, но в описании подробностей восходит к Начальному своду.

2.3.2. Моделирование языковой личности.

При исследовании лексикона летописной статьи по Н1Лк нами рассмотрено 192 словоформы и выявлены следующие доминанты: **Игорь** (5) и **Влегъ** (2) – главные действующие лица; **Аскольдъ** (5) и **Диръ** (4) – пациенсы, объект действия. Высокая частотность имен Аскольда и Диры обусловлена обращением составителя Начального свода к топонимическому преданию (**Ольма** (2), **св. Ирина** и **св. Никола** (1+1), **могила** (2), **гора** (2), **Оугорское** (2)) киевского происхождения (**Киевъ** (3), **Новгородъ** (1)). Высокая частотность имени собственного **Игорь** и низкая **Влегъ** вызвана генеалогической концепцией составителя Начального свода, согласно которой Олег был лишь воеводой Игоря.

В летописном сообщении рассказывается о захвате власти (**княжити**, **князь** (4+2) с помощью военной силы (**воевати**, **воевода**, **воинъ** (1+1+1); **варягъ** (3); (**по/при**)**ити** (1+1); **лодья** (2), **моужь** (2) – всего: 9). Цель похода – учреждение и сбор дани: **дань** (2) **дати** (2).

Выявленные доминанты свидетельствуют, что летописная статья организована при помощи тезаурусной стратегии “освоение новых территорий и подчинение их власти князя” (**начати** (2), **градъ** (3), **княжити**, **князь** (4+2)): “**начаста воевати**”, “**нача грады ставити и дани оустави**”. Вектором распространения власти служит **Днѣпръ** (2).

Летописный рассказ в свете выявленной тезаурусной стратегии может быть представлен следующим образом: Князь Игорь и его воевода отправляются в поход для расширения границ подвластной Игорю территории. На своем пути они сталкиваются с лжекнязьями (Аскольдом и Диром).¹ Узурпаторов власти настигает справедливой возмездие: “...и рече Игорь ко Асколду: вы неста князя, ни роду княжа, нь азъ есмь князь, и мне достойть княжити. И убиша Асколда и Дира...” [НІЛ, с. 107]. Князь (Игорь – по версии Начального свода, Олег – по версии Древнейшего свода и ПВЛ) находится на вершине устроенного мира и выступает гарантом мира и порядка (нарадъ Русской земли). Его вокняжение в Киеве знаменует начало собирания Русской земли: “Сеи же Игорь нача грады ставити, и дани устави Словеномъ и Варягомъ даяти, и Кривичемъ и Мерямъ дань даяти Варягомъ...” [НІЛ, с. 107].

С точки зрения прагматикона летописный рассказ, в котором повествуется о вокняжении в Киеве, центре объединения русских земель, законного князя из варяжского рода Рюрика (“...нь азъ есмь князь, и мне достойть княжити...” [НІЛ, с. 107]) направлен на стяжание русских земель под властью единственной законной, избранной династии Рюриковичей и соответствует летописной интенции, эксплицированной во введении НІЛ: “Временникъ, еже есть нарицается лѣтописание князеи и земля Руския, и како избра богъ страну нашу на послѣднѣе время, и грады почаша бивати по мѣстом, преже Новгородчкая волость и потом Киевская, и о поставлении Киева...о началѣ Русьския земля и о князѣхъ, како откуду быша...како быша древнии князи и мужие ихъ,. и како отвараху Руския землѣ, и ины страны придаху под ся...” [НІЛ, с. 103].

¹ Свидетельством того, что Аскольд и Дир – “лжекнязи”, служит настигшая их в походе на Царьград божественная кара – посланный Богородицей шторм. Олег же, а именно он, согласно шатхматовской реконструкции, изначальный герой предания о взятии Киева, напротив, избранный, меченный богами: он – вещий.

При исследовании лексикона ПВЛ по ЛЛ (223 словоформы) нами были обнаружены частотные лексемы, уже известные нам по НЛЛ: **Игорь** (3); **Аскольдъ** (5) и **Диръ** (6); **могила** (2), **гора** (2), **Оугорское** (2), **св Никола + св Урина** (2); **князь, княжити, княжич** (1+1+1); **вои** (3), **варягъ** (4), **моужь** (2), **(при/по)ити** (5+2+1), **лодя** (2); **градъ** (3), **Києвъ, києвскии** (2); а также доминанты, характеризующие “Захват Киева...” в версии ПВЛ : **Улегъ** (6); **родъ** (3) **рюриковъ** (1); **вьсь** (2), **многии** (1), **прочии** (2), **дрүгии** (1); **нести** (3). В ПВЛ значительно расширена группа лексем, описывающих освоение территории князем Олегом: **дань** (1) **дати** (2), **взяти** (1), **посадити** (2), **(оу/по)ставити** (3).

Итак, главным действующим лицом в рассказе ПВЛ становится Олег, что согласуется с хронологическими расчетами составителя свода.

Летописная статья построена по той же тезаурисной стратегии, что и рассказ Начального свода. Количественное увеличение лексических маркеров тезаурисной стратегии “освоение новых территорий и подчинение их власти князя” (**дань дати, взяти, посадити, (оу/по)ставити**) свидетельствует о ее приятии и развитии ПВЛ. Так, в тезауристе летописной статьи ПВЛ расширяется охват подвластных Олегу территорий, на что указывает вставка, содержащая перечень племен и маркированная лексемами **многии, вьсь**: “[П]онде Улегъ поимъ воѣ многи Варяги. Чюдъ Словѣни. Мерю. и всѣ Кривичи. и приде къ Смоленскү съ Кривичи. и прия градъ. и посади мѹжь сво^а. Ѡтуда понде внизъ. и взя Любець. и посади мѹжь^б свои” [ЛЛ, с. 22 – 23], а также лексемы **прочии, дрүгии** со значением “остальные”, что также увеличивает объем подвластных племен.¹

В “Захвате Киева...” коварное убийство обыгрывается с помощью архаичного приема, видимо, восходящего к преданию: хозяева возвращаются в свои захваченные владения под видом гостей (переодевание). Равно, как

¹ Ср. чтения ПВЛ: “... похорони вои въ лодьях. а дрүгия назади остави...выскакав же вси прочии изъ лодья...” [ЛЛ, с. 23] и параллельные фрагменты НЛЛ: “... потангася въ лодьях, и с малою дрүжиною изъѣзоста на брегъ... выскакаша прочии воины з лодѣи...” [НЛЛ, с. 107].

Олег и Игорь, не являются послами, Аскольд и Дир – князьями, а значит они – узурпаторы.

Составитель ПВЛ модернизировал повествование. Аскольд и Дир откликаются на призыв Олега: “да придѣта к намъ к родомъ своимъ” [ЛЛ, с. 23]. Своим выходом правители Киева причисляют себя к представителям законной варяжской династии Рюрика и становятся узурпаторами: “... вы нѣста князѣ. ни рода княжа. но азъ смь роду княжа. [и] вынесоша Игорѣ. и се есть снъ Рюриковъ. и оубиша Асколд^а и Дира...” [ЛЛ, с. 23]. Таким образом, в ПВЛ смысловая интенция источника изменяется в соответствии с развиваемой составителем ПВЛ концепцией.

В прагматиконе “Захвата Киева” ПВЛ сохраняется концепция легитимности власти Рюриковичей, разработанная в Начальном своде и откорректированная составителем ПВЛ в соответствии со сведениями договора 912 г. (Олег становится князем-регентом при малолетнем Игоре): “... вы нѣста князѣ. ни рода княжа. но азъ смь роду княжа... и се есть снъ Рюриковъ...” [ЛЛ, с. 23]. В прагматиконе ПВЛ акцент смещается с “собирания русских земель династией Рюриковичей” на “стяжание русских земель вокруг Киева”: “...и рече **Влегъ** се вѣди мти градомъ роусским...” [ЛЛ, с. 23], – что согласуется с поставленной летописцем во введении к ПВЛ задачей – рассказать, “... Ѡкѣдѣ есть пошла руская зема. кто въ киевѣ нача первѣе княжи” и Ѡкѣдѣ руская зема стала есть...” [ЛЛ, с. 2].

2.3.3. Исследование лексических замен.

Всего в летописной статье “Захват Киева...” по избранным летописям XIV – XV вв. нами обнаружено 11 ЛЗ.

ЛЗ лексики отражают общее направление летописных сводов на обновление диалектно маркированной и устаревшей лексики: **ИЗЛѢЗТИ** (Н1Л) – **ИЗЫТИ** (С1Л) – “пропуск” (ЛЛ, ИЛ, РЛ, АЛ): “...и с малою дружиною излѣзоста на берег...” [Н1Л, с. 107]; **НАРИЦАТИСЯ** (ЛЛ, ИЛ, С1Л, Н1Л) – **ЗВАТИСЯ** (РЛ, АЛ): “...и оубиша Асколд^б и Дира, несоша на

горѹ и погребѡша и на горѣ еже са нынѣ зоветь Оугорское...” [ЛЛ, с. 23].

В ЛЗ **ЦЕРКОВЬ** (ЛЛ, РЛ, АЛ, С1Л, Н1Л) – **БОЖНИЦА** (ИЛ): “На тои могила поставилъ црква свтго Николу а Дирова могила за стою Уриною...” [ЛЛ, с. 23], напротив, соответствующее книжному стилю, нейтральное существительное **церкы**, заимствованное из греческого языка, заменяется общеславянской лексемой **божница**.

В ЛЗ **ОУВИДѢТИ** (ЛЛ, ИЛ, РЛ, С1Л_о) – **ОУВѢДѢТИ** (С1Л_к, АЛ) – **ОУЗРѢТИ** (Н1Л): “...[и] придоста къ горамъ хъ Кивьскимъ. и оувидаѣ Улегъ. яко Усколдъ. и Диръ. княжита...” [ЛЛ, с. 23] можно наблюдать обновление устаревшей лексемы **оузрѣти**¹⁴ лексемой **оувѣдѣти**^{14+4 (оувѣдати)} со значением “узнать” [Ostrowski 2003, с. 124 №23.5]; [Шахматов 1916, с. 23] и ее замещение в списках ПВЛ глаголом **оувидѣти**, развившим абстрактное значение “узнать”.

ЛЗ **ДѢТЬСКИИ**¹ (ЛЛ, РЛ, АЛ) – **МОЛОДЫИ**^{1(МОЛОДЪ)+4(МЛАДЪ) 1} (ИЛ) – “пропуск” (Н1Л, С1Л): “...похорони вои въ лодьях. а другия назади встави. а самъ приде носъ Игоря дѣтск^а. и приплу подъ Оугорское...” [ЛЛ, с. 23] свидетельствует о замене в ИЛ уникальной для ПВЛ лексемы ее более частотным аналогом.

ЛЗ тезауруса “Захвата Киева...” отражают перестройку лексикона в соответствии с избранной составителем ПВЛ тезаурусной стратегией. Так, в ЛЗ **ВЬСЬ** (ЛЛ, РЛ, АЛ) – **ВЕСЬ** (ИЛ) – “пропуск” (Н1Л, С1Л): “[П]оиде Улегъ поимъ воѣ многи Варяги. Чюдъ Словѣни. Мерью. и всѣ Кривичи...” [ЛЛ, с. 22] – в перечне племен происходит мена названия финно-угорского племени **Весь** на местоимение **вьсь** “весь, без изъятия” [Ostrowski 2003, с. 122 №22.24]; [Шахматов 1916, с. 22], что соответствует интенции тезауруса летописной статьи на расширение подвластных территорий. ЛЗ

¹ Частотные индексы приводятся по [Творогов, 1984].

ПРИПЛЫТИ (ЛЛ, РЛ, АЛ) – **ПРИСТҮПИТИ** (ИЛ) – “пропуск” (Н1Л, С1Л): “...похорони вон въ лодьяхъ. а другия назади остави. а самъ приде носъ Игоря дѣтскъ. и приплу подъ Оугорское...” [ЛЛ, с. 23] – свидетельствует об изъятии в ИЛ подробностей, восходящих к летописному источнику (предание), и переключении внимания редактора на передачу предложенной составителем ПВЛ тезаурусной стратегии. То же относится и к ЛЗ **ОУГОРЬСКОЕ** (ЛЛ, ИЛ, РЛ, АЛ, Н1Л) – **ИГОРЬСКОЕ** (С1Л): “... и погребша и на горѣ. еже сѧ ныне зоветъ Оугорское. иде ныне Вльминъ дворъ...” [ЛЛ, с. 23], где топоним, мотивированный преданием, заменяется топонимом, мотивированным контекстом летописной статьи (рассказ о вокняжении Игоря и Олега в Киеве).

К ЛЗ прагматикона относим ЛЗ: **ВЛЕГЪ** (ЛЛ, ИЛ, РЛ, АЛ, С1Л) – **ИГОРЬ** (Н1Л): “...[и] сѣде Влегъ княжа въ Киевѣ. и ре^ч Влегъ се буди мти градомъ рѹскими. [и] бѣша оу него Варази и Словѣни и прочи прозвашася Рѹсью...” [ЛЛ, с. 23]; **ВЛЕГЪ** (ЛЛ, ИЛ, РЛ, АЛ, С1Л) – **ИГОРЬ** (Н1Л): “...се же Влегъ нача города ставити. и оустави дани Словѣномъ Кривичемъ и Мери и [устави] Варагомъ...” [ЛЛ, с. 23 – 24]. Данные замены обусловлены тем, что составитель ПВЛ отводит ведущую роль в захвате Киева Олегу как князю-регенту при малолетнем княжиче Игоре.

Прагматической считаем и ЛЗ **ДАТИ** (ЛЛ, ИЛ, РЛ, АЛ) – **НЕ ДАТИ** (С1Л, Н1Л): “... дань даяти ѿ Новгорода гривень .т. на лѣт^т мира дѣла. еже до смрти Ярославѣ. даяше Варагомъ...” [ЛЛ, с. 24], которая возникла на месте вставки в Начальный свод из новгородского источника. А.А. Шахматов считал, что фрагменту был предан смысл, отвечающий местным новгородским интересам: ведущая роль Новгорода на начальном этапе становления государственности [Шахматов 2001-б, с. 458]. Данная интенция дошла в летописных сводах, использовавших новгородское летописание (Н1Л, С1Л).

Итак, в ходе моделирования ЯЛ составителя ПВЛ по статье 882 (6390) г. “Захват Киева...” нами было определено, что и тезаурус и прагматикон рассказа ПВЛ восходят к тезаурусу и прагматикону Начального свода.

Составителем Начального свода была использована тезаурусная стратегия “освоение новых территорий и подчинение их власти князя”. Вектором распространения власти является Днепр, власть распространяется с севера на юг. Данная интенция сохранилась и в С1Л, использовавшей новгородское летописание: “**В лѣто 6390. Олгово княжение. Поиде Олегъ, помѣ Игоря, из Новагорода къ Киеву и прииде къ Смольнску...и ѿтуда поиде внизъ по Днѣпру, приде къ горамъ киевскимъ...**” [С1Л, с. 16].

Прагматически летописный рассказ Начального свода направлен на обоснование концепции легитимности власти Рюриковичей: только они являются законными князьями Русской земли, им принадлежит право объединения русских земель. Поэтому главным действующим лицом рассказа в Начальном своде становится Игорь, сын Рюрика.

Летописная статья ПВЛ построена по той же тезаурусной стратегии, что и сообщение Начального свода, однако в ПВЛ приоритет отдается не обоснованию легитимности власти Рюриковичей, а процессу собирания русских земель, что проявляется в увеличении лексических маркеров тезаурусной стратегии, акцентирующих внимание на расширении влияния княжеской власти.

Распространение власти на Руси по ПВЛ происходит не по вектору Днепра, а вокруг Киева: **се вѣди мати градамъ русскимъ.**

Несмотря на смену приоритетов в прагматиконе рассказа ПВЛ сохраняется концепция легитимности власти, которая согласуется со сведениями, извлеченными составителем ПВЛ из договора 912 (6420) г.: действующим лицом в ПВЛ становится Олег как регент при Игоре.

Материал ЛЗ свидетельствует о том, что созданный составителем ПВЛ летописный рассказ был воспринят последующей летописной традицией. Так, ЛЗ лексикона отражают адаптацию маркированной лексики, ее замену

нейтральной для ПВЛ. В ЛЗ тезауруса происходит замещение лексем, характерных для использованных источников, лексемами, более соответствующими тезаурусной стратегии, избранной составителем ПВЛ. Прагматикон основных списков ПВЛ также не содержит следов идеологической правки текста: нами обнаружены ЛЗ, противопоставляющие ПВЛ и Начальный свод (**Влегъ – Игорь**), и ЛЗ (**дати – не дати**), противопологающая летописи, основные списки ПВЛ и летописи, использовавшие новгородское летописание и сохранившие областные черты.

2.4. “Поход князя Олега на Царьград в 907 (6415) г.”

2.4.1. Текстология и состав летописной статьи. Ядром летописного сообщения представляется предание о походе Олега на Царьград (“Вещий Олег подступает к Царьграду на колесницах, снабженных парусами; результат победы Ольговой – это обильная дань в пользу князя и дружины; предание определяло и размер дани: 12 гривен на человека” [Шахматов 2001-б, с. 341]), – которое восходит к глубокой древности, и согласно гипотезе А.А. Шахматова, читалось уже в Древнейшем своде [Шахматов 2001-б, с. 388 – 389]. К вставке Древнейшего свода под влиянием болгарской летописи А.А. Шахматов относил отождествление Олега со святым Дмитрием.¹

Летописное сообщение, в том виде, как оно сохранилось в Н1Л, уже было осложнено поздними вставками. Так, А.А. Шахматов относил к вставкам из новгородского источника: известие о смерти Олега в Ладоге (“...Иде Олегъ к Новугороду, и оттуда в Ладогу. Дружини же говорятъ, яко идущю ему за море, и уключу змиа в ногу, и с того умре; есть могила его в Ладозе” [Н1Л, с. 109]), эпизод о толстинах новгородцев (“Более вероятным

¹ Ср.: “Могло ли прийти в голову русскому летописцу, знавшему, что Олег язычник, приписать Грекам приведенные от имени их слова?... Греки не были ни язычниками, ни невеждами, а между тем им приписывается отождествление Олега со святым Димитрием и именно тогда, когда Олегу пришлось обнаружить свое вещее свойство, когда он угадал, что высланные ему припасы приготовлены с отравой. Вспомним, что Димитрий Солунский был святым особенно чтимым Болгарами...вспомнив это, признаем вероятным, что болгарская летопись в повествовании о походах Симеона на Царьград могла содержать сходное с приведенным место, причем Греки отождествляли с св. Димитрием не язычника, а христианина Симеона, наводившего страх на Византийскую империю” [Шахматов, 2001-б, с. 333].

представляется мне Новгородское происхождение рассматриваемого эпизода...очевидно, ветер разодрал не только кропинные паруса Словен, но и паволочитые Русских” [Шахматов 2001-б, с. 241]) и сообщение о том, что греки по сей день дают дань русским князьям [Шахматов 2001-б, с. 242].

В ПВЛ летописная статья Начального свода была передатирована и переработана. Летописная статья ПВЛ 6415 г. “Поход князя Олега на Царьград” состоит из фрагментов двух статей Начального свода, один из которых восходит к византийскому источнику (статья 6428 Начального свода), а другой – к народному преданию (статья 6430) [Творогов 1976, с. 17]. ПВЛ осложнена вставкой перечня племен, участвовавших в походе, который был составлен на основе списка племен в рассказе 6390 г. о завоевании Олегом Киева и сообщения 6393 г., а также объемным извлечением из договора Олега 6420 г. [Творогов 1976, с.16 – 17].

2.4.2. Моделирование языковой личности.

Состав летописной статьи “Поход...” – сложный: версии, излагаемые Н1Л и ПВЛ (по ЛЛ), осложнены разновременными вставками (с помощью прямой речи **рещи** (3) оформлены легендарные вставки: о вещем Олеге, распознавшем отраву в дарах; о каре святого Дмитрия; о толстинах новгородцев) и значительно расходятся по количеству использованных словоформ (597 в ПВЛ по ЛЛ и 223 в Н1Л).

Так как в ПВЛ легко вычлняются вставки, внесенные составителем (извлечения из статьи 6430 г. Начального свода и договора 912(6420) г.), моделирование ЯЛ по летописной статье “Поход...” начинаем с исследования Н1Л.

Выявленные в Н1Л частотные доминанты свидетельствуют, что действующим лицом летописного рассказа является **Оле́гъ** (10). Фигура **Игоря** (1) обнаруживает вставной характер. Упоминание об Игоре в Начальном своде оправдано развиваемой летописцем идеей, согласно которой Олег был воеводой Игоря, а также хронологией Начального свода, обусловленной прагматической установкой составителя на утверждение

древнерусской государственности, в соответствии с которой в тезаурусную стратегию, заимствованную из византийского источника, был включен рассказ о победе Олега. Лексемы **Греки** (5) и **Царьградъ** (2) представляют объекты действия Олега: “...и много оубиинства створиша Греком и разбиша многы полаты и церкви...” [НІЛ, с.]. Иные действующие лица: **Роуць, роуцькии** (2+1), **Словене** (4), – вошли в летопись с историческим анекдотом о словенских толстинах.¹

Частотная группа **дати** (3) **дань** (3), **имети(ся)** (2), **брашно** (1) + **вино** (2) + **злато** (1) + **швоць** (1) + **паволоки** (4) свидетельствует о том, что тезаурусная стратегия “Похода...” – это “сбор дани”, иначе – “освоение новых территорий и подчинение их власти киевского князя”: **градъ** (4). С точки зрения прагматикона рассказ посвящен утверждению древнерусского государства огнем и мечом: **вои** (2), **(при)ити** (3), **повоевати** (1).²

В избранной тезаурусной стратегии, восходящей к языческому преданию, возможность набега на Византию и победа над врагом predeterminedены особым, божественным даром Олега: он – вещий, не принял отравленных даров. На одном из этапов создания летописи языческая мотивировка победы Олега (избранный, помеченный богом) была усилена христианским отождествлением Олега со святым Дмитрием.

Вставной исторический анекдот, восходящий, наряду с сообщением о смерти Олега в Ладоге (2), к преданиям новгородской земли (**Новгородъ** (1)), также усиливает данную тезаурусную стратегию: обозначает пределы охваченных властью Олега территорий (с юга до севера Руси, от **Роуци** (3) до **Словен** (4)).¹

При исследовании частотных лексем ПВЛ по РЛ нами были обнаружены доминанты, уже известные нам по НІЛ: **Олегъ** (15), **Роуць (роуцькии)** (8+2),

¹ Соотношение частотных доминант **Роуць** и **Словени** подтверждает догадку А.А. Шахматова о новгородском происхождении этого известия [Шахматов, 2001-6, с. 241].

² “После захвата Киева Олег провел ряд походов. В результате под его власть подпали практически все племена и племенные союзы, населявшие бассейны рек, которые собственно и составляли “Путь из варяг в греки” [Данилевский с. 148].

¹ “Естественными центрами объединения земель стали Новгород и Киев, контролировавшие крайние точки “пути из варяг в греки” [Данилевский 2002, с. 147].

Словени (6), **Греки** (гречьский) (11+2); **градъ** (12); **дати** (6), **дань** (2), **подать** (1), **имети** (5), **брашно** (2) + **вино** (3) + **злато** (1) + **овощь** (2); **вои** (3), **воевати** (2), **(при)ити** (2+6) **корабль** (6), **Царьградъ** (2); **рещи** (глаголати) (6+1); **святыи** (2), **богъ** (3), **церковь** (2); а также доминанты, характерные для ПВЛ: **цесарь** (4), **князь** (2), **Киевъ** (4), **моужь** (4); **дрүгии** (2), **иныйи** (2), **прочии** (2); **(с)творити** (2), **миръ** (4).

С включением в ПВЛ частотных лексем **(с)творити** и **миръ** в рассказе реализуется событийная параллель: **створити оубои – творити миръ**, – которая характерна для иной тезаурусной стратегии: “разрушение размеренного мира, разгул хаоса и восстановление гармонии (космоса)”. Данная стратегия была известна составителю ПВЛ через летописную статью 6428 г. Начального свода, из которой он заимствовал описание погромов, творимых русами в Византии. Тезаурусная стратегия была использована составителем ПВЛ в разработанной им разновидности: “переустройство размеренного мира по воле русского князя” (“**Оле҃гъ же мало отступи от гра^а. нача миръ творити со црьма Грецкима...**” [РЛ, с. 30]), – заместившей восходящую к преданию тезаурусную стратегию Начального свода. Для описания перестроенного по воле Олега миропорядка составитель ПВЛ использовал извлечение из договора 912 (6420) г., о чем свидетельствуют доминанты: **цесарь**, **князь**, **Киевъ**, **моужь** (действующие лица создаваемого мира); **прочии**, **иныйи**, **дрүгии** (универсализм правил нового мира); а для характеристики Руси, новой силы на мировой арене, возглавляемой Олегом, создал перечень племен Русской земли.

С точки зрения прагматикона летописные статьи и Начального свода 6430 г., и ПВЛ 6415 г. направлены на утверждение древнерусского государства: в них повествуется о славных деяниях предков, стяжавших Русскую землю.

2.4.3. Исследование лексических замен.

В ходе пословного сопоставления избранных летописей в “Походе...” нами обнаружено 12 ЛЗ.

ЛЗ лексикона представлены следующими группами.

1. ЛЗ, в которых обновляется диалектная или устаревшая лексика. Так, в ЛЗ **ПАРΟΥСЪ** (РЛ, АЛ, С1Ло, С1Лк) – **ПЪРЬ** (ИЛ, Н1Лк) – “пропуск” (ЛЛ, Н1Ла): “...и ввѣшю покоснѣ ветрѣ. въспя парусы съ поля. и идяше къ гра^А...” [РЛ, с. 30]; **ПАРΟΥСЪ** (РЛ, АЛ) – **ПЪРЬ** (ИЛ, С1Л) – “пропуск” (ЛЛ, Н1Л): “...да емлю^Т ѹ цря ваше^Т [на пѣть] брашно и я^{ри} и ѹжа и парусы. и елико [имъ] на^Абе...” [РЛ, с. 31]; **ПАРΟΥСЪ** (РЛ, АЛ, С1Л) – **ПЪРЬ** (ИЛ, Н1Лк) – “пропуск” (ЛЛ, Н1Ла): “...И ре^Т Олегъ. ищите пару^с паволочиты Р^с. а Словено^{мъ} кропиньныя. и бы^с тако...” [РЛ, с. 32]; **ПАРΟΥСЪ** (РЛ, АЛ) – **ПЪРЬ** (ИЛ, С1Л, Н1Лк) – “пропуск” (ЛЛ, Н1Ла): “...и ѹспяша [Р^сь] парусы паволочиты. а Словене кропинны. и раз^{ра} а ветрѣ...” [РЛ, с. 32] – наблюдается замена лексемы **пърь**, функционировавшей в северных диалектах, заимствовавших номинацию у варягов, на южнорусскую **пароусъ**, возникшую под византийским влиянием [Филин 1949, с.54]. В ЛЗ **ВЫИТИ** (РЛ, АЛ, С1Л) – **ВЫЛѢСТИ** (ИЛ, Н1Лк) – “пропуск” (ЛЛ, Н1Ла): “...и Греци замкоша С^А. а гра^А затвориша: И выиде Олегъ на брегъ. и воевати нача и много ѹбинства сотвори. около гра^А Грекомъ...” [РЛ, с. 30] устаревшая лексема **вылѣсти** заменяется на более абстрактную и нейтральную **выити** [Филин 1949, с. 33].

2. ЛЗ, обусловленные терминологической адаптацией: **СЛЮБНОЕ** /**СЛЕБЕННОЕ** (РЛ, АЛ / С1Л) – **ХЛѢБНОЕ** (ИЛ) – “пропуск” (ЛЛ, Н1Л): “...да приходячи Р^с слубное емлю^Т елико хотячи а и^ж прих^д гости егда емлю^Т мясичинѣ на з м^сць...” [РЛ, с. 31]; **МЫТО** (РЛ, АЛ, ИЛ) – **ВИНА** (С1Л) – “пропуск” (ЛЛ, Н1Л): “...да творя^Т куплю яко^ж имъ на^Абе не плати^Т мыта ни в че^м же...” [РЛ, с. 31 – 32].

3. ЛЗ, обусловленные меной лексемы на частотный в ПВЛ аналог: ЛЗ **НАЧА**¹³² **ВОЕВАТИ**³⁴ (РЛ, АЛ) – **ПОВОЕВАТИ**² (ИЛ, С1Л, Н1Лк) – “пропуск” (ЛЛ, Н1Ла): “...и Греци замкоша С^А. а гра^А затвориша: И выиде Олегъ на брегъ. и воевати нача и много ѹбинства сотвори. около

гра^А Грекомъ...” [РЛ, с. 30]. К этой же группе относим ЛЗ во вставном фрагменте С1Л: **ВЕЛИКИИ**¹³³ (С1Л_о) – **МНОГИИ**¹⁰³ (С1Л_к): “...въсвяша пароусы чрезъ поля на колесихъ в кораблихъ и идяху по полю къ граду съ силою великою...” [С1Л, с. 25].

На уровне тезауруса нами зафиксирована ЛЗ **СЛОВО** (РЛ, АЛ) – **ЛЮДИ** (ИЛ, С1Л) – “пропуск” (ЛЛ, Н1Л): “...аще придуть Русь бес купли. да не взимаю” месячины да запретить князь словомъ своим^м. приходящимъ Русь^с зде. да не творять пакости в селе^х. в стране нашей...” [РЛ, с. 31], свидетельствующая о разрушении традиционной формулы “да запретить князь сломъ своимъ”. Разрушение традиционной формулы обусловлено временной дистанцией, разделяющей составителя ПВЛ, использовавшего текст договора при правке хронологической сети и адаптации содержания заимствованной из византийского хронографа для описания похода тезаурусной стратегии, и писца, записавшего договор. Договор был создан в другую эпоху для обеспечения межэтнической коммуникации и ориентировался на иноязычные образцы, подчинялся иной тезаурусной стратегии (“созидание миропорядка, определение его границ и описание правил”), для которой и было актуальным обращение к устойчивым речевым формулам.

К ЛЗ, модифицирующей тезаурус “Похода...”, относим и ЛЗ **КРОПИННЫИ** (С1Л, Н1Л_к) – **ѡ** (РЛ, АЛ, ИЛ) – “пропуск” (ЛЛ, Н1Л_а): “...и успяша [Русь] парусы паволочиты. Словене кропинны. и раз^ара ѡ ветръ. и реша Словени им^еся свои^м то^астина^м. не даны с^у” Словено^м пре...” [РЛ, с. 32]. Согласно предположению А.А. Шахматова, известие “о новгородских толстинах” имело северное происхождение, в нем изначально сообщалось о смекалке новгородцев, более искусственных в мореплавании. В летописных сводах, включенное в летописную статью о походе киевского князя на Царьград это известие использовалось для описания пространства, подвластного киевскому князю. Став частью летописного сообщения,

новгородское предание изменило прагматическую интенцию (прославление сметливых новгородцев превратилось в насмешку над неумелыми мореходами) и стало восприниматься как киевское известие, что привело к замене местоимения на прилагательное **кропанныи**. В контексте летописной статьи ПВЛ данная замена указывает на выравнивание тезауруса рассказа, составленного из разнородных фрагментов, в соответствии с разработанной составителем ПВЛ тезаурусной стратегией и прагматической интенцией.

В ЛЗ **Ѡлѣгъ** (РЛ, АЛ, ИЛ, Н1Лк) – **лѣвнъ** (С1Л) – “пропуск” (ЛЛ, Н1Ла): “...И рѣ^с Олегъ. ищитѣ парѣ^с паволочиты Рѣ^с. а Гловено^{мъ} кропанныя. и вы^с тако...” [РЛ, с. 32] составитель С1Л изменил сообщение ПВЛ “князь-победитель требует сшить паруса” на “сам цесарь приказывает сшить паруса для победителей”. Данная ЛЗ отражает мену точки зрения на описываемые события и свидетельствует об отстранении составителя С1Л от прагматической концепции ПВЛ (происходит пересмотр соотношения Русь – Византия).

Итак, ядром летописного “Похода...” представляется предание о походе Олега на Царьград. Уже в Начальном своде сообщение обросло подробностями из разнородных источников. Дополнения были направлены на усиление тезаурусной стратегии “учреждение (сбор) дани, распространение власти русского князя”.

Составитель ПВЛ произвел кодификацию тезаурусных стратегий, использующихся для описания походов в Греки. Для подобных летописных сообщений основной была принята стратегия византийского источника, сообщавшего о нападении Руси на Царьград в 6362 г. В ПВЛ эта стратегия адаптируется для известий русской летописи как “разрушение былого миропорядка и построение нового, угодного русскому князю”, для чего летописцем используются извлечения из статьи 6428 г. и из договора 6420 г.

Прагматически летописные статьи и Начального свода 6430 г., и ПВЛ 6415 г. посвящены утверждению древнерусского государства.

Лексические замены затрагивают все три уровня организации “Похода...”. Большинство ЛЗ отражают адаптацию лексикона “Похода...” в летописных сводах, а именно: обновление диалектно маркированной или устаревшей лексики, эволюцию терминообозначений и замену лексем частотными, характерными для ПВЛ аналогами. ЛЗ тезауруса отражают лексическое обновление, обусловленное согласованием использованных источников с избранной составителем тезаурусной стратегией.

Прагматическая установка “Похода...”, восходящая к преданию об Олеге, осталась неизменной в русском летописании, однако в позднем летописании (С1Л) произошло остранение от описываемых в рассказе событий: ЛЗ **Улегъ** – **Лешнъ** свидетельствует о пересмотре соотношения Русь – Византия.

2.5. “Поход князя Игоря на Византию в 944 (6449) г.”

2.5.1. Текстология и состав летописной статьи.

Летописная статья ПВЛ “Поход Игоря на Византию” восходит к рассказу о походе 920 (6428) г. Начального свода и является вторым из датирующих событий, вставленных составителем Начального свода из Хронографа по великому изложению [Творогов 1976, с. 19].

Сведения, извлеченные из Хронографа по великому изложению, составитель Начального свода сопоставил с преданием об успешном походе Олега, извлеченным из неразбитого погодно летописного повествования. А.А. Шахматов предположил, что согласовать эти два сообщения “было всего проще, установив между ними известную последовательность: сначала было поражение, потом победа. Поражение изложено под 6428, победу можно изложить под 66430 годом, предполагая, что промежуточный 6429 год пошел на сборы” [Шахматов 2001-а, с. 77 –78].

Составитель ПВЛ переработал рассказ Начального свода: дополнил его извлечениями из Жития Василия Нового и передатировал по хронике Георгия Амартола (перенес под 941 (6449) г.), так как в Начальном своде

“Поход...” был ошибочно датирован по Хронографу по великому изложению 6428 годом [Творогов 1976, с. 22].

Летописный рассказ ПВЛ состоит из следующих элементов: 1) собственно описание похода; 2) известие о чудесном оружии Греков; 3) подготовка к новому походу. С1Л придерживается хронологической сети ПВЛ и обнаруживает те же композиционные части, однако сохраняет и подробности, восходящие к Начальному своду и опущенные составителем ПВЛ. Н1Л передает чтения Начального свода в сокращенном виде (если в ЛЛ летописная статья содержит 242 словоформы, то в Н1Лк – лишь 100 словоформ). В Н1Л сохранено описание разбоя, учиненного Русью, а подробности неудачной для Руси военной кампании сокращены; Н1Л не сообщает о рассказах участников похода; иначе, чем в ПВЛ, извещается о подготовке к новому походу: “**Том же лѣтъ прѣпочиша и другое, на третьеє идоша**” [Н1Л, с. 108], – тогда как в ПВЛ читается: “**Игорь же пришедъ нача совкуплати воѣ многи. и посла по Варяги многи за море. Баба на Греки. паки хотѣ поити на нѧ**” [ЛЛ, с. 45].

2.5.2. Моделирование языковой личности.

Текстологические особенности “Похода...” предопределили наше обращение к летописным статьям ЛЛ и Н1Лк.

Лексикон избранных летописей характеризуется большим количеством грецизмов, восходящих к повествованию, заимствованному летописцем из иноязычного источника: **скѣдня, Понтъ, Соудъ, деместикъ, патрекии, стратилатъ.**

Действующими лицами по ЛЛ, согласно частотным доминантам являются: **Греки (5), Игорь (2), Роусь (роускии) (5+1)**; в Н1Л вообще не упоминается о греческих военачальниках (**Фока, Февдоръ, Памфиръ**), однако сообщается о действиях цесаря **Романа (2)**. Таким образом, в Н1Л противопоставление сражающихся сторон оформлено именованием предводителей: **Игорь (Роусь) – Романъ (Греки)**.

Иную частотную группу в ЛЛ образуют оформляющие событийную канву похода глаголы: **воевати** (2), **ити** (принти) (7), **начати** (2), **одоleti** (2), **(по)жещи** (3); и существительные **лодьа** (4) и **вгнь** (пламя) (3+1).

Частотные лексемы **(по)жещи** и **вгнь** (пламя) оформляют параллелизм действий Руси и Греков: “и **б҃гдѣ** весь **пожьгоша**” [ЛЛ, с. 44], “много же **стыхъ** црквини **вгнемъ** предаша. монастырѣ и села **пожьгоша**” [ЛЛ, с. 44] (Русь) – “**Фешфанъ** же **с҃стрѣте** я въ **лядехъ** со **вгнемъ**. и **пущати** **нача** **трѣбами** **вгнь** на **лодьѣ** **Р҃сскія**” [ЛЛ, с. 44], “и **в** **ляднѣмъ** **вгни**. **якоже** **молонья** **рѣ**. **иже** на **нвѣхъ** **Грѣци** **имѣтъ** **оу** **сое**. и **се** **пущающа** **же** **жагаху** **насъ**” [ЛЛ, с. 45] (Греки). В Н1Л, несмотря на значительное сокращение, также сохранился параллелизм действий Руси и Греков: “**б҃гд** **во** **весь** **пожьгоша** **огнемъ**...и **многын** **цѣрквини** **огневи** **предаша**” [Н1Л, с. 107 – 108] (Русь) – “и **огненнымъ** **строємъ** **пожьже** **корабля** **р҃сскія**” [Н1Л, с. 108] (Греки); более того, в Н1Л именуется предводители противоборствующих сторон: **Романъ** (2) – **Игорь** (1).

Таким образом, “Поход...” построен по тезаурусной стратегии, известной нам по летописной статье “Поход Аскольда и Дира на Царьград”: набег Руси (разрушительной стихии, несущей смерть и огонь) нарушает размеренный мир. Разбушевавшуюся “огненную” стихию цесарь останавливает иным огнем (“**Фешфанъ** же **с҃стрѣте** я въ **лядехъ** со **вгнемъ**. и **пущати** **нача** **трѣбами** **вгнь** на **лодьѣ** **Р҃сскія**” [ЛЛ, с. 44]). Нарушители пределов, пришедшие по морю (“**послаша** **Болгаре** **вѣсть** **ко** **црю**. **яко** **идѣтъ** **Р҃сь** на **Црьградъ**. **скѣднн** **.і.** **тысящ**. **иже** **придоша** и **приплѣша**” [ЛЛ, с. 44]) в море же и сброшены (“**Р҃сь** же **видащи** **пламань**. **вмѣтахуса** въ **воду** **морьскую**. **хотаще** **оубрести**. и **тако** **прочии** **възъвратишася** въ **своеси**” [ЛЛ, с. 44 – 45]), былой мировой порядок восстановлен. Летописная статья ПВЛ 941 (6449) г. сохраняет в редуцированном виде и элементы чудесного, свойственные выявленной стратегии: “...и **вы** **видѣти** **страшно** **чудо**...”

[ЛЛ, с. 44], “...и повѣдаху... ѡ ладьнѣмь ѡгни. якоже молонья ре”. иже на нѣхъ Гръци имуть оу собе...” [ЛЛ, с. 45].

Тезаурусная стратегия, заимствованная из хронографического источника, расходилась с прагматической установкой русского летописца на описание славных деяний предков: “Васъ молю, стадо христово, с любовию приклоните уши ваши разумно: како быша древнии князи и мѹжие ихъ, и како отвараху Рѹския землѣ, и ины страны придаху под ся...” [Н1Л, с. 103 – 104]. Поэтому сообщение о поражении Игоря, заимствованное из византийского источника, было согласовано составителем Начального свода с преданием о победе Олега: “...сначала было поражение, потом победа...” [Шахматов 2001-б, с. 77]. Летописец согласовал источники вне рамок погодной статьи, что не противоречит “хронографической манере” изложения (для которой характерна не абсолютная, а относительная датировка) древнейшего периода русской истории Начальным сводом [Творогов 1976, с. 19]. Наполнение тезаурусной стратегии было откорректировано составителем Начального свода в соответствии с прагматической установкой на утверждение древнерусской государственности: победа Романа сменилась победой Олега, огненное чудо греков померкло перед иным чудом – плывущими под предводительством вещего князя по земле ладьями, итогом похода явилось не восстановление разрушенного мирового порядка, а его переустройство, выгодное для русской стороны. Для перехода от статьи 6428 г. к статье 6430 г. в летописном сообщении под 6428 годом используется связывающая рассказы о походах вставка: “Том же лѣтѣ препочиша и другое, на третьеє идоша” [Н1Л, с. 108].

Составитель ПВЛ, создавший концепцию легитимности на Руси власти Рюриковичей, не мог компенсировать поражение князя Игоря победой его воеводы, поэтому Олег описывается в ПВЛ как князь, а сообщение о поражении Игоря продолжает рассказ о его удачном походе в 944 (6442) г. Сами летописные статьи Начального свода 6428 и 6430 гг. были

передатированы в ПВЛ на основе мирных договоров Олега и Игоря (поход Олега описан в статье 907 (6415) г., а поход Игоря – в статье 941 (6449) г.).

Прагматически договоры как юридические документы утверждают становление древнерусской державы, а на уровне тезауруса наполняют заимствованную тезаурусную стратегию “разрушение размеренного мира и восстановление гармонии (космоса)” иным содержанием: запечатлевают не восстановление былого устройства, а переустройство мира в соответствии с волей русских князей. Более того, с включением договоров в ПВЛ заимствованная стратегия эволюционирует: в ПВЛ происходит переход от объяснения восстановления установленного порядка чудесным, божественным вмешательством к объяснению обустройства мирового порядка действиями людей (с помощью мирного договора, созданного волей великого князя и цесаря).

2.5.3. Исследование лексических замен.

Всего в ходе пословного сопоставления ЛЛ, ИЛ, РЛ, АЛ, Н1Лк, Н1Ла, С1Ло и С1Лк в летописной статье “Поход князя Игоря на Византию в 941 (6449) г.” нами обнаружено 7 ЛЗ.

На уровне лексикона найдена терминологическая ЛЗ **СКЪДИЯ** (ЛЛ, ИЛ, РЛ, АЛ, Н1Л) – **ЛОДЬЯ** (С1Л): “**В лѣт.с.ч.м Иде Игорьь на Греки. яко послаша Болгаре вѣсть ко црю. яко идуть Р҃чь на Црьградъ. скѣдии .і. тысящ...**” [ЛЛ, с. 44], в которой лексический грецизм заменяется русским аналогом; а также ЛЗ, в которых лексема заменяется ее частотным в ПВЛ аналогом: **ВОЄВАТИ**^{34+2(повоевати)} (ЛЛ) – **ПЛѢНИТИ**^{1+3(поплѣнити)+3(полонити)} (ИЛ, РЛ, АЛ, С1Л) – “пропуск” (Н1Л): “...и почаша воевати Вифанския страны и воеваху по Понтѹ до Арѣкѣя. и до Фафлогоньски земли. и всю страну Никомидинскую. поплѣнивше и С҃дѣ весь пожьгоша” [ЛЛ, с. 44]; **WBИИ**²³ (ЛЛ, ИЛ, РЛ, АЛ, Н1Лк) – **ВЪСЬ**²⁵¹ (С1Л) – “пропуск” (Н1Ла): “... и С҃дѣ весь пожьгоша. иже емше увѣхъ растинаху. другия аки странь поставлѣюще. и стрѣлаху въ на ...” [ЛЛ, с. 44]; **ИЗИМАТИ**¹⁰ (ЛЛ, РЛ,

АЛ) – **ИЗЛАМЛАТИ**⁰ * (ИЛ, С1Л, Н1Л): “...**овѣхъ** **растинаху**. **дрүгия** **аки** **странь** **поставлѣюще**. **и стрѣлаху** **въ на** **изимахуть** **шпаки** **рүцѣ** **сѣвазывахуть**. **гвозди** **желѣзныи** **посреди** **главы** **въбивахуть** **ихъ...**” [ЛЛ, с. 44].

Так как в летописном рассказе был использован византийский источник и текст Хронографа по великому изложению сохранил сложные для восприятия лексические и синтаксические черты греческого оригинала, чтение “**дрүгия** **аки** **стража** **поставлѣюще**” было не понято летописцами, что привело к ЛЗ **СТРАНЬ** (ЛЛ) – **СТРА/СТРАНЬНЫИ** (РЛ, АЛ) – **СТОРОЖЬ** (ИЛ, С1Л) – “пропуск” (Н1Л): “... **овѣхъ** **растинаху**. **дрүгия** **аки** **странь** **поставлѣюще**. **и стрѣлаху** **въ на** **...**” [ЛЛ, с. 44]. В ЛЛ изначальное чтение было переосмыслено в соответствии с лексиконом писца, не сведущего в специфических способах умерщвления: “**дрүгия** **аки** **странь** (=напротив, подле) **поставлѣюще**” [ЛЛ, с. 44].

Чтение РЛ и АЛ **страньныи** свидетельствует об изменении наполнения тезаурусной стратегии рассказа в русской летописной традиции: переход на изложение событий с позиции русов. Сменой точки зрения на описываемые события с византийской на русскую обусловлена и ЛЗ **ТАКО** **ПРОЧИИ/ТАКО** **ПРОК** **ЛОДИИ** (ЛЛ, РЛ, АЛ, ИЛ/С1Л) – **РОУСЬ** (Н1Л): “...**и** **так** **прочи** **възъвратишася** **въ** **свои** **...**” [ЛЛ, с. 44 – 45], где описательный оборот заменяется на лексему **Русь**, эксплицированную в Н1Л при сокращении подробностей поражения и бегства русов.

ЛЗ **ПРИПЛЫТИ** (ЛЛ, РЛ, АЛ, С1Лк) – **ПРИСЛОУШАТИ** (С1Лю): “**послаша** **Болгаре** **въсть** **ко** **црю**. **яко** **идуть** **Русь** **на** **Црьградъ**. **скѣдни** **.і** **тысящ**. **иже** **придоша** **и** **приплуша** **и** **почаша** **воевати** **Вифаньския** **страны...**” [ЛЛ, с. 44] возникла вследствие графического сходства лексем и свидетельствует о восприятии поздним переписчиком летописного

* Частотный словарь и словоуказатель “Лексический состав “Повести временных лет” О.В. Творогова не содержит сведений о данной лексеме [Творогов 1984].

сообщения как вставного, заимствованного, а потому требующего соответствующего оформления (ср.: **ѡ семь бо ѹвидѣхомъ ... яко пишеться в лѣтописани Гречьстѣмь...** [ЛЛ, с. 17]).

Итак, в ходе исследования летописной статьи нами с помощью частотных доминант было обнаружено, что повествование построено по тезаурусной стратегии “разрушение размеренного мира и восстановление гармонии”. Летописное известие было заимствовано через Хронограф по великому изложению из византийского источника, сообщающего о поражении князя Игоря. Поэтому наполнение заимствованной тезаурусной стратегии требовало переработки в соответствии с прагматической установкой русского летописца на утверждение древнерусской государственности рассказами о славных деяниях предков. Решая названную задачу, составитель Начального свода согласовал сообщения Хронографа по великому изложению и предания о походе вещего Олега, извлеченного из неразбитой погодно летописи, установив последовательность: сначала было поражение, потом – победа. Таким образом, тезаурус летописного известия был адаптирован для русского летописания.

Составитель ПВЛ развивал концепцию легитимности власти Рюриковичей, поэтому его не могла удовлетворить победа воеводы после поражения великого князя. Летописцем были привлечены юридические документы – договоры с Греками, на основе которых составитель ПВЛ описал Олега как варяжского князя из рода Рюрика и передатировал походы. Так, сообщение о победе Олега было отнесено под 907 (6415) г., а продолжением рассказа о походе Игоря стала статья 944 (6452) г., в которой сообщалось о его военных успехах. Заимствованная тезаурусная стратегия эволюционировала в ПВЛ: вобрав сообщения о победе Руси и текст мирного договора, стратегия была переориентирована с восстановления былого порядка на его переустройство в интересах русского князя. Более того, в ПВЛ обустройство мирового порядка (космоса) объясняется не вмешательством чуда или божественных сил, а действиями князя и цесаря,

заклучивших договор и своею волею положивших начало обновленному миру.

Лексические замены “Похода...” запечатлели адаптацию лексикона и тезауруса рассказа в соответствии с изменившейся прагматической интенцией. Так, в ЛЗ **стражь – странь – страньныи мена стражь – странь** свидетельствует о лексической неосведомленности писца и отражает адаптацию лексикона, а мена **стражь – страньныи** вызвана переориентацией тезауруса “Похода...” на изложение событий с византийской точки зрения на русскую.

Терминологические ЛЗ **скѣдѣя – лодья** и ЛЗ **плѣнити – воевати, шви – вьсь, изимати – изламлати** возникли вследствие лексического выравнивания летописного сообщения.

Несмотря на то, что тезаурусная стратегия была заимствована русским летописцем, ее наполнение требовало адаптации в соответствии с изменившейся прагматической установкой. Многие подробности, извлеченные из византийского источника, были излишними для русской летописи, а потому – сокращены, тезаурус рассказа – откорректирован в связи с изменением точки зрения на описываемые события под воздействием прагматикона летописи. Так, в Н1Л при сокращении описания бегства русов в ЛЗ **такo прочии – Роусь** была эксплицирована лексема **Роусь**, что подтверждает смену точки зрения в русских летописях с греческой на русскую. С1Л сохранила наиболее полное чтение Начального свода, ориентированного на Хронограф по великому изложению, однако для переписчика С1Ло текст, восходящий к византийскому оригиналу, маркировался как “чужой”, а вставка требовала соответствующего оформления (прочитал, увидел, услышал...), что и вызвало замену **приплыти** на **прислушати**.

Таким образом, материал ЛЗ свидетельствует, что перестройка прагматикона и тезауруса летописного повествования, начатая составителем Начального свода и завершенная составителем ПВЛ, оказалась воспринятой

средневековой исторической мыслью вплоть до к. XV в.: в исследованных ЛЗ отражена адаптация лексикона, а изменения тезауруса происходят в русле, намеченном летописцем.

2.6. “Мирный договор князя Игоря 945 (6453) г.”

2.6.1. Текстология и язык “Договоров с Греками”.

Мирный договор с Византией князя Игоря является одним из четырех договоров (907 (6415), 911(6420), 944 (6453) и 971 (6479) гг.), вставленных в текст ПВЛ. Эти договоры являются немногими из дошедших произведений древнерусской письменности X в. и издавна привлекали внимание историков и лингвистов.

Лингвистами тексты договоров привлекались для решения вопроса о характере и происхождении языка этих документов. Так, И.И. Срезневский утверждал, что подлинники договоров были созданы на греческом языке и лишь затем переведены на болгарский. Его позиция аргументирована наличием грецизмов, оставленных без перевода (**харатья**, **грамота** и т. п.); калек с греческого (**глава** – “раздел документа”, **златник** — “золотая монета”, **проказа** — “умерщвление”, **равно** – “список, копия”); а также смешением в употреблении местоимений, объясняемым близостью звучания слов $\acute{\upsilon}\mu\acute{\iota}\nu$ - “вам, ваш” и $\acute{\eta}\mu\acute{\iota}\nu$ - “нам, наш”, читаемых как [imīn]; $\acute{\upsilon}\mu\epsilon\acute{\iota}\varsigma$ – “вы” и $\acute{\eta}\mu\epsilon\acute{\iota}\varsigma$ – “мы”, читаемых как [imīs] и т. п. [Ларин 1975, с. 26-27]. Ряд искажений И.И. Срезневский объяснял переводом текста договора на кириллицу с глаголических текстов [Срезневский, 1861-а].

Как древнеболгарский перевод определял язык договоров и А.А. Шахматов [Шахматов, -в]. С именем А.А. Шахматова связано начало изучения договоров на текстологической основе. А.А. Шахматов выдвинул гипотезу, что тексты договоров 907 (6415) г. и 911 г. представляют собой один договор, расчлененный Нестором на части по хронологическим соображениям (летописная статья 907 (6415) г. содержит статьи, отсутствующие в договоре 911 (6420) г., который, в свою очередь, содержит

заглавия опущенных статей) [Шахматов 1916]. Позиция А.А. Шахматова не бесспорна: язык договоров 907(6415) г. и 911 (6420) г. существенно различается, тогда как язык и литературная манера договоров 907(6415) г. и 944(6453) г., напротив, однотипны, что дает возможность трактовать их не как буквальное воспроизведение подлинника, но свободное изложение материала, которое было осложнено включением полного текста (договор 911 (6420) г.) и устранением дублируемых цитат [Кузьмин 1977, с. 263]. Однако такая интерпретация позиции А.А. Шахматова вносит серьезные коррективы в его текстологические построения и ставит под сомнение реконструированный А.А. Шахматовым Начальный свод [Творогов 1976, с. 23 – 24; Лихачев 1979].

В XX в. дискуссия о происхождении и характере языка договоров получила дальнейшее развитие. В.М. Истрин выдвинул предположение о переводе договоров (907(6415)+911(6420), 944 (6453) и 971 (6479) гг.) с греческого языка русским книжником лишь в середине XI в. при Ярославе Мудром [Ларин 1975, с. 28 - 29]. С.П. Обнорский также связывал происхождение договоров с переводом с греческого (как списков с подлинника для “второй” стороны), но считал, что один из переводов произведен в 911 (6420) г. болгаринном, а другой – в 944 (6453) г. русским справщиком. Позицию С.П. Обнорского о совпадении времени создания переводов со временем фактического ведения переговоров разделял Д.С. Лихачев, предполагавший, что списки договоров были выданы Нестору из княжеской казны [Лихачев 1979].

Иначе к изучению языка договоров подошел Б.А. Ларин. Исследователь при интерпретации текстов ПВЛ предпринял реконструкцию структуры текста договоров и выявил в ней описание обряда заключения договора, существовавшего в Византии. С опорой на тексты договоров Б.А. Ларин пришел к выводу, что договоры содержат запись устных речей дипломатов, а потому являются переводными не целиком, а лишь в части, содержащей запись речи греческих послов [Ларин 1975, с. 30 - 32].

Согласно заключению Б.А. Ларина запись изустных речей дипломатов в 911(6420) г. была сделана в Византии писцом, приблизившим ее к нормам древнеболгарского языка, тогда как запись договора 944 (6453) г. была сделана русским писцом в Киеве и подобной корректуре не подвергалась, что, впрочем, не исключило проникновения в текст терминологических заимствований в рамках ориентации на иноязычные образцы. Таким образом, лексически договоры изначально совмещают элементы русского, греческого и древнеболгарского языков, так как являются механическим соединением речей русских послов и перевода записей речей греческих дипломатов, который мог быть сделан и не на Руси [Ларин 1975, с.35].

В нашей работе мы принимаем позицию Б.А. Ларина, примиряющую текстологические построения А.А. Шахматова и данные языкового материала договоров и не противоречащую разделяемой нами концепции развития литературного языка Древней Руси вследствие работы механизма языкового пересчета писцов, предложенной В.М. Живовым [Живов 1996].

2.6.2. Структура летописной статьи.

Итак, согласно стемме А.А. Шахматова – М.Д. Приселкова “Договор с Греками 944 (6453) г.” наряду с другими договорами был включен в летописный текст Нестором с целью оформления ПВЛ историческими документами (списки НЛ, возводимые к чтениям Начального свода, не содержат договоров). Композиционно летописное сообщение обнаруживает следующие элементы: 1) описание процедуры заключения договора в Византии, соответствующее зачину погодной статьи; 2) текст договора; 3) присяга Игоря, одаривание греческих послов; 4) летописная связка: “ **Игорь же нача княжити въ Киевѣ. миръ имея ко всемъ странамъ. и пріспе осень. нача мыслити на Деревляны. хотя примыслити большую дань.**” [ЛЛ, с. 54], возвращающая к событийному изложению, прерванному вставкой документа.

“Договор...” содержит описание ритуала мирного соглашения (в Византии и на Руси) и собственно договор, который состоит из общей части и специальной (глав об убийстве, о драках, о краже и т. п.).

2.6.3. Моделирование языковой личности.

При исследовании лексикона “Договора...” нами были обнаружены следующие частотные доминанты: лексемы, обозначающие стороны договора (**Русь** (**русинъ**) (31), **русскии** (18), **Игорь** (22), **грѣки** (14), **гречьскии** (8), **Костянтинъ** (3), **Романъ** (6), **Стѣфанъ** (3), **вы** (4), **вашь** (8), **мы** (11), **нашь** (15), **вьсь** (17), **свои** (19), **сеи** (10), **тѣтъ** (10)); предлоги подчинения: **аще** (35), **якоже** (12), **елико** (10), свидетельствующие о логическом структурировании текста “Договора...” в отличие от повествовательного ядра летописи, где господствует паратаксис.¹

Организация тезауруса “Договора...” обнаруживает взаимосвязь с тезаурусной стратегией летописных “Походов в Греки” (разрушение, разгул сил хаоса (война, огонь, смерть) и восстановление гармонии, построение космоса: **миръ** (10), **любовь** (7). Однако если в “Походах...” восстановление гармонии достигается с помощью чудесного (заступничество Богородицы, вызвавшей бурю, кара святого Дмитрия, молнии с неба), то в “Договоре...” отношения между Византией и Русью восстанавливаются волей цезаря и великого князя. Выстраиваемый в “Договоре...” мир сохраняет бинарность: Русь (**Игорь**, **князь** (19), **вояринъ** (6) – Византия (**грѣки**, **Романъ**, **Костянтинъ**, **Стѣфанъ**, **цесарь** (12), **сановникъ** (1).

На уровне тезауруса обнаруживается различие двух структурных компонентов договора: общей части и специальной (глав, содержащих волю сторон). Общая часть характеризуется употреблением трафаретных, стандартных конструкций: “...на вся лета. дондеже съяеть солнце и весь миръ стоитъ ...”, “... хранить си любовь правую. да не разрушится дондеже солнце съяеть. и весь миръ стоитъ в нынешния веки. и в

¹ Количественный перевес лексем, характеризующих русскую сторону, и предопределил включение “Договора...” в состав ПВЛ, как документа, содержащего исторические сведения о древнерусском государстве.

бүдүщя...” (2); “... да примүть мєсть от Ба. всєдєржитєля осүжєнья на погивєль вѣ весь вєкѣ в бүдүщии ...”, “... да нє имүть помощи от Ба. ни от Перүна. да нє оүщитятся щиты своими. и да посєчени бүдүть мєчи своими. от стрєлѣ и от иного оружья своего. и да бүдүть раби вѣ весь вєкѣ в бүдүщии ...”, “... и да бүдєть рабѣ вѣ весь вєкѣ в бүдүщии. и да заколєнѣ бүдєть своимѣ оружьемѣ ...”“... да нє разрүшится дондєжє слнцє сьєтє. и весь мирѣ стонитѣ в нынєшнии вєки. и в бүдүщя...” (4), — с помощью которых устанавливаются параметры создаваемого мира (космоса): временной (дондєжє солнцє сияєтѣ, вѣ сии вєкѣ и вѣ бүдүщии); религиозный (христианские и языческие): хрєстьянинѣ (10), (нє) крєстити (сѣ) (4), Хрїстѣ (1), хрїстолюбивыи (1), цєрковѣ (4), свѣтыи (6), крєстѣ (1), крєщєнїє (2), спасєнїє (1), Перүнѣ (3). В общей части гарантом создаваемого мира является клятва сторон (клятва (1), рота (2), клятисѣ (1), кляти (1), законѣ (5), оүставѣ (1)), запечатленная на пергаменте (харатѣя (8), (на) писати (10)). Разрушение устроенного мира (хранити (6), прєстүпити (4)) грозит нарушителям возвратом хаоса: смерть от своего оружия (“...да нє оүщитятся щиты своими. и да посєчени бүдүть мєчи своими. от стрєлѣ и от иного оружья своего. и да бүдүть раби ...”)¹.

В главах специальной части оговариваются возможные отношения сторон (торговля, война, убийство, драка, кража, береговое право ...), производится своеобразный перечень возможных событий: ити, приити, ходити, приходити (3+8+3+4); имєти, приимєти (11+3); күпити, крѣнүти (2+1), мєсячнє, цѣна, күпля, күпецѣ (3+4+2+1); оүбити, оүбон, оүбьєныи (3+1+4); оүдарити (1); оүвѣжати, оүскочити (2+4); обрѣсти (сѣ) (7); оүкрасти, оүкрадєннє (1+1); дати, предати (4+2), взѣти (9), плєнити, поработити (1+1), вєвати (5), глаголати, рєщи (3+5), водити, привѣсти (3+2) и пр.;

¹ Территориальный параметр (Києвѣ (2), св. Мамонтѣ (3), св. Илья (2), корсүняны (1), корсүнская страна (2) – вынесен за пределы общей части в основную, что свидетельствует о вариативности византийского шаблона мирных договоров с варварскими странами.

возможных действующих лиц: **рѹсинъ**, **грѣчинъ**, **сълъ** (17), **мѹжь** (6), **люди**, **человѣкъ** (9+1), **пленьникъ**, **равъ** (1+2).

В прагматическом плане летописная статья 944 (6453) г. представляет собой способ утверждения древнерусской государственности, неизвестный начальному летописанию (до создания ПВЛ): с помощью юридического документа – мирного договора с авторитетным соседом, Византийской империей.

2.6.4. Исследование лексических замен. Всего в ходе пословного сопоставления ЛЛ, ИЛ, АЛ, РЛ, С1Лк и С1Ло в “Договоре...” нами выявлено 50 ЛЗ.

Материал разночтений “Договора...” позволяет выделить на уровне лексикона следующие группы ЛЗ:

1. Адаптация лексических средств, которая проявляется в замене “чужой” (устаревшей или непонятной) лексемы на близкую переписчику, проникновении в текст областной лексики.

Так, ЛЗ **оувѣдѣти** (ЛЛ, ИЛ, РЛ, АЛ) – **оувиѣти** (С1Л): “...ныне же **уведѣлъ** есть князь нашъ. посылати грамоту ко цртвѹ нашѹ. иже посылаѣми бѣвають от нихъ и гостѣе да приносятъ грамоту пишюче сице. яко послахъ корабль селько. и от техъ да **оувемы** и и мы ...” [ЛЛ, с. 48]; **оувѣдѣти** (ЛЛ, ИЛ, С1Л) – **оумѣти** (РЛ, АЛ): “...ныне же **уведѣлъ** есть князь нашъ. посылати грамоту ко цртвѹ нашѹ. иже посылаѣми бѣвають от нихъ и гостѣе да приносятъ грамоту пишюче сице. яко послахъ корабль селько. и от техъ да **оувемы** и и мы ...” [ЛЛ, с. 48] – отражают вытеснение в летописях XV в. лексемы **оувѣдѣти**, которая в первом случае заменяется глаголом **оувиѣти**, развившим абстрактное значение “познать”, а во втором – на имеющую сходное написание словоформу **оумѣемъ** в протографе РЛ-АЛ.

Лексическим поновлением РЛ обусловлено появление разночтения **оускочити** (ЛЛ, ИЛ, АЛ, С1Л) – **оубѣжати** (РЛ): “... и да держимъ

БҮДЕТЬ СТВОРИВЫИ УБИИСТВО. ОТ БЛИЖНИХ ОУВЬЕНАГО ДА ОУВЬЮТЬ И. АЩЕ ЛИ ОУСКОЧИТЬ СТВОРИВЫИ ОУБОИ. И ОУБЕЖИТЬ АЩЕ БҮДЕТЬ ИМОВИТЬ ДА ВОЗЬМУТЬ ИМЕНЬЕ ЕГО. БЛИЖНИИ ОУВЬЕНАГО. АЩЕ ЛИ ЕСТЬ НЕИМОВИТЬ И ОУСКОЧИТЬ ЖЕ. ДА ИЩЮТЬ ЕГО ...” [ЛЛ, с. 51].

В ЛЗ **АЩЕ** (ЛЛ) – **УБАЧЕ** (ИЛ, РЛ, АЛ) – “пропуск” (С1Л): “... да **аще** БҮДЕТЬ ДОВРЕ Игорь великий князь. да хранить си любовь правую. да не разрушится дондеже солнце съяетъ. и весь миръ стоитъ в нынешния веки. и в будущая ...” [ЛЛ, с. 53]; **ГЛАГОЛАТИ** (ЛЛ, С1Л) – **МОЛВИТИ** (ИЛ, РЛ, АЛ): “... Игорь же призва слы Гречьския. реч имъ **гате** что вы казалъ црь. и реша си црви. се посла ны црь радъ есть миру ...” [ЛЛ, с. 53] – наблюдается мена нейтральных для ПВЛ лексем на их областные аналоги в протографе ИЛ-АЛ-РЛ, а в ЛЗ **КРЬНҮТИ** (ЛЛ) – **КҮПИТИ** (ИЛ, РЛ, АЛ, С1Л): “... да не имеютъ волости кҮпити. паволокъ лише по. н. золотникъ и от техъ паволокъ **аще** кто **крьнетъ**. да показываеъ црву мужю. и то е запечатаеъ и дасть имъ ...” [ЛЛ, с. 49] – в ЛЛ [Филин 1949].

Заменой книжной лексемы в С1Л объясняется разночтение: **БЕЩИНЬЕ** (ЛЛ, ИЛ, РЛ, АЛ) – **НИЧТО ЖЕ** (С1Л): “...да запретить князь сломъ своимъ. и приходящимъ Руси сде да нь творять. **бещинья** в селехъ ни въ стране нашен...” [ЛЛ, с. 48].

2. Текст “Договора...” отличается лексической и синтаксической сложностью, поэтому в ряде чтений лексемы протографов были не узнаны переписчиком и заменены схожими по написанию и мотивированными контекстом:

ИСКОПАТИ (ЛЛ) – **ИСКОУПАТИ** (ИЛ, РЛ, АЛ, С1Л): “... **аще** ли обрящются Русь работающе оу Грекъ. **аще** ли сҮть пленници. да **ископають** е Русь. по. і. златникъ ...” [ЛЛ, с. 50]; **ПРЕДАТИ** (ЛЛ) – **ПРОДАТИ** (ИЛ, РЛ, АЛ, С1Л): “... **аще** оукраденное обрящется **предаемо**. да вдасть и цену его сҮгубо. и то показненъ БҮДЕТЬ по закону

Гречьскому ...” [ЛЛ, с. 50]; **ПОЧАТИ** (ЛЛ) – **ПОУЩАТИ** (ИЛ, РЛ, АЛ, С1Л): “... а о сихъ оже то приходятъ Чернии Болгаре. воюють въ стране Корсуньстен. и велимъ князю Рускому да ихъ не почаетъ. в пакость стране его...” [ЛЛ, с. 51]; **МЫСЛИТИ** (ЛЛ, ИЛ, РЛ, АЛ) – **СЛАТИ** (С1Л): “...Игорь же нача княжити въ Киевъ. миръ имея ко всемъ странамъ. и пріспе осень. нача мыслити на Деревляны. хотя примыслити большую дань...” [ЛЛ, с. 54]; **ПЛѢНИТИ** (ЛЛ, ИЛ, РЛ, АЛ, С1Лк) – **ПОИМАТИ** (С1Лo): “...елико хсеянъ от власти нашея. плeнeнeнa приведутъ Русь ту. аще будетъ оуноша или девица добра. да вдадутъ златникъ. і. и поимутъ и. и. и поимутъ і ...” [ЛЛ, с. 50], **КРЕЩЕНИЕ** (ЛЛ, С1Л) – **СВЯЩЕНИЕ** (ИЛ, РЛ, АЛ): “...елико ихъ крщенье прияли суть. да приимутъ мечь от Ба. вседержителя осуженья на погивель въ весь векъ в будущии. и елико ихъ есть не хрщно. да не имутъ помощи от Ба. ни от Перуна...” [ЛЛ, с. 47] (в ЛЛ, РЛ, АЛ, ИЛ, Н1Л лексема **священие** не зафиксирована в значении “принять крещение, креститься”, однако раскрыть титло иначе, как **свѣщeннe** “договор, совет”, не дают ни чтение ближайшего контекста (и елико ихъ есть не хрщно), ни совокупность текстов указанных летописей [WordTabulator], не содержащих словообразовательного варианта **свѣщeннe** (= **свѣщeннe**). В ЛЗ **СЛУДЫ** (ЛЛ, ИЛ, АЛ, С1Л) – **СЛОУГА** (РЛ): “...мы от рода Рускаго. съли и гостье. Иворъ солъ Игоревъ. великаго князя Рускаго. и объчии сли. Вуефастъ Святославль снь Игоревъ. Искусеви Ольги княгини Слуды Игоревъ. нети Игоревъ...” [ЛЛ, с. 46] и **БОРИЧЬ** (ЛЛ, С1Л) – **БИРИЧЬ** (ИЛ, РЛ, АЛ): “...мы от рода Рускаго. съли и гостье. Иворъ солъ Игоревъ. великаго князя Рускаго. и объчии сли...Свень. Стиръ. Алданъ. Тилена. Пубьксарь. Вузлевъ. Синко. Боричь. послании от Игоря. великаго князя Рускаго. и от всякоя княжья и от всехъ люди Руския земля...” [ЛЛ, с. 47] – происходит замена не узнанных переписчиком собственных

имен на сходные по написанию лексемы, мотивированные контекстуально (титулы послов).

3. Значительное количество ЛЗ отражают историческое варьирование терминологии “Договора...” как юридического документа в составе летописных сводов: **МОУЖЬ** (ЛЛ, ИЛ, РЛ, АЛ) – **БОЛЯРИНЪ** (С1Л): “В лет. з. ү. нг. Присла Романъ и Костянтинъ. и Степанъ слы к Игореву. построити мира первого. Игорь же гла с ними о мире. посла Игорь муже своя. къ Роману. Романъ же созва боляре и сановники...” [ЛЛ, с. 46]; **ЛЮБОВЪ** (ЛЛ, РЛ, АЛ, ИЛ) – **МИРЪ** (С1Л): “...и от техъ заповедано обновити ветъхьи миръ. ненавидящаго добра и враждолюбьца дьявола. разорити от многъ летъ. и оутвердити любовь. межю Греки и Русью...” [ЛЛ, с. 47]; **СТВОРИТИ** (ЛЛ, ИЛ, РЛ, АЛ) – **ОУЧИНИТИ** (С1Л): “... да аще кто от Руси или от Грекъ створи криво. да оправляетъ то...” [ЛЛ, с. 49]; **ПРЕЖЕ** (ЛЛ, С1Л) – **ПЪРВОЕ** (ИЛ, РЛ, АЛ): “...и отходящей Руси отсюда. въсимають от насъ. еже надобе брашно на путь. и еже надобе лодьямъ. якоже уставлено есть преже...” [ЛЛ, с. 49]; **ЧАСТЬ** (ЛЛ, ИЛ, С1Л) – **СТОРОНА** (РЛ, АЛ): “...а о Корсуньстей стране. елико же есть городовъ на той части. да не иматъ волости князь Руский. да воуетъ на техъ странахъ...” [ЛЛ, с. 50-51]; **НАПИСАТИ** (ЛЛ, РЛ, АЛ, С1Л) – **ПОЛОЖИТИ** (ИЛ): “...и оттоле оуведятъ ины страны какю любовь имеютъ. Гръци съ Русью. мы же съвещаньемъ все написахомъ. на двою харатью. и едина харатья есть оу црства нашего...” [ЛЛ, с. 52]; **ЛЮДИ** (ЛЛ) – **МОУЖИ** (ИЛ, РЛ, АЛ, С1Л): “...и ходи Игорь роте и люди его. елико поганыхъ Руси ...” [ЛЛ, с. 54]; **ХРИСТИЯНИНЪ** (ЛЛ, С1Л, ИЛ) – **КРЕЩЕНЫИ** (РЛ, АЛ): “...аще ли же кто от князь или от лидии Рускихъ. ли хсеянъ или не хсеянъ. преступитъ се еже есть писано на харатьи сен. будеть достоинъ своимъ оружьемъ оумрети. и да будеть клятъ от Ба и от Перуна. яко преступи свою клятву...” [ЛЛ, с. 53]; **ХРИСТИЯНИНЪ** (ЛЛ, С1Л) – **КРЕЩЕНЫИ** (ИЛ, РЛ, АЛ): “...аще ли же

кто от князь или от лидии Рүскіх. ли хсеянъ или не хсеянъ. престүпить се еже есть писано на харатъи сеи. бѹдетъ достоннъ своимъ оружьемъ оумрети. и да бѹдетъ клятъ от Ба и от Перүна. яко престүпи свою клятвү...” [ЛЛ, с. 53].

ЛЗ **ОРОУЖЬЕ** (ЛЛ, С1Л) – **СЪСЪДЪ** (ИЛ, РЛ, АЛ): “...ци аще оударить мечемъ или копьемъ. или кацемъ любо оружьемъ. Рүсинъ Гръчина. или Гръчинъ Рүсина. да того деля греха заплатить сребра литръ. є. по законү Рүскомү...” [ЛЛ, с. 52] свидетельствует о экспликации в протографе ИЛ-РЛ-АЛ лексического грецизма **съсѹдъ** в рамках устойчивого сочетания “кацемъ любо **съсѹдомъ**” (сравни с чтением “Договора великого князя Олега с Греками 911 (6420) г.”: “...аще ли оудари^т мече^м. или оубъ^т кацѣ^м любо сосоудомъ. за то ѹдарени или бнь. да вдасть литръ .є. сребра . по законѹ Роу^скомѹ...” [РЛ, л. 17]).

К терминологическим относим и ЛЗ **ЦЕСАРЬ** (ЛЛ, ИЛ, АЛ, С1Л) – **КНЯЗЬ** (РЛ): “...послаша ны къ Романү и Костянтинү и къ Стефанү. къ великимъ црмъ Гречьскимъ. створити любовь съ самими цри...” [ЛЛ, с. 47], возникшую под влиянием устойчивого сочетания: великий князь.

4. ЛЗ, в которых лексема заменяется ее частотным в ПВЛ аналогом: **СЪЗВАТИ**¹² (ЛЛ, РЛ, АЛ, С1Л) – **СЪБРАТИ**¹⁷⁺¹¹ (събратися) (ИЛ): “...Романъ же созва боляре и сановники. приведоша Рүския слы и велеша гати. псати обоихъ речи на харатъе.” [ЛЛ, с. 46]; **ЛЮБО**²⁴ (ЛЛ, С1Л) – **ИНЫИ**⁶⁵ (ИЛ, РЛ, АЛ): “...ци аще оударить мечемъ или копьемъ. или кацемъ любо оружьемъ. Рүсинъ Гръчина. или Гръчинъ Рүсина. да того деля греха заплатить сребра литръ. є. по законү Рүскомү...” [ЛЛ, с. 52]; **ОНЪ**⁶⁷ (ЛЛ, С1Л) – **ТЪТЪ**²²⁹ (ИЛ, РЛ, АЛ): “...хранити все. еже есть написано на неи. не престүпити от него ничтоже. а иже престүпить се от страны нашея ... да не имүть помощи от Ба.” [ЛЛ, с. 53].

При исследовании ЛЗ нами обнаружены следующие трансформации тезауруса.

1. При составлении копии договора пункты, содержащие запись устных речей русских и греческих послов, не были адаптированы для русской стороны должным образом: личные местоимения **мы** и **вы**, притяжательные местоимения **вашь** и **нашъ** – смешаны. Поэтому в ходе последующего переписывания писцами предпринимались попытки нормализовать использование притяжательных местоимений с целью выяснения компетенции сторон договора как двух полюсов устроенного “Договором...” миропорядка: **НАШЪ** (ЛЛ) – **ВАШЪ** (ИЛ, РЛ, АЛ, С1Л): “...ныне же **уведелъ** естъ князь **нашъ**. **посылати** грамоту ко **цртву** нашемү. иже **посылаеми** **бывають** от **нихъ** и **гостье** да **приноситъ** грамоту **пишюче** **сице...**” [ЛЛ, с. 48]; **НАШЪ** (ЛЛ, С1Л) – **ВАШЪ** (ИЛ, РЛ, АЛ): “...аще ли **безъ** грамоты **придуть** и **преданы** **будуть** нами да **держим** и **хранимъ** **дондеже** **възвѣстимъ** князю нашемү...” [ЛЛ, с. 48]; **ВАШЪ** (ЛЛ, ИЛ) – **НАШЪ** (РЛ, АЛ, С1Л): “...да **послетъ** **цртво** ваше. да **испишетъ** **имяна** **ваша**. **тогда** **возмуть** **месячное** **свое** **съли** **слевное**. а **гостье** **месячное...**” [ЛЛ, с. 48]; **ВАШЪ** (ЛЛ) – **ОНЪ** (ИХЪ) (ИЛ, РЛ, АЛ, С1Л): “...да **послетъ** **цртво** ваше. да **испишетъ** **имяна** ваша. **тогда** **возмуть** **месячное** **свое** **съли** **слевное**. а **гостье** **месячное...**” [ЛЛ, с. 48]; **ВАШЪ** (ЛЛ, ИЛ) – **НАШЪ** (РЛ, АЛ, С1Л): “...паки да **исходятъ**. н. **мужъ** **цртва** **вашего**. да **хранить** **я...**” [ЛЛ, с. 49]; **ВАШЪ** (ЛЛ, РЛ, АЛ, С1Л) – **НАШЪ** (ИЛ): “...аще **оускочить** **челядинъ** от **Руси**. **по** **не** **же** **придуть** **въ** **страну** **цртвия** вашего. и от **стго** **Мамы**. **аще** **будеть** да **поимуть** **и...**” [ЛЛ, с. 49]; **НАШЪ** (ЛЛ, ИЛ, РЛ, АЛ, С1Лo) – **ВАШЪ** (С1Лк): “...елико **хсеянъ** от **власти** нашея. **пленена** **приведуть** **Русь** **тү**. **аще** **будеть** **оуноша** или **девица** **добра**. да **вдадятъ** **златникъ**. **і**. и **поимуть** **и...**” [ЛЛ, с. 50]; **НАШЪ** (ЛЛ, ИЛ, РЛ, АЛ, С1Лo) – **ВАШЪ** (С1Лк): “...ци **аще** **ключится**. **проказа** **никака**. от **Грекъ** **сүщихъ** **подъ** **властью** **цртва** нашего. да **не** **имать** **власти** **казнити** **я**. **но** **повеленьемъ** **цртва** **нашего**. да **приметь** **якоже** **будеть** **створилъ...**” [ЛЛ, с. 51]; **НАШЪ** (ЛЛ, ИЛ, РЛ, АЛ, С1Лo) –

ВАШЬ (С1Лк): “...ци аще ключится. проказа никака. от Грекъ същихъ подъ властью цртва нашего. да не имать власти казнити я. но повеленьемъ цртва нашего. да приметъ якоже бѹдетъ створилъ...” [ЛЛ, с. 51]; **ВЫ** (ЛЛ, ИЛ, РЛ, АЛ) – **МЫ** (С1Л): “...аще ли хотети начнеть наше цртво от васъ вои на противящаяся намъ. да пишу къ великому князю вашему. и послеть к намъ елико же хочемъ...” [ЛЛ, с. 52].

2. Для “Договора...” как модели мироздания (космоса) характерна установка на универсальность, всеобщность охвата утверждаемых им правил, которая в ходе исторического бытия текста “Договора...” в составе летописных сводов проявилась в эксплицировании лексем **весь** “весь, без изъятия” (на вся лета, весь миръ) и всегда “всегда, постоянно, вечно, навсегда”: **СИИ** (ЛЛ) – **ВЬСЬ** (ИЛ, РЛ, АЛ) – “пропуск” (С1Л): “... да аще бѹдетъ добре Игорь великий князь. да хранить си любовь правѹю. да не разрушится дондеже солнце съяетъ. и весь миръ стоитъ в нынешния веки. и в бѹдущая.” [ЛЛ, с. 53]; **ТЪТЪ**²²⁹ (ЛЛ, ИЛ) – **ВЬСЬ**²⁵¹ (РЛ, АЛ) – “пропуск” (С1Л): “...да не имать волости князь Рѹскни. да воюеть на теухъ странахъ. и та страна не покаряется вамъ...” [ЛЛ, с. 51]; в регулярной трансформации писцом ЛЛ традиционной формулы “въ си вѣкъ и въ бѹдущи”, первичность которой для текста договора подтверждается параллельным чтением “в нынешния веки. и в бѹдущая”: **ВЬСЬ** (ЛЛ) – **СИИ** (ИЛ, РЛ, С1Л) – “пропуск” (АЛ): “...и иже помыслить от страны Рѹскни. разрушити такѹ любовь. и елико ихъ крщнье прияли сѹть. да примѹтъ мечь от Ба. вседержителя осуженья на погибель въ весь векъ в бѹдущи. и елико ихъ есть не хрщно. да не имѹтъ помощи от Ба. ни от Перѹна. да не оущитятся щиты своими. и да бѹдѹть раби въ весь векъ в бѹдущи.” [ЛЛ, с. 47-48]; **ВЬСЬ** (ЛЛ) – **СИИ** (ИЛ, РЛ, АЛ, С1Л): “...и иже помыслить от страны Рѹскни. разрушити такѹ любовь. и елико ихъ крщнье прияли сѹть. да примѹтъ мечь от Ба.

всѣдержителя осуженья на погибель въ весь векъ в бѹдущии. и елико ихъ есть не хрщно. да не имуть помощи от Ба. ни от Перуна. да не оущитятся щиты своими. и да посечени бѹдутъ мечи своими. от стрелъ и от иного оружья своего. и да бѹдутъ рави въ весь векъ в бѹдущии.” [ЛЛ, с. 47-48]; **ВЬСЬ** (ЛЛ) – **СНИ** (ИЛ, РЛ, АЛ, С1Л): “...а иже престѹпить се от страны нашея. ли князь ли инъ кто. ли крщнъ или некрщень. да не имуть помощи от Ба. и да бѹдетъ рабъ въ весь веекъ в бѹдущии. и да заколенъ бѹдетъ своимъ оружьемъ.” [ЛЛ, с. 53], а также в ЛЗ **ИНЫИ** (ЛЛ, С1Л) – **ВСЕГДА** (ИЛ, РЛ, АЛ): “...да кленѹтся о всемъ яже сѹть написана на харатѹи сен. хранити от Игоря и от всехъ воляръ. и от всехъ людин. от страны Рѹския. въ прочая лета и и во инѹ ...” [ЛЛ, с. 53]. С другой стороны, данная группа свидетельствует о разрушении устойчивых формул подлинника, характеризовавших параметры созданного волею сторон мира (космоса).

Разрушением устойчивых формул оригинала объясняются и ЛЗ: **ИНЫИ** (ЛЛ, ИЛ, РЛ, АЛ) – **НАГЫИ** (С1Л) : “...да не оущитятся щиты своими. и да посечени бѹдутъ мечи своими. от стрелъ и от иного оружья своего...” [ЛЛ, с. 48]; **ГОРОДЪ** (ЛЛ, С1Л) – **РОДЪ** (ИЛ, РЛ, АЛ) “...аще ли кто от людин црства вашего. ли от города вашего. или от инехъ городъ. оускоичить челядинъ нашъ къ вамъ. и принесеть что. да въспятятъ и опять...” [ЛЛ, с. 49]; **СЪЛЪ** (ЛЛ) – **СЛОВО** (ИЛ, РЛ, АЛ, С1Л): “...да запретить князь словъ своимъ. и приходящимъ Рѹси сде да нь творять. вешинья в селехъ ни въ стране нашеи.” [ЛЛ, с. 48] (сравни с чтением “Договора Олега...”: “...да запретить князь словомъ своимъ. приходящимъ Роѹ^с зде. да не творять пакости в селехъ. в стране нашеи” [РЛ, л. 16]).

С точки зрения прагматической организации “Договор...” был включен в ПВЛ с целью утверждения юридическим документом Древней Руси как мировой державы. На уровне прагматикона нами обнаружены ЛЗ,

акцентирующие ведущую роль русских при заключении договора и тем самым усиливающие эту интенцию: **ПРИВѢСТИ** (ЛЛ, ИЛ, РЛ, АЛ) – **ПРИИТИ** (С1Л): “Романъ же созва боляре и сановники. приведоша Руския слы и велеша гати. псати обоихъ речи на харатье.” [ЛЛ, с. 46]; **ПРИИТИ** (ЛЛ, ИЛ, РЛ, АЛ, С1Л_о) – **ПРИЯТИ** (С1Л_к): “...аще придутъ Русь бес купли. да не взимають месячна. да запретить князь словъ своимъ. и приходящимъ Руси сде да нь творять. бещинья в селехъ ни въ стране нашен...” [ЛЛ, с.48].

Итак, в ходе моделирования ЯЛ составителя ПВЛ нами была проанализирована летописная статья 6453 г. по ЛЛ.¹ При исследовании лексикона “Договора...” нами были выявлены частотные доминанты, которые, при проекции на логический каркас договора, позволили структурировать тезаурусную стратегию летописной статьи: создание бинарного (Русь – Византия) мира, описание его устройства (параметры мироздания, перечень его законов и возможных событий). На уровне тезауруса включение создателем ПВЛ данной стратегии в повествование оправдано функцией восстановления мира, порядка, нарушенного походами Игоря (статьи 941 (6449) г. и 944 (6452) г.); прагматически “Договор...” как юридический документ закрепляет за Русью статус мировой державы.

Договор был заключен на заре древнерусской государственности, построен по иноязычному образцу и в языковом плане совмещал черты греческого, болгарского и русского языков, отличался сложным синтаксисом. Поэтому лексикон “Договора...” подвергся обновлению юридической терминологии и лексической адаптации в соответствии с узусом ПВЛ и представлениями поздних переписчиков; отдельные лексемы не были узнаны книжниками и заменены другими, графически близкими, но искажающими содержание оригинала.

¹ Считаем, что моделирование ЯЛ по одной из дошедших летописей оправдано относительной стабильностью передачи текста “Договора...” в привлекаемых нами летописях (ИЛ, РЛ, АЛ, С1Л_к, С1Л_о): так, из 1604 словоупотреблений летописной статьи по ЛЛ лишь 50 лексем вступают в отношения лексической мены с чтениями иных летописей.

ЛЗ тезауруса “Договора...” свидетельствуют о разрушении устойчивых конструкций, имеющих иноэтническое происхождение и восходящих к отдаленной исторической эпохе. При переосмыслении устойчивых конструкций в тезаурусе “Договора...” оказалась востребованной заложенная в параметрах становящегося мироздания (космоса) установка на универсализм закрепляемых “Договором...” явлений, что выразилось в экспликации лексем **всь** и **всегда**.

При составлении русской копии договора были смешаны личные местоимения **мы – вы** и притяжательные **наш – ваш**, поэтому книжниками для разграничения полномочий Руси и Византии (полюсов бинарного мироздания) предпринимались попытки нормализовать употребление местоимений.

На уровне прагматикона нами были выявлены ЛЗ (в списках С1Л), отводящие в процедуре заключения договора ведущую роль Руси.

Таким образом, если в целом вставка “Договора...” в летописное повествование была произведена успешно и востребована русской исторической мыслью, то ряд элементов лексикона, тезауруса и прагматикона потребовал адаптации в соответствии с изменившимися языковыми и культурными реалиями.

2.7. “Крещение княгини Ольги в 955 (6463) г.”

2.7.1. Текстология и состав летописной статьи.

“Крещение...” восходит к одному из древнейших текстологических пластов летописи. Летописная статья за 955 г. реконструируется в составе Начального свода: параллельный текст читается в Новгородской первой летописи [Творогов 1976, с. 23].

А.А. Шахматов считал, что изначально, в составе Древнейшего свода, летописный рассказ состоял только из “духовных элементов”. Этот рассказ составитель Начального свода извлек из “Повести о крещении и кончине Ольги” наряду с известием о кончине Ольги и дополнил тремя вставками: 1)

предложение цесаря и требование Ольги, чтобы он крестил ее сам; 2) повторное предложение цесаря и ответ Ольги, цесарь называет ее крестной дочерью и отпускает с дарами; 3) прибытие посольства в Киев и ответ Ольги [Шахматов 2001-б, с. 86]. Согласно представлениям А.А. Шахматова, в Древнейшем своде этот летописный рассказ являлся первой хронологической датой [Шахматов 2001-б, с. 90]. Кроме того, А.А. Шахматов обратил внимание, что летописная статья распространена заимствованиями из Паремейника (Притч 1: 20 – 22, Притч. XIII – 20, Притч.: II: 2 и Притч. VIII: 17) и возвел вставку к работе составителя Начального свода [Шахматов 2001-б, с. 87 – 88].

Д.С. Лихачевым была разработана гипотеза, согласно которой “Крещение...” восходит к внелетописному произведению, так называемому “Сказанию о распространении христианства на Руси” [Лихачев 1979]. По мнению Д.С. Лихачева, повествование изначально не имело хронологической канвы и стилистически было близко к житиям и произведениям учительской литературы (“Слово о законе и благодати” Иллариона). Д.С. Лихачевым предполагаемое “Сказание о распространении христианства...” было определено как “ядро” последующего повествования: “церковные сказания составляют как бы одно целое..., а слой устных преданий лишь прикреплен к ним и не может составлять самостоятельного произведения...” [Лихачев 1979].

Тот факт, что летописная статья подверглась неоднократной редакторской правке и совмещает элементы “церковных сказаний о первых русских христианах” и “народные предания о первых русских князьях-язычниках”, а также обнаруживает идейное и стилистическое единство с повествованием о крещении Руси Владимиром [Гиппиус 2001, с.166, 178], не вызывает сомнений, однако трактовка этого пласта как первичного остается дискуссионной.

Так, А.Г. Кузьминым [Кузьмин 1977, с. 334 - 341], а затем Л. Мюллером церковно-агиографические элементы были определены как вторичные по

отношению к легендарно-фольклорным, которые и “образуют содержательную канву рассказа” [Гиппиус 2002, с. 178].

В последнее время позиция А.Г. Кузьмина получила лингвистическое подтверждение и была уточнена А.А. Гиппиусом, который в ходе лингвотекстологического исследования ПВЛ по Лаврентьевской летописи обнаружил, что в тексте погодной статьи за 955 г. присутствуют более двух слоев, причем языковые признаки, квалифицируемые как вторичные, выступают в первоначальном (фольклорном) рассказе, который затем подвергся агиографической редактуре [Гиппиус 2001, с. 178].

Итак, вслед за А.А. Гиппиусом “Крещение...” признаем вставкой в исходный текст, осложненный впоследствии вставками второго порядка.

2.7.2. Моделирование языковой личности.

При исследовании лексикона мы проанализировали частотную лексику в ЛЛ (одном из основных списков ПВЛ). Для исследования частотных доминант использовались программы Word Tabulator v2.2.1. [Word Tabulator] и TextAnalyst 2.0 [TextAnalyst]. В ходе анализа летописной статьи ПВЛ за 955 г. по ЛЛ нами рассмотрено 792 словоформ и выявлены следующие частотные доминанты: союзы **аще** (10) и **яко(же)** (10), свидетельствующие, что повествование “Крещения...” отлично от “Сказания о первых русских князьях”, где господствует паратаксис; летописная статья построена в диалогической форме, что проявляется в частотности личных местоимений: **мя** (9), **ти** (8)+**тобе** (2), **азъ** (5), и глаголов говорения: **глаголати** (6) + **рещи** (19). Действующими лицами являются **Вльга** (11), **патриархъ** (7) + **владыка** (1) и **цесарь** (7). Рассказ посвящен приятию Ольгой христианства: **крестити(ся)** + **крестъ** + **христиане** + **Христось** (17); **моудрость** (премоудрость) (7), **разумъ** (3) + **разумети** (5). Текст летописной статьи, для которой свойственны глаголы движения (**ити** (2), **прити** (6), **приходящи** (9)), осложнен библейской цитацией: **Боломонъ** (6). Значение крещения Ольги для древнерусского государства обыгрывается с помощью лексики родства: **мать** (6), **сынъ** (6), **родъ** (3), **Роусь** (4).

Н1Л содержит следы агиографической редакции, что проявляется в частотности вставных синтаксических признаков церковной литературы – **авиє** (4) и **паки** (4), а также множестве поясняющих вставок, в языковом отношении ориентированных на стандартный регистр языка.

Особенность моделирования тезауруса “Крещения...” заключается в том, что повествование осложнено многочисленными цитатами и аллюзиями из библейских источников, которые включают “Крещение...” в библейский контекст не только на уровне прямых отсылок к корпусу церковнославянских богословских текстов, но и на уровне “... языкового воспроизведения образца особого типа дискурса, присущего текстам определенного содержания и функциональной направленности, характеризуемого своеобразной топикой и словарем...” [Гиппиус 1998, с. 244]. И если прямые цитаты выделяются без особого труда, то библейские образы органичны в рамках дошедшего до нас в ПВЛ варианта “Крещения...”.

Тем не менее, с помощью синтагматической записи в повествовании вычленяется тезаурусная стратегия “сбор дани (в данном случае обретение дара христианской веры) и распространение власти русского князя”:

Ольга, подобно другим русским князьям отправляется в поход на Царьград: “**В лѣтѣ. ѡ. ѡ. г. Иде Ольга въ Греки...**”, однако “призом”, кроме многочисленных даров (“... и дасть и дары многи злато и сребро. паволоки и съсуды различны. и шпусти ю...”), выступает “бисер многоценный” христианской веры: “**блжняя ольга. искаше мдрѣю. все въ свѣтѣ семь. налѣзе висеръ многоцѣнныхъ. же есть Хсѣ...**”. Пройдя испытания (очевидно стояние в Суду, как то реконструировали А.А. Шахматов и М.Д. Приселков, опираясь на чтение: “**отвѣщавши ольга. и ре^ч къ словѣ. аще т^м рыци такоже постоиши оу мене в Починѣ якоже азъ в Суду то тогда ти дамъ. и отпусти слы съ рекъши**”), Ольга с победой возвращается “**въ своя си**”...

Часть летописной статьи со слов “живяше же **Шльга съ снмъ** своимъ **Свтославомъ**” представляет собой начало иного сюжета: судьба Святослава (и ее печальный итог...) на фоне жизненного примера его матери.

Эта часть сохраняет связь со стихией устных преданий и вместе с историческим анекдотом о “премудрой Ольге”, перехитрившей греческого цезаря, являются вставками (видимо, синхронными, о чем свидетельствуют подобие конструкций с **КАКО** и сходство в оформлении диалогов (экспликация субъекта и адресата речи: **азъ, ти, мя**). Внедрение исторического анекдота не противоречит повествовательному ядру, но, напротив, лишь усиливает противопоставление Руси и Византии: оппозиция **МЫ (Роусь) - ОНИ (Грѣки)**.

Фрагменты, традиционно реконструируемые как “народные”, выделимы лишь стилистически и образуют с нейтральными чтениями единую повествовательную канву, представляют собой событийные иллюстрации “победы” Ольги. То же относится и к ряду чтений, отсылающих к библейскому контексту.

С помощью программ “Цитата из Библии” [Цитата из Библии] и “Славянская библия” [Славянская библия] нами были сопоставлены чтения ПВЛ по ЛЛ и Н1Л и текстов Ветхого и Нового Заветов (по церковнославянскому и русскому переводам, а также Мариинскому Евангелию). При обращении к несомненно более поздним текстам перед нами стояла цель определить пласт библейских текстов, к которым отсылают цитаты, и выяснить характер цитирования.¹ При исследовании было выявлено, что библейские цитаты “Крещения...” образуют две различные группы.

Одна группа отсылок к библейским текстам представляет собой пословную цитацию из Притчей:

¹ Нет сомнений, что библейские цитаты попали в летописный текст через посредничество богослужебной и учительской литературы, своеобразных цитатных подборок, наподобие Изборников Святослава (многие из книг Канона были переведены лишь в XV в.[23]). Состав библейских чтений, доступных древнерусским книжникам, на сегодняшний день не определен и остается предметом дискуссии

ищущи бо мудрости обрящють [ЛЛ, с. 62] и азъ любящая мя люблю. и ищущии мене обрящють мя [ЛЛ, с. 62] – ср.: азъ любящия мя люблю, ищущии же мене обрящутъ благодать (Прит.8:17);

прмдрость на исходищихъ поется. на путехъ же деръзновение водить. на краихъ же забральныхъ проповедаеть. во вратехъ же градныхъ. дерзаючи глть. елико бо летъ злобиви держатся по правду [ЛЛ, с. 62] – ср.: премудрость во исходехъ поется, в стогнахъ же дерзновение водит, на краехъ же стенъ проповедуется, у вратъ же сильныхъ приседит, во вратехъ же града дерзаючи глаголет: елико убо время незлобивии держатся правды... (Прит.1:20-22);

реч бо Солманъ желанье. блгврнхъ наслаженьи дшю... [ЛЛ, с. 62] – ср.: желанья благочестивыхъ наслаждаютъ дшю, дела же нечестивыхъ далече отъ разума (Прит.13:20);

и приложиши сердце твое в разумъ [ЛЛ, с. 62] – ср.: послушаетъ премудрости твое ухо, и приложиши сердце твое к разуму: приложиши же е в наказание сыну твоему (Прит.2:2);

реч бо Солманъ делатели нечестивыхъ делатель отъ разума [ЛЛ, с. 63] – ср.: желанья благочестивыхъ наслаждаютъ дшю, дела же нечестивыхъ далече отъ разума (Прит.13:20);

понеже звахъ вы и не послушасте мене. прострохъ словеса и не внимасте. но отметасте моя светы. моихъ же обличении не внимасте [ЛЛ, с. 63] – ср.: понеже звахъ, и не послушасте, и простирахъ словеса, и не внимасте, но отметасте моя советы и моимъ обличениемъ не внимасте: убо и азъ вашей погивели посмеюся, порадоюся же, егда придетъ вамъ пагуба (Прит.1:24-26);

възненавидеша бо прмдрость. а страха Гсна не изволиша. Ни хотяху моихъ внимати светъ. подражаху же мои обличенья. [ЛЛ, с. 63] – ср.: возненавидеша бо премудрость, словесе же Господня не прияша: ниже

хотеша внимати моим советом, ругахуся же моим обличением (Прит.1:29 – 30);

Боломанъ во речъ кака и злыя приемлетъ себе досаженье обличая. нечствъ поречеть тебе. обличенья во нечствмъ мзолье сѣть. не обычай злыхъ да вовъзненавидить тебе. [ЛЛ, с. 64] – ср.: наказуяй злыя приметъ себе безчестие, обличая же нечестиваго порочна сотворитъ себе (обличения во нечестивому раны ему). не обличай злыхъ, да не возненавидятъ тебе: обличай премудра, и возлюбитъ тя. даждь премудрому вину, и премудрейшии будетъ: сказуй праведному, и приложитъ примати. (Прит.9:7-9).

Приметой этой группы чтений является оформление прямой речи через формулу

$N_{Nom.} + V_{aорист\ sg.\ 3л}$, где N_{Nom} – Им. п. имени существительного, субъекта речи, а $V_{aорист\ sg.\ 3л}$ – форма 3л. глагола прошедшего времени (аорист). Такие чтения обнаруживают вставной характер (иллюстрируют “Крещение...” библейскими параллелями) и могут быть легко изъяты из текста. К этой же группе относим перечисление библейских сюжетов: “якоже схрани Еноха в первыя роды. и потомъ Ноя в ковчезе. Аврама от Авимелеха. Лота от Содомлянъ. Моисея от Фараона. Двда от Саула .г. отроци от пещи. Данила от зверии. тако и тя избавить. от неприязни. и от сетии его” [ЛЛ, с. 61].

Другая группа представляет собой подборку цитат из Нового Завета:

1) построенных по той же модели: и речъ птрархъ чадо верное во Крста крстилася еси и во Крста облечеся. Хсъ имать схранити тя [ЛЛ, с. 61 – 62] – ср.:

25 пришедшии же вѣрѣ, оуже не под пѣствномъ есмы. 26 вси бо вы сынове вжїи есте вѣрою в хртѣ їисѣ. 27 елицы бо во хрта крстистесѧ, во хрта швлекостесѧ. 28 нѣсть їудей, ни еллинъ. нѣсть рабъ, ни свободъ. нѣсть мужескїи полъ, ни женскїи. вси бо вы едино есте в хртѣ

їисѣ. 29 аще ли вы хртѡвы, оубо авраамле сѣма есте, и по вѣтѡванїю наслѣдницы. (посланїе къ галатѡмъ 3:25-29);

Гсь речъ приходящая ко мнѣ не иженѹтъ вонѣ [ЛЛ, с. 62] – ср.: все, еже даетъ мнѣ оцъ, ко мнѣ прїдетъ. и градѹцаго ко мнѣ не изженѹ вонѣ (Ѡ їѡанна 6: 37);

2) вставленных в текст без оформления цитирования: невернымъ бо вера хреянська ѹродьство есть [ЛЛ, с. 63] – ср.: слово бо крестное погибающимъ оубо юродство есть, а спасаемымъ намъ сила бжїа есть (посланїе 1 корїнѡанѡмъ 1 18); не смыслиша бо ни разѹмеша во тьме ходящии. и не ведятъ славы Гснѡ одовьлеша бо срца ихъ. ѹшюма тяжько слышати а очима видѣти [ЛЛ, с. 63] – ср.:

глагола. иди къ людемъ симъ и рцы. слѹхомъ оѹслышите, и не имате разѹмѣти. и видаще оѹзрите, и не имате видѣти. шдебелѣ бо сердце люден снхъ, и оѹшима тѡжкѡ слышаша, и очи свои смежиша. да не какѡ оѹвидатъ очима, и оѹшима оѹслышатъ, и сердцемъ оѹразѹмѣютъ, и шбратаѣтсѡ, и исцѣлю ихъ. (дѣянїѡ 28: 26 -28) или сегѡ ради въ притчахъ глаголю имъ, такѡ видаще не видатъ, и слышаще не слышатъ, ни разѹмѣютъ. и свываетсѡ въ нихъ пррочество исаїино, глаголющее. слѹхомъ оѹслышите, и не имате разѹмѣти. и зраще оѹзрите, и не имате видѣти. штолстѣ бо сердце люден снхъ, и оѹшима тѡжкѡ слышаша, и очи свои смежиша, да не когда оѹзратъ очима, и оѹшима оѹслышатъ, и сердцемъ оѹразѹмѣютъ, и шбратаѣтсѡ, и исцѣлю ихъ. (Ѡ матѡѡа 13: 13-15); он же ... не ведын. аще кто мтръ не послѹшаетъ. в бедѹ впадаетъ якоже реч. аще кто Оца ли мтре не послѹшаетъ. но смрть приметъ. [ЛЛ, с. 63 – 64] – ср.: вгъ бо заповѣда, глагола. чти отца и матеръ. и. иже шлословитъ отца или матеръ, смертїю да оѹмретъ. (Ѡ матѡѡа 15:4).

3) библейских аллюзий, отсылающих к текстам стандартного регистра: “блгсна ты в женахъ”, “возлюби светъ. а тьмѹ остави”, “аки гѹба

напаяема”, “сеть неприязнена”, “налезе висеръ многоценьныхъ. еже есть Хссъ”, “слава Господня”.

Включением в “Крещение...” библейских образов актуализируется богословский контекст крещения Ольги. Так, в чтении: “**Отвещавши Ольга. и реч къ словъ. аще ты рьци такоже постоиши ꙗ менѣ в Почаине якоже азъ в Бюдѹ то тогда ти дамъ. и отпусти слы съ рекъши.**” [ЛЛ, с. 63] (ср. с крещением первой европейки Лидии (Деян. 16: 14-15)) – обыгрывается завет страннлюбия. Цезарь в недошедшем варианте “Крещения...” долго не принимал Ольгу, и она в ответе послам уже как христианка, равная ему, предлагает василевсу так же “погостить” у нее в Почаине, как и она в Суду. В этой библейской аллюзии, как и в фольклорных вставках, проявляется антигреческая интенция ряда чтений “Крещения...” (оппозиция МЫ (Роусь) - ОНИ (Грѣки)).

Принадлежность к иному историческому пласту обнаруживают выдержки из Притчей. Эти вставки направлены на противопоставление жизненного пути Ольги, обретшей спасение, и ее сына Святослава, отвергнувшего советы матери и нашедшего безвременную смерть.

Фигура патриарха так же является вставкой: действия патриарха и цезаря контаминированы (“...и блгсви ю птрархъ и отпусти ю...”, “...и реч црь... и отпусти ю нарекъ ю дъщерью себе...”, “... и блсви ю патрѣархъ. и иде с миромъ...”); этот персонаж связан с чтениями, разрывающими повествование, и дублированными чтениями: “...и блсви ю патрѣархъ. и иде с миромъ въ

свою землю. и приде Киеву...” и “**Си же Ольга приде Киеву и присла к неи црь...**” и др. Образом патриарха снимается противопоставление Руси и Византии, летописному рассказу придается христианское звучание.

Итак, исследование тезауруса летописной статьи выявило, что “Крещение...” осложнено одновременными вставками, актуализирующими различные интенции повествования, ориентирующие на сказания о становлении русской государственности и комплекс христианских текстов

соответственно. Первый слой, совмещающий библейскую образность и фольклорные элементы, построен по тезаурусной стратегии народного сказания “учреждение дани и распространение власти русского князя” и представляет собой рассказ о добыче Ольгой в Царьграде главного трофея – христианской веры: Ольга приходит в Царьград, чтобы креститься и тем самым положить конец языческой Руси; проходит испытание – обманывает лукавого цесаря; возвращается в Киев как христианка.

Другой пласт характеризуется прямой цитацией из библейских текстов. Выдержки из притчей противопоставляют жизненный путь Ольги, обретшей спасение души, и ее сына Святослава, не крестившегося и нашедшего безвременную кончину. На уровне библейской символики тезаурусная стратегия наполняется следующим образом: “крещеная Ольга возвращается в Киев – ссора с сыном – обретение Ольгой спасения, предвещающего спасение земли Русской”. Завершающая летописную статью речь Ольги “... аще Бъ хоцетъ помиловати ро^а моего и землѣ рꙋскиѣ да возложитъ имъ н срце шератити^с къ Бꙋ якоже мнѣ Бъ дарова... и се рекши молашеса за сна и за люди по вса ноци и дни...” [ЛЛ, с. 64] свидетельствует, что Ольга открывает путь спасения для Руси и совершает это по воле Господа. Ольга говорит, что Русь может быть крещена по божьей милости, однако во время составления летописного рассказа Русь уже была крещена, а значит – избрана богом, равно как избрана Ольга первой христианкой Руси.

Таким образом, второй, библейский, пласт как вневременной образец мотивирует пласт событийно-исторический. Поэтому Ольга и предлагает послам постоять у нее в Почаине, как она в Суду – с крещением Ольги по воле божьей центр православия перемещается с Царьграда в Киев, который становится столицей богом избранной Русской земли.

Строение тезауруса “Крещения Ольги...” свидетельствует, что использование тезаурусной стратегии мотивируется христианским мировоззрением, а именно христианской историософской концепцией.

События библейской истории представляются прообразом и исторического процесса вообще (от Ноя до Страшного суда), и отдельных исторических событий как микромоделей реальной истории, что предопределяет структурирование сообщений в ПВЛ в рамках абсолютной хронологической сети.

Прагматикон “Крещения...” характеризуется двумя векторами, имеющими различное происхождение и представляющими два пути утверждения Руси как мировой державы: принятием христианства Русь включается в Причерноморский культурный ареал; в набегах на Империю киевские князья завоевывают право быть независимыми и от власти василевса, и патриарха.

Итак, на уровне тезауруса с помощью методики синтагматической записи повествования было обнаружено повествовательное ядро – “поход Ольги на Царьград”, соответствующее интенции “Сказания о первых русских князьях”: распространение княжеской власти с севера на юг (напр.: греки маркированы в “Крещении...” как “чужие”). Повествование осложнено множеством цитат и аллюзий на христианскую литературу, а также вставками из народных преданий. Ссылки на библейские тексты обнаруживают два слоя: 1) цитаты из Нового Завета и библейские образы, связанные с иллюстрирующими повествование фольклорными преданиями об Ольге, акцентирующими противопоставление Руси и Византии; 2) вторичные по отношению к ним извлечения из Притчей, с помощью которых противопоставляется жизненный путь крестившейся Ольги и отвергнувшего крещение Святослава. На уровне прагматикона указанные текстологические пласты соответствуют двум способам становления Руси как мировой державы. Хотя в “Крещении...” и сохранились интенции внелетописных источников, летописная статья представляет собой единое целое (о чем свидетельствует сопоставление синтагматически свернутого повествования с частотными доминантами “Крещения...”) и в прагматическом плане

направлена на утверждение светской и духовной независимости Древней Руси.

2.7.3. Исследование лексических замен. Всего нами обнаружено 32 ЛЗ.

К ЛЗ уровня лексикона относим разночтения, затрагивающие языковое оформление письменного источника. Материал разночтений “Крещения...” позволяет выделить следующие группы ЛЗ.

1. Лексические замены, в которых нейтральная для ПВЛ лексема заменяется ее аналогом, маркирующим текст как религиозно-обрядовый: **РѢЩИ** (ЛЛ, ИЛ, РЛ, Н1Ла, АЛ, С1Л) – **ГЛАГОЛАТИ** (Н1Лк): “и по крщньи возва ю црь и рече еи хощу ты пояти совѣ женѣ” [ЛЛ, с. 61]; **СЛОВЕСЫ** (Н1Лк) – **ГЛАГОЛАНИИ** (Н1Ла) – “пропуск” (ЛЛ, ИЛ, РЛ, АЛ, С1Л) во вставке в Н1Л: “И рече цесарь предстоящимъ тѹ вельможамъ своимъ: “упремѹдри мя Олга словесы своими”; бе же она мѹдра словесы.” [Н1Л, с. 114]; **РѢЩИ** (ЛЛ, ИЛ, РЛ, АЛ, С1Л, Н1Лк) – **ГЛАГОЛАТИ** (Н1Ла): “и рече ему людье мои пагани и снѣ мои. давы мя Бѣ сѣблю от всякого зла.” [ЛЛ, с. 62]; **РѢЩИ** (ЛЛ, ИЛ, РЛ, Н1Ла, АЛ, С1Л) – **ГЛАГОЛАТИ** (Н1Ла): “и рече къ словѣ. аще ты речи такоже постоиши у мене в Почаине якоже азъ в Юдѹ то тогда ти дамь. и отпусти слы съ рекъши” [ЛЛ, с. 63].
Нами зафиксирован также случай обратной мены: **ГЛАГОЛАТИ** (ЛЛ, ИЛ, РЛ, АЛ, С1Л, Н1Л, Н1Ла) – **РѢЩИ** (Н1Лк): “и присла к ней црь Гречьскии гля. яко много дарихъ ты. ты во гаше (Н1Лк: *еси рекла*) ко мне. яко аще возвращюся в Русь. много дары прислю ти челядь. воскъ. и сѣкрѹ.” [ЛЛ, с. 63].

В эту же группу включаем замену областной лексемы лексемой, соответствующей стандартному регистру книжно-письменного языка: **ПЕРЕКЛЮКАТИ** (ЛЛ, ИЛ, РЛ, АЛ, С1Л) – **УПРЕМУДРИТИ** (Н1Л): “и рече црь переклюкала мя еси Ольга” [ЛЛ, с. 61].

2. Лексические замены, в которых обновляется устаревшая лексика. **ИМѢТИ СЪХРАНИТИ** (ЛЛ, РЛ, АЛ, С1Л, Н1Л) – **СЪХРАНИТИ** (ИЛ): “

ре^ч птрархъ чадо верное во Крта кр^тилася еси и во Кр^та облечеся. **Х^съ имать схранити тя**” [ЛЛ, с. 62]; терминообозначения **ОУСТАВЪ** (ЛЛ, ИЛ, РЛ, АЛ, Н1Л) – **ЧИНЪ** (С1Л): “и ре^ч еи блг^{на} ты в жена^х Рүски^х... и заоведа еи о црквнмъ уставе” [14, с. 61] и **БОЛЯРЕ** (Н1Ла) – **ВЕЛЬМОЖИ** (Н1Лк) – “пропуск” (ЛЛ, ИЛ, РЛ, АЛ, С1Л): “рече цесарь предстоящимъ т^у велможамъ своимъ: упремудри мя Олга словесы своими” [Н1Л, с. 114]; **ПРИЯТИ (СМЪРТЬ)** (ЛЛ, С1Л, Н1Лк) – **ОУМРЪТИ (СМЪРТЬЮ)** (ИЛ, РЛ, АЛ) – “пропуск” (Н1Ла): “якоже ре^ч. аще кто оца ли мтр^е не послушаетъ. но смрть приметь. се же к тому гневаш^еся на мтр^ь” [ЛЛ, с. 63-64]; **ПРИИМАТИ** (ЛЛ), **ВНИМАТИ** (ИЛ, РЛ, АЛ, С1Л) – **ВЛАГАТИ** (Н1Л) “и учашеть и мти кр^ти^тся. и не бежаше того ни во уши примати” [ЛЛ, с. 63]; **НЕ БРЕЖАТИ** (ИЛ, РЛ, АЛ, Н1Л, С1Л) – **НЕ БЪЖАТИ** (ЛЛ): “и учашеть и мти кр^ти^тся. и не бежаше того ни во уши примати” [ЛЛ, с. 63].

3. Лексические замены, в которых “уникальная” для ПВЛ лексема заменяется ее частотным аналогом: **ВЪДЪТИ**⁴⁴ (ЛЛ, РЛ, АЛ, С1Лк) – **ВИДЪТИ**¹¹³ (Н1Л, С1Лo): “невернымъ бо вера х^реянська уродство есть. не слышиша бо ни раз^умеша во т^ьме ходящии. и не вдять славы Г^ня” [ЛЛ, с. 63]; **ВНИМАТИ**⁶ (ЛЛ, РЛ, АЛ, Н1Л, С1Л) – **РАЗОУМЪТИ**¹⁶ (ИЛ): “ре^ч бо Соломанъ делатели неч^тивыхъ делатель от раз^ума понеже звахъ вы и не послушасте м^ене. построхъ словеса и не внимасте. но отметасте моя светы” [14, с. 63]; **ХОТЪТИ**¹⁶⁶ (**БЛАГОСЛОВИТИ**) (ЛЛ) – **ИМЪТИ**²¹ (**БЛАГОСЛОВИТИ**) (ИЛ, РЛ, АЛ, С1Л, Н1Л): “и ре^ч еи блг^{на} ты в жена^х Рүски^х. яко возлюби светъ. а т^ьм^у Остави. блг^вти ты хотять сн^ве Рүстии. и в последнии родъ внукъ твои^х” [ЛЛ, с. 61].

4. Лексические замены, восполняющие смысловые лакуны, возникшие при объединении различных источников и в ходе вторичного редактирования: **ОНЪ** (ЛЛ, ИЛ, РЛ, АЛ, С1Л, Н1Лк) – **ЦАРЬ** (Н1Ла): “**В** лѣтѣ 5.ѳ.г Иде Ольга въ Греки. и приде Црюгороду ве тогда црь имянемъ **Цемьскии**. и приде к **нему** Ольга.” [ЛЛ, с. 60]; **ОНА** (ЛЛ, ИЛ, РЛ, АЛ, С1Л, Н1Ла) – **ОЛЬГА** (Н1Лк): “и отпусти ю нарекъ ю дъщерью себе. **Она** же хотящи домови. приде къ “атреарху” [ЛЛ, с. 61]; **ОНЪ** (ЛЛ, ИЛ, РЛ, АЛ, Н1Л) – **ДИАВОЛЪ** (С1Л): “и ре” птрархъ ... Хсѣ имать схранити тя. якоже схрани Еноха в первыя роды ... тако и тя избавить. от неприязни. и от сетии его” [ЛЛ, с. 61-62]; **ЕСТЬ(БОУТЬ)** (ЛЛ, ИЛ, С1Л) – **ОНЪ** (РЛ, АЛ) – “пропуск” (Н1Л): “**Соломанъ** бо ре” кака и злыя приемлетъ себе досаженье обличая. нчѣтв поречеть тебе обличенья бо нечѣтвмъ мзолье **суть**” [ЛЛ, с. 64]; **ТОБЕ** (ЛЛ) – **СЕБЕ** (ИЛ, РЛ, АЛ, С1Л, Н1Лк) – “пропуск” (Н1Ла): “**Соломанъ** бо ре” кака и злыя приемлетъ себе досаженье обличая. нчѣтв поречеть **тобе** обличенья бо нечѣтвмъ мзолье **суть**” [ЛЛ, с. 64]; **ТВОИ** (ЛЛ, РЛ, АЛ, С1Л, Н1Л) – **СВОИ** (ИЛ): “ре” во **Соломанъ** желанье. блгврнхъ наслаженъи дшю. и приложиши въ срце твое в разумъ” [ЛЛ, с. 62]; **ДОМОВИ** (ЛЛ, ИЛ, РЛ, Н1Л) – **В ДОМ СВОИ** (АЛ) – **ВЪ СВОЯ СИ** (С1Л) – **КЪ СТРАНѢ СВОЕИ** (Н1ЛК) – **КО ГРАДУ СВОЕМУ** (Н1ЛА): “**Она** же хотящи **домови**. приде къ “атреарху блгѣвнъ” просящи на домъ” [ЛЛ, с. 61].

5. Лексические замены, вызванные меной «точки зрения» в повествовании, что привело к замене местоимений, указывающих на отдаленный объект, местоимениями, указывающими на близлежащий объект (данные ЛЗ обнаруживают ориентацию летописцев на комплекс текстов стандартного регистра, что противоречит общему направлению исторической адаптации ПВЛ): **ТОТЪ** (ЛЛ, ИЛ, РЛ, АЛ, С1Л, Н1Ла) – **СѢИ** (Н1Лк): “**Она** же ре” како хочеши мя пояти крѣть мя самъ. и нарекъмъ тѣщерью. а въ хѣянехъ **того** не” закона ” [ЛЛ, с. 61]; **ТОТЪ** (ЛЛ, ИЛ,

РЛ, Н1Л, С1Л) – **СБИ** (АЛ): “и не бежаше того ни во уши примати. но аще кто хотяше крѣтитися не браняху но ругахуся тому невернымъ во вера хрѣяньска уродьство есть” [ЛЛ, с. 63].

Итак, в целом замены лексикона отражают универсализацию лексики в рамках развивающегося жанра средневековой анналистики, а значит, гибридного регистра книжно-письменного языка. Для списков ПВЛ в “Крещении...” характерны установки: на обновление устаревшей лексики, компенсацию семантических лакун, снятие маркированных элементов, замену индивидуальных чтений на распространенные в ПВЛ. Включение в “Крещение...” маркеров текстов стандартного регистра затрагивает только списки Н1Л и свидетельствует о редакторской правке текста Н1Л

Рассмотрим ЛЗ тезауруса.

Лексическая замена **ИТИ** (ЛЛ, ИЛ, РЛ, АЛ, С1Л)/**ОТЪИТИ** (Н1Ла) – **ОТЪПҀСҀТИТИ** (Н1Лк): “и бл҃ви ю патрѣархъ. и иде (*Ольга*) с миромъ въ свою зем^{ао}. и приде Киеву ” [ЛЛ, с. 62] возникла под влиянием аналогичного чтения с субъектом действия – патриарх (“и бл҃г҃в” ю птрархъ и отпҀсти ю. и по крщньи возва ю црь ” [ЛЛ, с. 61]). Причиной правки, произведенной писцом Н1Лк, послужила разорвавшая связанное повествование цитата из Притчей. В ЛЗ **ВЛЬГА** (ЛЛ, РЛ, АЛ, С1Л, Н1Л) – **ВЛЕНА** (ИЛ): “си бо от възраста бл҃жная Вльга искаше мдр҃ью. все въ свете семь. налезе бисеръ многоценьныхъ. еже есть Хс҃ъ” [ЛЛ, с. 62] под влиянием тематического чтения “бе же рѣно имя еи во крщньи Влена якоже и древняя црця мти Великаго Костянтина” [ЛЛ, с. 61] происходит замена мирского имени русской княгини именем, данным ей при крещении.

Ряд ЛЗ тезауруса демонстрирует отступление писцов от традиции христианских текстов под влиянием содержания конкретной летописной статьи: **СОВѢТЬ** (ЛЛ, ИЛ, РЛ, АЛ, С1Л, Н1Ла) – **СЛОВО** (Н1Лк): “рѣ во Боломанъ делатели неч҃тивыхъ делатель от разума понеже звахъ вы и

НЕ ПОСЛУШАСТЕ М^ѐНЕ. ПРОСТРОХЪ СЛОВЕСА И НЕ ВНИМАСТЕ. НО ОТМЕТАСТЕ МОЯ СВЕТА. МОИХЪ ЖЕ ОБЛИЧЕНИИ НЕ ВНИМАСТЕ. ВЪЗНЕНАВИДЕША БО ПРМДРО^ѣТЬ. А СТРАХА Г^ѐНЯ НЕ ИЗВОЛИША. НИ ХОТЯХУ МОИХЪ ВНИМАТИ СВ^ѣТЬ. ПОДРАЖАХУ ЖЕ МОИ ОБЛИЧЕНЬЯ ” [ЛЛ, с. 63]; **ЗЛОБИВИИ** (ЛЛ, ИЛ, РЛ, АЛ) – **НЕЗЛОБИВИИ** (Н1Л, С1Л): “прмдро^ѣтъ на исходищихъ поется. на путехъ же деръзновенье водить. на краихъ же забральныхъ пр^оповедаеть. во вра^ѣхъ же градныхъ. дерзаючи гать. елико бо летъ **зловиви** держатся п^о правду” [ЛЛ, с. 62]; **КАЖА[И]** (ИЛ, РЛ, АЛ, С1Л, Н1Л) – **КАКА** (ЛЛ): “Соломанъ бо ре^ѣ **кака** и злыя приемлетъ себе досаженье обличая. нч^ѣтъ поречеть тобе” [ЛЛ, с. 64]; **Ж^ѣВНА** (РЛ, АЛ, Н1Л, С1Л) – **РУССКИИ** (ЛЛ) – **КНЯЗЬ** (ИЛ): “ и ре^ѣ еи блг^ѣна ты в **жена^х** Руски^х яко возлюби светъ. а тьму остави. блг^ѣвти тя хотятъ сн^ѣ Рустини. и в последнии родъ внукъ твои^х” [ЛЛ, с. 61]; или же порчу библейской цитаты: **ДЕЛАТЕЛЬ** (ЛЛ) – **ДАЛЕЧЕ** (ЛЛ, ИЛ, РЛ, АЛ, С1Л, Н1Л): “ре^ѣ бо Соломанъ делатели неч^ѣтивыхъ делатель от разума понеже звахъ вы и не послушасте м^ѐНЕ. прострохъ словеса и не внимасте” [ЛЛ, с. 63].

Таким образом, материал ЛЗ тезауруса “Крещения...” отражает разрыв связи летописной статьи с комплексом библейских текстов, что выражается в модификации «библейских чтений» под влиянием содержания летописной статьи и искажениях текста; а также выравнивании семантических “дефектов” протографов.

Лексические замены прагматикона в данной летописной статье объясняются неточностями хронологической сетки в данном фрагменте ПВЛ, что побудило писцов к самостоятельным историческим изыскам. В различных списках ПВЛ факт крещения Ольги возводится то ко времени правления Иоана Цимисхия, то Константина VII: **Ц^ѣМЬСКИ (ЧЕ^ѣМЬСКИЙ ИОАНЪ)** (ЛЛ, Н1Л, С1Л) – **КОСТЯНТИНЪ** (ИЛ, РЛ, АЛ): “ В ле^ѣ з.у.г Иде Ольга въ Греки. и приде Црюгороду бе тогда црь

имянемъ Цемьскни. и приде к нему Ольга. ” [ЛЛ, с. 60]; ГРЕЧЬСКИИ (ЛЛ, ИЛ, РЛ, АЛ) ЧЕМЬСКИИ (Н1Л, С1Л): “Си же Ольга приде Киеву и присла к ней црь Гречьскни гля...” [ЛЛ, с. 62]; СЪЛЪ (ПОБОЛЪ) (ЛЛ, ИЛ, РЛ, АЛ, С1Л) – БОЛОМЪРЪ (Н1Л): “отвещавши Ольга. и рече къ словь. аще т^б рци такоже постонши у мене в Починне якоже азъ в Сюдѹ то тогда ти дамы” [ЛЛ, с. 63].

Таким образом, “Крещение...” не содержит ЛЗ, свидетельствующих о правке прагматикона: найденные ЛЗ затрагивают лишь временную атрибуцию летописной статьи.

Итак, в соответствии с избранным путем исследования был осуществлен анализ летописной статьи “Крещение княгини Ольги...”. На первом этапе исследования с помощью метода синтагматической записи нами выявлена тезаурусная стратегия “похода Ольги в Греки”, который в рамках летописной статьи за 955 г. был тематически (распространение христианства на Руси) контаминирован с фрагментом повествования о Святославе, что подтверждается материалом частотных доминант. На уровне тезауруса нами были обнаружены интенции повествования, которые восходят к различным текстологическим пластам и на уровне прагматикона соотносятся с двумя путями утверждения Руси как мировой державы: 1) набеги на Византийскую империю и 2) вход в круг христианских держав.

Тезаурусная стратегия “Крещения...” оказалась востребованной русской исторической мыслью, поэтому летописная статья 955 г. не подверглась существенной переработке или сокращению. Н1Л сохранила следы сверки текста по агиографическому источнику, однако основные списки ПВЛ и С1Л свидетельствуют о развитии языка “Крещения...” в пределах гибридного регистра, в отрыве от традиции христианских церковно-культовых текстов: летописи XIV – XV вв. отражают модернизацию библейских цитат, порчу их текста; обновление лексики “Крещения...”, ее универсализацию, выравнивание в соответствии с требованиями анналистического жанра.

2.8. Осада печенегами Белгорода в 997 (6505) г.

2.8.1. Текстология и состав летописной статьи.

Летописный рассказ, читающийся под 997 (6505) г., посвящен осаде печенегами Белгорода, излюбленного города князя-крестителя. Владимир был вынужден отлучиться из города, где находилась одна из первых епископий, и располагался его княжеский дворец с многочисленными наложницами [Насонов 2002]. Отсутствием князя воспользовался враг, осадивший город. В осажденном городе начался голод, и на вече горожане решают сдаться на милость победителей. Им на помощь приходит некий старец. Старик приказывает выкопать два колодца и приготовить из оставшихся припасов цеж и сыту. Цезь и сыту залили в установленные в колодцах кадки и пригласили на переговоры печенежских послов. Горожане сообщили, что осада города бессмысленна, так как белгородцы имеют “кормлю от земли”. Печенежским послам показали “чудесные” колодцы и накормили из них. Печенеги поверили в чудо и сняли осаду с города.

Летописный рассказ отличают занимательность сюжета и естественность рассказа. “...Живость, естественность рассказа достигается...введением в него диалога персонажей, ...и детальным, скрупулезным описанием каких-либо деталей, что сразу вызывает у читателя конкретный зрительный образ” [Творогов 1979].

Традиционно считается, что летописный рассказ “Осада...” является вставкой, произведенной составителем ПВЛ (так как не читается в Н1Л, а летописи Новгородско-Софийской группы в передаче летописного известия не содержат признаков справки по иному, отличному от ПВЛ источнику) [Творогов 1976, с. 25], и восходит к народному преданию [Срезневский, 1861-б, с. 86].

Включение в летопись народных преданий не является новаторством, привнесенным составителем ПВЛ: “Народным преданием Нестор воспользовался не один раз. В этом отношении он действовал по примеру своих предшественников — печерских летописцев...” [Лихачев 1979]. Тем не

менее, народные сказания, включенные в летопись составителем ПВЛ, обнаруживают текстологическое, идейное и композиционное сходство и отличают его труд от работы предшественников. Так, В.В. Кусков обратил внимание, что в типологически различных фольклорных сказании о Белгородском киселе и сказании о Кожемяке выявляются общие черты: “И сказание о Кожемяке, и сказание о Белгородском киселе - законченные сюжетные повествования, строящиеся на противопоставлении внутренней силы труженика бахвальству страшного только на вид врага, мудрости старца – легковерию печенегов. Кульминацией сюжетов обоих сказаний являются поединки: в первом - единоборство физическое, во втором – единоборство ума и находчивости с легковерием, глупостью. Сюжет сказания о Кожемяке типологически близок сюжетам героических народных былин, а сказания о Белгородском киселе – народным сказкам” [Кусков 1998]. Наблюдения В.В. Кускова подтверждаются исследованием В.В. Долгова “Чудеса и знамения в Древней Руси X – XIII вв.” [Долгов 2001-б]. В.В. Долгов заметил, что в ПВЛ, написанной “впитавшими значительную долю византийской образованности южными монахами”, намного больше уделяется внимания описанию “чудесного” и его истолкованию, чем в НЛ, для которой характерно “флегматичное фиксирование” событий без пояснений [Долгов 2001-б].

Летописная статья ПВЛ не сводима к ее фольклорному источнику: “Обычно странное сочетание наивности и безрассудства в истории о белгородском киселе принято объяснять фольклорностью (подразумевается, вымышленностью) начальной части ПВЛ. Это объяснение, однако, довольно поверхностно, ведь история эта была помещена в летопись, и значит, серьезных сомнений в ее истинности, по крайней мере, у самого летописца не было...” [Долгов 2001-б]; особенности летописного рассказа объясняются мировосприятием средневекового человека, не знавшего строгого противопоставления мира земного и потустороннего.

2.8.2 Моделирование языковой личности.

Так как летописная статья не читается в Н1Л, а С1Л в передаче летописного известия не содержат признаков справки по иному, отличному от ПВЛ источнику, моделирование ЯЛ производим по ЛЛ.

В ходе пословного исследования “Осады...” нами рассмотрено 434 словоформы. Среди частотных лексем, характерных для рассказа об осаде города (**градъ**, **градъскыи** (12); **печенѣги**, **печенѣжскыи** (12) – враги; **гладъ** (5) – враждебная, хаотическая стихия; **людье** (5) – защитники; **князь**, **княжъскыи** (5) – гарант порядка и изобилия, защитник, вершина и символ размеренного мира (**градъ**); (**по**)**ити**, **шедьти** (2+4) – описание действий; **рещи** (7) – используется при оформлении прямой речи, с помощью которой вводятся подробности и пр.) – выделяется лексема (**по**)**велети** (7). Данная лексема характеризует как главного действующего лица повествования не князя и не горожан, но некоего безвестного старца (**старьць** (1)).

Событийная последовательность рассказа и выявленные лексические доминанты свидетельствуют, что в летописной статье 997 (6505) г. использована тезаурусная стратегия “разрушение устроенного, упорядоченного мира (**градъ**: “**Печенѣзи...придоша и сташа школо Бѣлагограда. и не дадоху выльѣсти из города. и бы^с гладъ великъ в городѣ...и оудолжиса штом в городѣ...**” [ЛЛ, с. 127]); торжество злых стихий (**печенѣги**, **гладъ**: “**...оувѣдѣша Печенѣзи яко княза нѣтѣ. [и] придоша ...**” [ЛЛ, с. 127]; восстановление порядка, размеренного мира: “**...въсташа ѿ града въ своя си идоша**” [ЛЛ, с. 129]).

Мироохранительная функция князя, свойственная для выявленной тезаурусной стратегии, в летописном рассказе редуцирована (**Володимиръ** (2)): “**...Володимеру же шедшо Новугороду... и не бѣ лзѣ Володимеру помочи...**” [ЛЛ, с. 127]. Властные решения в осажденном городе принимает иной институт – **вече** (3).

Вече – более архаичный и вторичный во времена Владимира институт власти: “...Вечевая легитимность "заполняет паузу", в то время когда князь по тем или иным причинам теряет свою легитимность и власть разрушается, теряя свою социальную опору. Следовательно, у вечевой легитимности две цели: а) заместить коллективным решением общины утраченную легитимность и б) как можно быстрее сформировать новую постоянную (княжескую) легитимность на основе одной из форм: завоевания-приглашения-согласия” [Соловьев 1999]. Так как судьбоносные решения в голодающем городе принимают “градские старейшины”, возглавляющие языческий культ и ответственные за жертвоприношения [Насонов 1962, с. 25], определяем безымянного старца, который действительно является главным действующим лицом повествования (**повѣлѣти (7)**) как языческого волхва. Вече лишь придает легитимность действиям старца, горожане (**людье**) не совершают самостоятельных поступков, а исполняют повеления старца и обретают самостоятельность лишь при одаривании печенегов (появление активности в действиях горожан оформлено с помощью прямой речи, риторического вопроса к неприятелю: “**Что можете створити на^а. имѣемъ во кормлю ѿ землѣ?**” [ЛЛ, с. 128]); князь Владимир, отлучаясь из города, осуществляет функцию катализатора разворачивающихся событий.

Способ избавления от печенегов, предложенный старцем-волхвом, обнаруживает приметы языческого культа – символического “кормления-задабривания” в экстремальной ситуации (осада, голод). Согласно предпринятому Л.Н. Виноградовой исследованию славянской народной демонологии запрошенные старцем продукты (**кисель (2), медъ (2), овесъ (1), пшеница (1)**) являются традиционной ритуальной пищей, бескровной жертвой у славянских племен, а построенные колодцы (**кладъ (6)**) – местом размещения жертвенной пищи в ритуалах “кормления” [Виноградова 2001]. Таким образом, действия старца представляют собой инсценирование (ритуальное или связанное с ритуалом) земли обетованной (“молочные реки – кисельные берега”). Летописный рассказ сохраняет частотные лексические

маркеры, мотивированные языческим культом плодородия, изобилия: переход между потусторонним миром и земным (**померети** (3), **оумертвити** (1), **живити** (1); **ископати** (3), **погрести** (1)), ритуальное “кормление” (жертвенные продукты, **(с)варити** (3), **наляяти** (4), **створити** (5), **(по)имети** (5), **(в)дати** (3), **ясти** (3)).

С помощью обряда старцем осуществляется замещение реальной жертвы (**предатися** (3) **печенѣгомъ**) символической (**вдати** (3) **сыты**). Обманутые печенеги (=задобренные темные силы?) отступают от города (**въ своя си идоша**), нарушенный порядок восстанавливается.

Итак, в ходе исследования тезауруса “Осады...” нами обнаружено, что составитель ПВЛ при создании летописной статьи использовал восточнославянский фольклорный материал, связанный с языческим культом плодородия, изобилия – символическим “кормлением-задабриванием”. Использование языческого материала мало соответствовало как утверждаемому в ПВЛ образу князя-крестителя Владимира и его излюбленного города Белгорода (**“Въ лѣт .ѡ.ѡ. Володимеръ заложи градъ Бѣлѣгородъ и нарѹчи въ не ѿ инѣхъ городовъ и много люди сведе во нь бѣ во любѣ градъ съ”** [ЛЛ, с. 122]), где была учреждена одна из первых епархий, так и контексту окружающих рассказ летописных статей: крещение Руси Владимиром (987 г.); заложение церкви Святой Богородицы князем Владимиром (989 г.); завершение строительства церкви, восхваление христианской добродетели Владимира (996 г.); смерть блаженного князя Владимира, сказание о Борисе и Глебе (1015 г.). Поэтому использованное предание, описывающее языческий культ, было реорганизовано летописцем. Составитель ПВЛ перестроил повествование по извлеченной из византийского источника тезаурусной стратегии: “разрушение упорядоченного мира, торжество злых сил, восстановление порядка, размеренного мира (князем/цесарем)”, и с помощью вставки: **“Володимеру же шедшу Новѹгороду. по верховниѣ воѣ на Печенѣгы. бѣ во рать велика бес перестани. В се же время оувѣдѣша Печенѣзи яко княза**

нѣтѣ. [и] придоша и сташа школо Бѣлагограда. и не дадоху вылѣсти из города и не бѣ лзѣ Володимерѣ помочи. не бѣ во вои оу него...” [ЛЛ, с. 127], – придал летописному сообщению пафос борьбы христианского князя с инфернальным началом (язычниками печенегами).

Прагматикон летописного рассказа утверждает власть князя Владимира: в ситуации утраты легитимности княжеской власти белгородцы сохранили верность своему князю – христианину, объединившему крещением Русскую землю и ведущему борьбу с языческой степью.

2.8.3. Исследование лексических замен.

При исследовании летописной статьи 997 (6505) г. “Осада...” по ЛЛ, ИЛ, РЛ, АЛ и С1Л нами было выявлено 23 ЛЗ.

ЛЗ лексикона представлены следующими группами:

1. Лексические замены, отражающие обновление устаревшей лексики: **ОУМЕРТВИТИ** (ЛЛ, ИЛ, РЛ, С1Л) – **ОУБИТИ** (РЛ, АЛ): “ да лѣче ли ны померети. вѣдѣи мы сѣ Печенѣгомѣ. да кого живати. кого ли оумертвати. оуже помираем ѿ глада. и тако свѣтъ створиша” [ЛЛ, с. 127]; **СНИСКАТИ** (ЛЛ, ИЛ, С1Л) – **ДОБИТИ** (РЛ, АЛ): “они же шедше ради снискаша. и повелѣ женамѣ створити цѣжь ” [ЛЛ, С. 128]; **ВЗЯТИ** (ЛЛ, ИЛ, С1Л) – **НАИТИ** (РЛ, АЛ): “ они же шедше взаша меду лѣкно. бѣ во погребено в княжи медуши ” [ЛЛ, с. 128]; **ЛАТЪКЪ** (ЛЛ, ИЛ, РЛ, С1Л) – **КОТѢЛЪ** (АЛ): “...и почерпоша вѣдромѣ и льяша в латки. яко свариша кисель. и поимше придоша с ними к другому кладязю” [ЛЛ, с. 129]; **ОУЗРѢТИ** (ЛЛ, РЛ, АЛ, С1Л) – **ВИДИТИ** (ИЛ): “ Что можете створити на^м имѣемѣ во кормлю ѿ землѣ. аще ли не вѣруѣте. да оузрите своимѣ очима. и приведоша я къ кладязю идѣже цѣжь...” [ЛЛ, с. 128 – 129].

2. Лексические замены, с помощью которых образуются параллельные конструкции. Так, в упомянутой выше ЛЗ **ВЗЯТИ** (ЛЛ, ИЛ, С1Л) – **НАИТИ** (РЛ, АЛ) с помощью создания в РЛ-АЛ тавтологического повтора корневого

морфа “-шед-” образуется на месте чтения “шедше и взяша” параллельная конструкция “шедше и нашедъ”, акцентирующая внимание на связке “процесс – результат”.

В ЛЗ **МОУЖЬ** (ЛЛ, ИЛ, С1Л) – **ВЫ** (РЛ, АЛ): “...и горожане же рѣша шедше к Печенѣго^м поимѣте к собѣ таль нашъ. а вы поидѣте до .і. **моужь**” [ЛЛ, с. 128] при описании предложения белгородцев посетить город и обменяться заложниками в РЛ-АЛ создается параллельная конструкция, подчеркивающая равноценность обмена. Основа оппозиции – личные местоимения **мы** и **вы**: [**мы**] (говорящий) – **таль** (предмет обмена) – **нашъ** (принадлежность предмета обмена) || **вы** (слушающий) – **десять** (предмет обмена) – **вы** (принадлежность предмета обмена).

Создание параллельных конструкций свидетельствует о восприятии летописной статьи как образца, клишировании ее содержания.

3. В ЛЗ **ВѢРОВАТИ**²³ (ЛЛ, ИЛ, РЛ, АЛ) – **ИМАТИ**^{21+ 118 (имѣти)} **ВѢРҪҪҪҪ**⁴⁸ (С1Л): “Что можете створити на^м имѣемъ во кормлю ѿ землѣ. аще ли не **вѣрҪҪҪҪҪ**. да оґзрите своима вчима” [ЛЛ, с. 128] в С1Л происходит разделение модусного (имати) и диктумного (**вѣра**) смысла лексемы **вѣровати**, низкочастотной в ПВЛ.

4. Замена местоимения, указывающего на близлежащий предмет, местоимением, указывающим на удаленный предмет: **СЕ** (ЛЛ, РЛ, АЛ, С1Л) – **ТО** (ИЛ): “Володимерґ же шедшю Новґгородґ. по верховниѣ воѣ на Печенѣгы. вѣ бо рать велика бес перестани. **В се** же время оґвѣдѣша Печенѣзи яко княза нѣтґ...” [ЛЛ, с. 127].

5. ЛЗ, обусловленные применением летописцем устойчивых трафаретных конструкций (книжно-письменных клише). Под воздействием традиционных формул воинского повествования [Зотов 2003] возникли ЛЗ: **БЕС ПЕРЕСТҪҪҪҪҪ** (ЛЛ, ИЛ, РЛ, АЛ) – **ЗѢЛО** (С1Л): “Володимерґ же шедшю Новґгородґ. по верховниѣ воѣ на Печенѣгы. вѣ бо рать велика **бес**

перестани...” [ЛЛ, с. 127] и **НЕ БѢ ЛЗѢ** (ЛЛ, ИЛ, РЛ, АЛ, С1Лк) – **ЗЛѢ** (С1Лю): “...придоша и сташа школо Бѣлагограда. и не дадоху выльѣсти из города. и бы^с гладъ великъ в городѣ и не бѣ лзѣ Володимеру помочи. не бѣ во вон оу него. Печенѣгъ же множество много...” [ЛЛ, с. 127].

Материал ЛЗ тезауруса “Осады...” свидетельствует об утверждении в последующем летописании тезаурисной стратегии, избранной составителем ПВЛ для реорганизации языческого предания в рамках ПВЛ. Поздние переписчики редуцируют элементы, восходящие к языческому преданию, и, тем самым, продолжают осуществленную составителем ПВЛ адаптацию использованного фольклорного материала к летописной статье, в которой описывается эпизод борьбы с язычниками печенегами и утверждается незыблемость власти христианского князя Владимира.

Так, ряд ЛЗ свидетельствует о переходе полномочий главного героя повествования от старца-волхва к самим горожанам: **БЫТИ** (ЛЛ, РЛ, АЛ, С1Л) – **СТВОРИТИ** (ИЛ): “...бѣ же единъ старецъ не былъ на вѣчи томь. и впраша что ради вече было. и людье повѣдаша емѹ...” [ЛЛ, с. 127]; **ПОВѢЛѢТИ ПОСЛАТИ** (ЛЛ, РЛ) – **ПОСЛАТИ: ПОСЛА** (ИЛ) / **ПОСЛАША** (С1Л): “Уни же шедше взаша меду лѹкно. бѣ во погребено в княжи медуши. и повелѣ росытити велми. и вѣльяти в кадь в друзѣмь колодази. оутро же (*старец*) повелѣ послати по Печенѣгъ^м и горожане же рѣша к Печенѣго^м...” [ЛЛ, с. 128]; **ИТИ** (ЛЛ, ИЛ, С1Л) – **ПОСЛАТИ** (РЛ, АЛ): “...и горожане же рѣша шедше к Печенѣго^м поимѣте к собѣ таль нашъ. а вы поидѣте до .i. моужь” [ЛЛ, с. 128]; **ПРИИТИ** (ЛЛ) – **ПРИВѢСТИ** (ИЛ, РЛ, АЛ, С1Л): “...и приведоша я къ кладязю идѣже цѣжь. и почерпоша вѣдромь и льяша в латки. яко свариша кисель. и поимше придоша с ними к другому кладязю и почерпоша сыты...” [ЛЛ, с.128 – 129].¹

¹ Согласно текстологическим реконструкциям А.А. Шахматова, Д.С. Лихачева и Д. Островского первичным является чтение ЛЛ **принти** [Ostrowski 2003, p. 1010 №129.3].

К этой же группе относим ЛЗ **ЛЮДЬЄ** (ЛЛ, ИЛ, С1Л) – **ѠНИ** (РЛ, АЛ): “...людьє же нальяша корчагү цѣжа. и сыты Ѡ колодаѡа [и] вдаша Печенѣго” [ЛЛ, с. 129]. Замена существительного на местоимение свидетельствует о том, что лексема **людьє** воспринималась в РЛ-АЛ как тематическая, что и сняло необходимость в экспликации лексемы. ЛЗ **ЖЕНАМЪ** (ЛЛ, РЛ, АЛ, С1Л) – **ЖЄ ИМЪ** (ИЛ): “...ре” имъ сверѣте аче и по горсти ѡвса. или пшеницѣ. ли ѡтрүбѣ. ѡни же шедше ради снискаша. и повелѣ женамъ створити цѣжъ. в немъже варатъ кисель. и повелѣ ископати колодаѡъ...” [ЛЛ, с. 128] демонстрирует ошибку переписчика ИЛ: под воздействием тенденции акцентирования внимания на действиях горожан летописец воспринял словоформу **жѣнамъ** как сочетание частицы **жє** и местоимения **намъ**, отсылающего к лексеме **людие**, и заменил местоимение соответствующим данному контексту местоимением **онъ**.

Другая группа ЛЗ тезауруса показывает, что в летописных сводах оказался востребованным мотив изобилия. Так, ЛЗ **ПОДИВИТИСЯ** (ЛЛ, ИЛ, РЛ, АЛ, С1Л_о) – **ПОЛИВИТИСЯ** (С1Л_к): “ѡниже пришедше повѣдаша вса бывшая и варивше яша кнѡзи Печенѣзьстии. и подивишасѡ и поимше тали своя...” [ЛЛ, с. 129]; **НАЛЬЯТИ** (ЛЛ, ИЛ, РЛ, С1Л) – **НАПЪЯТИ** (АЛ): “...людьє же нальяша корчагү цѣжа. и сыты Ѡ колодаѡа [и] вдаша Печенѣго” [ЛЛ, с. 129], произошедшие вследствие описки, мотивируются лексемами “изобилия” **лити** и **напоити**. В ЛЗ **КАДЪ** (ЛЛ, ИЛ, РЛ, АЛ) – **КОЛОДАѡЪ** (С1Л): “ѡни же шедше вѡша медү лүкно. бѣ во погребено в кнѡжи медүши. и повелѣ росытити велми. и вѣльяти в кадѣ...” [ЛЛ, с. 128] акцентирует внимание на чудесном колодце изобилия, а чтение **дрюгын** в ЛЗ **ТАМО** (ЛЛ, ИЛ) – **ДРОУГЫИ** (РЛ, АЛ) – “пропуск” (С1Л): “...и повелѣ ископати колодаѡъ. и встави[ти] тамо кадѣ. и нальяти цѣжа кадѣ. и повелѣ дрүгын колодаѡъ ископати. и вставити тамо кадѣ. и повелѣ искати медү...” [ЛЛ, с. 128] увеличивает (с помощью повтора

лексемы **дрогыи**) объемы приготавливаемой белгородцами “чудесной” жидкости.

Появление части ЛЗ обусловлено адаптацией повествования под воздействием изменившихся культурно-исторических реалий. Так, в ЛЗ **ГОРОДЪ** (ЛЛ, ИЛ) – **РОДЪ** (С1Л) – “пропуск” (РЛ, АЛ): “...пояша оу ни^х тали. а сами избраша лучшиѣ мужи в городѣхъ. и послаша в градъ. да розгладають в городѣ что са дѣеть...” [ЛЛ, с. 128]¹ летописец, как представитель городской культуры, заменил лексему **родъ** сходной по написанию лексемой **городъ**, которая более соответствовала его представлениям о процедуре назначения послов. Институт городских старейшин, архаичный в Поднестровье уже во время создания ПВЛ, был неизвестен летописцу, что вызвало ЛЗ **ГРАДЪСКИЙ** (ЛЛ, ИЛ, РЛ, АЛ) – **ЛЮДСКИЙ** (С1Л): “людье повѣдаша емѹ. яко оутро хотѣт са людье передати Печенѣго^а се слышавъ посла по старѣишины градьскыѣ. и ре^ч имъ...” [ЛЛ, с. 127 – 128]. Замена лексемы **градьскыи** лексемой **людьскыи** обусловлено переходом полномочий главного героя к горожанам.

На уровне прагматикона нами отмечена ЛЗ **ГЛАДЪ** (ЛЛ, РЛ, АЛ, С1Л) – **ГРАДЪ** (ИЛ): “...и не дадоху выѣсти из города. и бы^с гладъ великъ в городѣ. и не бѣ лзѣ Володимерѹ помочи. не бѣ во вои оу него. Печенѣгъ же множество много. и оудолжисѣ встоя в городѣ. и бѣ гладъ великъ...” [ЛЛ, с. 127]. В летописной статье ПВЛ голодом в осажденном городе обосновывается временная утрата легитимности власти князя Владимира. Редактор ИЛ изымает такое объяснение и акцентирует внимание на значении города (**градъ великъ**) и его сдачи для Руси и престижа власти Владимира.

Итак, в ходе исследования летописной статьи об осаде Белгорода печенегами по методике исследования ИЯЛ мы выяснили, что прагматически

¹ Согласно базирующейся на стемматическом соотношении основных списков ПВЛ реконструкции Д. Островского первичным является чтение **въ городѣхъ**, А.А. Шахматов и Д.С. Лихачев реконструируют чтение по содержанию (выбор именитых представителей у печенегов) – **въ родѣхъ** [Ostrowski, 2003, с. 1008 №128.22].

рассказ ПВЛ направлен на утверждение власти Владимира как христианского князя, обороняющего Русскую землю от посягательств иноземцев-язычников: в ситуации утраты легитимности княжеской властью белгородцы сохраняют верность князю. Для создания летописного сообщения составитель ПВЛ использовал фольклорный материал – предание, связанное с культом изобилия (символическим “кормлением-задабриванием”). Так как перед летописцем стояли иные задачи, отличные от решаемых в языческом предании, повествование было организовано им по тезаурусной стратегии “разрушение упорядоченного мира, торжество темных сил, восстановление порядка (князем/цесарем)” и включено в контекст христианизации и собирания Русской земли вставкой о борьбе Владимира с печенегами. Так тезаурус летописного сообщения был сориентирован на изложение противостояния христианского князя и inferнального начала (печенегов).

При сопоставлении избранных летописей нами были обнаружены ЛЗ на всех трех уровнях организации ЯЛ. ЛЗ лексикона отражают обновление устаревшей лексики; мену местоимения, указывающего на близлежащий предмет, на местоимение, указывающее на удаленный предмет; образование параллельных конструкций и использование в поздних летописных сводах устойчивых трафаретных конструкций. Материал ЛЗ тезауруса свидетельствует, что развитие летописного рассказа происходило в русле избранной составителем ПВЛ тезаурусной стратегии. Так, на уровне тезауруса происходит адаптация повествования под воздействием изменившихся культурно-исторических реалий; ряд ЛЗ свидетельствует о том, что в качестве главного героя повествования стали восприниматься белгородцы: последователи составителя ПВЛ продолжили редукцию элементов языческого предания. С другой стороны, в летописных сводах оказалась востребованной тема изобилия.... Прагматикон летописной статьи не претерпел существенных трансформаций. Однако обращает на себя внимание ЛЗ *гладъ – градъ*, в которой запечатлено смещение акцента с

противостояния Владимира и печенегов на летописную фиксацию Белгорода. Очевидно, со временем летописное известие стало восприниматься как топонимическое предание о Белгороде, что и вызвало данную ЛЗ. Смещение прагматической установки подтверждается ЛЗ тезауруса, в которых усиливается значение горожан как главного действующего лица повествования.

Выводы

1. При сопоставлении книжно-письменной традиции, восходящей к ПВЛ, и традиции источников летописных известий подтвердилась гипотеза А.А. Шахматова, согласно которой составителем ПВЛ в основание летописного свода был положен Начальный свод, текст которого дополнился извлечениями из многочисленных источников. Прагматикон и тезаурус исследованных летописных сообщений свидетельствуют, что использованный материал под пером составителя ПВЛ подвергся идейной переработке, а повествование было реорганизовано в соответствии с преследуемыми летописцем задачами.

ПВЛ отличает прагматическая направленность на утверждение власти киевских князей, прекращение усобицы и собирание Русской земли руками киевского князя.

Направленность на утверждение власти киевского князя соответствовала прагматической интенции Начального свода на обоснование легитимности власти Рюриковичей, поэтому концепция иноземного происхождения правящей династии оказалась востребованной составителем ПВЛ и была более детально разработана в целях обоснования исключительности, избранности правящей в Киеве династии как единственно законной на Руси.

В соответствии с прагматической интенцией на собирание земель вокруг Киева составитель ПВЛ акцентирует внимание на географическом расширении влияния власти киевского князя. В ПВЛ использована центробежная модель распространения власти (от Киева), тогда как в Начальном своде (“Захват Киева...” по НІЛ) запечатлена векторная модель (по Днепру). Прагматический акцент на собирании Русской земли отразился в произведенных составителем ПВЛ вставках племен и территорий, подвластных киевским князьям, закреплении за киевской державой статуса мировой: с помощью юридических документов, договоров с Византийской

империей (Договоры 912 и 945 гг.), входом в ареал христианских держав (“Крещение Ольги...”).

Процессы собирания земель и крещения Русской земли обнаруживают взаимосвязь, что проявляется в двух путях становления Руси как мировой державы: с принятием христианства Русь входит в Причерноморский культурный ареал, а в набегах на империю киевские князья завоевывают право быть независимыми и от власти василевса, и патриарха.

Использованные составителем ПВЛ источники были построены по разнородным тезаурусным стратегиям, их тезаурус отвечал прагматическим установкам оригиналов. Тезаурус разнородных источников был перестроен составителем ПВЛ по однотипной тезаурусной стратегии. Для реорганизации материала источников составителем ПВЛ была использована тезаурусная стратегия “разрушение былого миропорядка – хаос – построение нового, удобного русскому (= великому киевскому) князю”.

2. При исследовании ЛЗ по избранным летописным рассказам нами было выявлено 154 ЛЗ. Большинство ЛЗ затрагивает уровни лексикона (91) и тезауруса (54). ЛЗ прагматикона (9) противопоставляют летописные своды, передающие текст ПВЛ (**ВЛЕГЪ** (ЛЛ, ИЛ, РЛ, АЛ, С1Л) – **ИГОРЬ** (Н1Л), **ВЛЕГЪ** (ЛЛ, ИЛ, РЛ, АЛ, С1Л) – **ИГОРЬ** (Н1Л)№2), и летописные своды, использовавшие Начальный свод – Н1Л и С1Л (**СЪЛЪ (ПОСОЛЪ)** (ЛЛ, ИЛ, РЛ, АЛ, С1Л) – **СОЛОМЪРЪ** (Н1Л), **ДАТИ** (ЛЛ, ИЛ, РЛ, АЛ) – **НЕ ДАТИ** (С1Л, Н1Л), **ПРИВЪСТИ** (ЛЛ, ИЛ, РЛ, АЛ) – **ПРИИТИ** (С1Л), **ВЛЕГЪ** (РЛ, АЛ, ИЛ, Н1Лк) – **ЛЕШНЪ** (С1Л) – “пропуск” (ЛЛ, Н1Ла), **ПРИИТИ** (ЛЛ, ИЛ, РЛ, АЛ, С1Лo) – **ПРИЯТИ** (С1Лк)). Исключением является противопоставляющая вторую и третью редакции ПВЛ ЛЗ **ЦЪМЪСКИ (ЧЕМЪСКИЙ ЮАНЪ)** (ЛЛ, Н1Л, С1Л) – **КОСТЯНТИНЪ** (ИЛ, РЛ, АЛ). ЛЗ **ГЛАДЪ** (ЛЛ, РЛ, АЛ, С1Л) – **ГРАДЪ** (ИЛ) произведена составителем ИЛ и свидетельствует о восприятии в позднем летописном своде статьи “Осада Белгорода...” как топонимического предания о Белгороде, что обусловлено

изменившимся культурно-историческим контекстом: для составителя ИЛ Белгород был географически близок, а времена князя Владимира исторически далеки.

Количественное соотношение ЛЗ лексикона, тезауруса и прагматикона, а также характер ЛЗ свидетельствуют о том, что в летописных сводах XIV - XV вв. созданная составителем ПВЛ организация летописного повествования (тезаурус, прагматикон) не претерпела существенных трансформаций. Поэтому можно сделать вывод, что составителем ПВЛ была в рамках гибридного регистра книжно-письменного языка сформирована устойчивая книжно-письменная традиция русской средневековой анналистики. Принадлежность ПВЛ как ядра русской анналистической традиции к гибриднему регистру книжно-письменного языка предопределила возможность варьирования текста летописных статей на уровнях лексикона (лексическая адаптация), тезауруса (трансформации содержания) и прагматикона (коррективы историко-политического характера).

Полученное в ходе исследования ЛЗ соотношение летописей дает возможность охарактеризовать избранные нами летописи XIV - XV вв. как варианты развития анналистической письменной традиции.

Распределение ЛЗ по летописям XIV – XV вв. и их протографам представлено нами в сводных таблицах, объединяющих ЛЗ по трем уровням варьирования книжно-письменной традиции: лексикон (таблица №1), тезаурус (таблица №2), прагматикон (таблица №3).

ЛЗ, обнаруживающие общие черты, типизируются в диссертации.

Типизированные ЛЗ в таблицах снабжены индексом:

_1 – замена местоимений, указывающих на близлежащий предмет, местоимениями, указывающими на удаленный предмет (тезаурус: изменение точки зрения на описываемые события);

_1.1 – замена местоимений, указывающих на удаленный предмет, местоимениями, указывающими на близлежащий предмет (лексикон:

особенность, характеризующая ориентацию летописца на комплекс чтений стандартного регистра книжно-письменного языка);

_2 – обновление устаревшей и областной лексики (лексикон);

_3 – замена лексемы частотным в ПВЛ аналогом (лексикон);

_4 – терминологическая адаптация, смена и варьирование терминологии (лексикон);

_5 – разрушение традиционных формул (тезаурус);

_6 – замена лексем контекстуально или тематически мотивированными лексемами (лексикон);

_6.1 – восполнение смысловых лакун (лексикон);

_7 – культурно-историческая адаптация тезауруса;

_8 – замена на лексемы, характеризующие описываемые события как универсальные (тезаурус);

_9 – трансформация лексических маркеров синтаксических конструкций (лексикон);

_9.1 – формирование параллельных конструкций (лексикон);

_9.2 – использование клише, мотивированное тематикой повествования (лексикон);

_10 – замена лексемой, маркирующей текст как религиозно-обрядовый (тезаурус).

Для удобства поиска и сопоставления ЛЗ каждая ЛЗ маркирована названием летописной статьи:

ПВ – “Призвание варяжских князей в 862 (6370) г.”;

ПАД – “Поход Аскольда и Дира на Греки в 866 (6374) г.”;

ЗК – “Захват Киева князем Олегом в 882 (6390) г.”;

ПО – “Поход князя Олега на Царьград в 907 (6415) г.”;

ПИ – “Поход князя Игоря на Византию в 944 (6449) г.”;

ДИ – “Мирный договор князя Игоря 945 (6453) г.”;

КО – “Крещение княгини Ольги в 955 (6463) г.”;

ОБ – “Осада печенегами Белгорода в 997 (6505) г.”

Параллельные чтения, отсутствующие в том или ином списке, оформляются как “пропуск”, исключение составляет ОБ, вставленная составителем ПВЛ, а потому неизвестная Начальному своду и сохранившей его чтения Н1Л.

В таблицах ЛЗ группированы как вторичные чтения указанных летописей или протографов. Летописи обозначаются в соответствии с принятыми в диссертации сокращениями, протографы названы по сохранившим их чтения летописям.

Таблица №1

Летописи		Лексические замены лексикона	
Р а с п р е д е л е н и е	АЛ	ОБ	ЛАТЪКЪ (ЛЛ, ИЛ, РЛ, С1Л) – КОТЪЛЪ (АЛ) _2
	АЛ	КО	ТОТЪ (ЛЛ, ИЛ, РЛ, Н1Л, С1Л) – СЪИ (АЛ) _1.1
	ИЛ	ОБ	ОУЗРЪТИ (ЛЛ, РЛ, АЛ, С1Л) – ВИДИТИ (ИЛ) _2
	ИЛ	КО	ВНИМАТИ ⁶ (ЛЛ, РЛ, АЛ, Н1Л, С1Л) – РАЗОУМЪТИ ¹⁶ (ИЛ) _3
	ИЛ	ЗК	ДЪТЪСКЫИ ¹ (ЛЛ, РЛ, АЛ) – МОЛОДЫИ ^{1(молодь)+4(младъ)} (ИЛ) – “пропуск” (Н1Л, С1Л) _3
	ИЛ	КО	ИМЪТИ СЪХРАНИТИ (ЛЛ, РЛ, АЛ, С1Л, Н1Л) – СЪХРАНИТИ (ИЛ) _2
	ИЛ	ДИ	НАПИСАТИ (ЛЛ, РЛ, АЛ, С1Л) – ПОЛОЖИТИ (ИЛ) _4
	ИЛ	ПВ	НАСЪЛЬНИКЪ (ЛЛ, АЛ, РЛ, С1Л) – НАСЛЕДНИКЪ (ИЛ) – “пропуск” (Н1Л) _2
	ИЛ	ПО	СЛЮБНОЕ / СЛЪБЕННОЕ (РЛ, АЛ / С1Л) – ХЛЪБНОЕ (ИЛ) – “пропуск” (ЛЛ, Н1Л) _4
	ЛЗ	ИЛ	ДИ
по л е т о п и с я м	ИЛ	КО	ТВОИ (ЛЛ, РЛ, АЛ, С1Л, Н1Л) – СВОИ (ИЛ) _6.1
	ИЛ РЛ АЛ	ДИ	ВРОУЖЪЕ (ЛЛ, С1Л) – СЪСЪДЪ (ИЛ, РЛ, АЛ) _4
	ИЛ РЛ АЛ	ДИ	АЩЕ (ЛЛ) – ВБАЧЕ (ИЛ, РЛ, АЛ) – “пропуск” (С1Л) _2
	ИЛ РЛ АЛ	ДИ	БОРИЧЪ (ЛЛ, С1Л) – БИРИЧЪ (ИЛ, РЛ, АЛ) _6
	ИЛ РЛ АЛ	ДИ	ГЛАГОЛАТИ (ЛЛ, С1Л) – МОЛВИТИ (ИЛ, РЛ, АЛ) _2
	ИЛ РЛ АЛ	ДИ	КРЕЩЕНИЕ (ЛЛ, С1Л) – СВЯЩЕНИЕ (ИЛ, РЛ, АЛ) _6
	ИЛ РЛ АЛ	ДИ	ЛЮБО ²⁴ (ЛЛ, С1Л) – ИНЫИ ⁶⁵ (ИЛ, РЛ, АЛ) _3
	ИЛ РЛ АЛ	ДИ	ОНЪ ⁶⁷ (ЛЛ, С1Л) – ТЪТЪ ²²⁹ (ИЛ, РЛ, АЛ) _3
	ИЛ РЛ АЛ	ДИ	ПРЕЖЕ (ЛЛ, С1Л) – ПЪРВОЕ (ИЛ, РЛ, АЛ) _4
	ИЛ РЛ АЛ	КО	ПРИЯТИ (СМЪРТЪ) (ЛЛ, С1Л, Н1Лк) – ОУМРЪТИ (СМЪРТЪЮ) (ИЛ, РЛ, АЛ) – “пропуск” (Н1Ла) _2

ИЛ РЛ АЛ	ДИ	ХРИСТИЯНИНЪ (ЛЛ, С1Л) – КРЕЩЕНЫИ (ИЛ, РЛ, АЛ)_4
ИЛ РЛ АЛ	ЗК	ЦЕРКОВЬ (ЛЛ, РЛ, АЛ, С1Л, Н1Л) – БОЖНИЦА (ИЛ)_2
ИЛ РЛ АЛ С1Лк	ПВ	ВЛАДЪТИ ⁵ (ЛЛ, С1Лo) – КНЯЖИТИ ¹⁸ (ИЛ, РЛ, АЛ, С1Лк) -- "пропуск" (Н1Л)_3
ИЛ С1Л	ПВ	ДРУГЫИ (ЛЛ, РЛ, АЛ) – ИНЫИ (ИЛ, С1Л) – “пропуск” (Н1Л)_9
ЛЛ	ПИ	ВОЕВАТИ ^{34+2(повоевати)} (ЛЛ) – ПЛАВНИТИ ^{1+3(поплавити)+3(полонити)} (ИЛ, РЛ, АЛ, С1Л) – “попуск” (Н1Л)_3
ЛЛ	ПВ	И (ЛЛ) – ТИИ/ТЫ (АЛ, ИЛ) – “пропуск”(РЛ, Н1Л, С1Л)_9
ЛЛ	ДИ	ИСКОПАТИ (ЛЛ) – ИСКОПАТИ (ИЛ, РЛ, АЛ, С1Л)_6
ЛЛ	ДИ	КРЫНУТИ (ЛЛ) – КУПИТИ (ИЛ, РЛ, АЛ, С1Л)_2
ЛЛ	ДИ	ЛЮДИ (ЛЛ) – МОУЖИ (ИЛ, РЛ, АЛ, С1Л)_4
ЛЛ	КО	НЕ БРЕЖАТИ (ИЛ, РЛ, АЛ, Н1Л, С1Л) – НЕ БЪЖАТИ (ЛЛ)_2
ЛЛ	ДИ	ПОЧАТИ (ЛЛ) – ПОУЩАТИ (ИЛ, РЛ, АЛ, С1Л)_6
ЛЛ	ДИ	ПРЕДАТИ (ЛЛ) – ПРОДАТИ (ИЛ, РЛ, АЛ, С1Л)_6
ЛЛ	ПВ	СУДИТИ (ЛЛ) – РЯДИТИ (АЛ, ИЛ, С1Л, Н1Л) – “—“(РЛ)_4
ЛЛ	ПВ	СУТЬ (ЛЛ) – РУСЬ (ИЛ, РЛ, АЛ, С1Л) – “пропуск”(Н1Л)_9
ЛЛ	КО	ТОБЕ (ЛЛ) – СЕБЕ (ИЛ, РЛ, АЛ, С1Л, Н1Лк) – “пропуск” (Н1Ла)_6.1
ЛЛ	КО	ХОТЪТИ ¹⁶⁶ (БЛАГОСЛОВИТИ) (ЛЛ) – ИМЪТИ ²¹ (БЛАГОСЛОВИТИ) (ИЛ, РЛ, АЛ, С1Л, Н1Л)_3
ЛЛ ИЛ РЛ АЛ С1Л	ЗК	ОУВИДЪТИ (ЛЛ, ИЛ, РЛ, С1Лo) – ОУВЪДЪТИ (С1Лк, АЛ) – ОУЗРЪТИ (Н1Л)_2
ЛЛ РЛ АЛ	ПИ	ИЗИМАТИ ¹⁰ (ЛЛ, РЛ, АЛ) – ИЗЛАМЛАТИ ¹⁰ (ИЛ, С1Л, Н1Л)
ЛЛ РЛ АЛ	ПВ	ТИ/ТИИ (ЛЛ, РЛ, АЛ) – “пропуск”(ИЛ) – И (Н1Л, С1Л)_9
Н1Л	КО	ЕСТЬ(СОУТЬ) (ЛЛ, ИЛ, С1Л) – ОНЪ (РЛ, АЛ) – “пропуск” (Н1Л)_6.1
Н1Л	КО	ПЕРЕКЛЮКАТИ (ЛЛ, ИЛ, РЛ, АЛ, С1Л) – УПРЕМУДРИТИ (Н1Л)_10
Н1Л	КО	ПРИИМАТИ (ЛЛ), ВНИМАТИ (ИЛ, РЛ, АЛ, С1Л) – ВЛАГАТИ (Н1Л)_2
Н1Л С1Л	КО	ДОМОВИ (ЛЛ, ИЛ, РЛ) – В ДОМ СВОИ (АЛ) – ВЪ СВОЯ СИ (С1Л) – КЪ СТРАНЪ СВОЕИ (Н1Лк) – КО ГРАДУ СВОЕМУ (Н1Ла)_6.1
Н1Л С1Лo	КО	ВЪДЪТИ ⁴⁴ (ЛЛ, РЛ, АЛ, С1Лк) – ВИДЪТИ ¹¹³ (Н1Л, С1Лo)_3
Н1Ла	КО	ОНЪ (ЛЛ, ИЛ, РЛ, АЛ, С1Л, Н1Лк) – ЦАРЬ (Н1Ла)_6.1
Н1Ла	КО	РЕЩИ (ЛЛ, ИЛ, РЛ, АЛ, С1Л, Н1Лк) – ГЛАГОЛАТИ (Н1Ла)_10
Н1Ла	КО	РЕЩИ (ЛЛ, ИЛ, РЛ, Н1Ла, АЛ, С1Л) – ГЛАГОЛАТИ (Н1Ла)_10
Н1Ла	КО	СЛОВЕСЫ (Н1Лк) – ГЛАГОЛАНИИ (Н1Ла) – “пропуск” (ЛЛ, ИЛ, РЛ, АЛ, С1Л)_10
Н1Лк	КО	БОЛЯРЕ (Н1Ла) – ВЕЛЬМОЖИ (Н1Лк) – “пропуск” (ЛЛ, ИЛ, РЛ, АЛ, С1Л)_4
Н1Лк	КО	ГЛАГОЛАТИ (ЛЛ, ИЛ, РЛ, АЛ, С1Л, Н1Л, Н1Ла) – РЕЩИ (Н1Лк)_10(наоб)
Н1Лк	КО	ОНА (ЛЛ, ИЛ, РЛ, АЛ, С1Л, Н1Ла) – ОЛЬГА (Н1Лк)_6.1
Н1Лк	КО	РЕЩИ (ЛЛ, ИЛ, РЛ, Н1ЛА, АЛ, С1Л) – ГЛАГОЛАТИ (Н1Лк)_10

Н1Лк	КО	ТОТЪ (ЛЛ, ИЛ, РЛ, АЛ, С1Л, Н1Ла) – СЪИ (Н1Лк)_1.1
РЛ	ДИ	ОҮСКОЧИТИ (ЛЛ, ИЛ, АЛ, С1Л) – ОҮБЪЖАТИ (РЛ)_2
РЛ	ДИ	СЛУДЫ (ЛЛ, ИЛ, АЛ, С1Л) – СЛОҮГА (РЛ)_6
РЛ	ДИ	ЦЕСАРЬ (ЛЛ, ИЛ, АЛ, С1Л) – КНЯЗЬ (РЛ)_4
РЛ АЛ	ОБ	ОҮМЕРТВИТИ (ЛЛ, ИЛ, РЛ, С1Л) – ОҮБИТИ (РЛ, АЛ)_2
РЛ АЛ	ОБ	ВЗЯТИ (ЛЛ, ИЛ, С1Л) – НАИТИ (РЛ, АЛ)_2
РЛ АЛ	ОБ	ВЗЯТИ (ЛЛ, ИЛ, С1Л) – НАИТИ (РЛ, АЛ)_9.1
РЛ АЛ	ОБ	МОҮЖЬ (ЛЛ, ИЛ, С1Л) – ВЫ (РЛ, АЛ)_9.1
РЛ АЛ	ЗК	НАРИЦАТИСЯ (ЛЛ, ИЛ, С1Л, Н1Л) – ЗВАТИСЯ (РЛ, АЛ)_2
РЛ АЛ	ПО	НАЧА ¹³² ВОЄВАТИ ³⁴ (РЛ, АЛ) – ПОВОЄВАТИ ² (ИЛ, С1Л, Н1Лк) – “пропуск” (ЛЛ, Н1Ла)_3
РЛ АЛ	ДИ	ОҮВЪДЪТИ (ЛЛ, ИЛ, С1Л) – ОҮМЪТИ (РЛ, АЛ)_2
РЛ АЛ	ПО	ПАРОҮСЪ (РЛ, АЛ) – ПЪРЬ (ИЛ, С1Л) – “пропуск” (ЛЛ, Н1Л)_2
РЛ АЛ	ПО	ПАРОҮСЪ (РЛ, АЛ) – ПЪРЬ (ИЛ, С1Л, Н1Лк) – “пропуск” (ЛЛ, Н1Ла)_2
РЛ АЛ	ОБ	СНИСКАТИ (ЛЛ, ИЛ, С1Л) – ДОБЫТИ (РЛ, АЛ)_2
РЛ АЛ	ДИ	ЧАСТЬ (ЛЛ, ИЛ, С1Л) – СТОРОНА (РЛ, АЛ)_4
РЛ АЛ С1Л	ПО	ВЫИТИ (РЛ, АЛ, С1Л) – ВЫЛЪСТИ (ИЛ, Н1Лк) – “пропуск” (ЛЛ, Н1Ла)_2
РЛ АЛ С1Л	ПО	ПАРОҮСЪ (РЛ, АЛ, С1Л) – ПЪРЬ (ИЛ, Н1Лк) – “пропуск” (ЛЛ, Н1Ла)_2
РЛ АЛ С1Л	ПО	ПАРОҮСЪ (РЛ, АЛ, С1Лo, С1Лк) – ПЪРЬ (ИЛ, Н1Лк) – “пропуск” (ЛЛ, Н1Ла)_2
С1Л	ПИ	ВВИИ ²³ (ЛЛ, ИЛ, РЛ, АЛ, Н1Лк) – ВЪСЪ ²⁵¹ (С1Л) – “пропуск” (Н1Ла)_3
С1Л	ОБ	БЕС ПЕРЕСТҮ (ЛЛ, ИЛ, РЛ, АЛ) – ЗЪЛО (С1Л)_9.2
С1Л	ДИ	БЕЩИНЪЕ (ЛЛ, ИЛ, РЛ, АЛ) – НИЧТО ЖЕ (С1Л)_2
С1Л	ОБ	ВЪРОВАТИ ²³ (ЛЛ, ИЛ, РЛ, АЛ) – ИМАТИ ^{21+118 (имѣти)} ВЪРҮ ⁴⁸ (С1Л)_3
С1Л	ПВ	ДРУҮГИИ (ЛЛ, ИЛ, РЛ, АЛ) – ИНИИ (С1Л) – “пропуск” (Н1Л)_9
С1Л	ЗК	ИЗЛЪЗТИ (Н1Л) – ИЗЫТИ (С1Л) – “пропуск” (ЛЛ, ИЛ, РЛ, АЛ)_2
С1Л	ДИ	ЛЮБОВЪ (ЛЛ, РЛ, АЛ, ИЛ) – МИРЪ (С1Л)_4
С1Л	ДИ	МОҮЖЬ (ЛЛ, ИЛ, РЛ, АЛ) – БОЛЯРИНЪ (С1Л)_4
С1Л	ДИ	МЫСАИТИ (ЛЛ, ИЛ, РЛ, АЛ) – СААТИ (С1Л)_6
С1Л	ПО	МЫТО (РЛ, АЛ, ИЛ) – ВИНА (С1Л) – “пропуск” (ЛЛ, Н1Л)_4
С1Л	ПВ	ОНИ (ЛЛ, ИЛ, РЛ, АЛ) – ТҮ СҮЩИИ (С1Л) – “пропуск” (Н1Л)_2
С1Л	КО	ОНЪ (ЛЛ, ИЛ, РЛ, АЛ, Н1Л) – ДИАВОЛЪ (С1Л)_6.1
С1Л	ДИ	ОҮВЪДЪТИ (ЛЛ, ИЛ, РЛ, АЛ) – ОҮВИДЪТИ (С1Л)_2
С1Л	КО	ОҮСТАВЪ (ЛЛ, ИЛ, РЛ, АЛ, Н1Л) – ЧИНЪ (С1Л)_4
С1Л	ПВ	ПРАВО (ЛЛ, ИЛ, РЛ, АЛ, Н1Л) – ПРАВДА (С1Л)_4
С1Л	ПИ	СКЪДИЯ (ЛЛ, ИЛ, РЛ, АЛ, Н1Л) – ЛОДЪЯ (С1Л)_4
С1Л	ДИ	СТВОРИТИ (ЛЛ, ИЛ, РЛ, АЛ) – ОҮЧНИТИ (С1Л)_4
С1Лк	ПВ	ДНЄШНИИ (С1Лo, Н1Л) – НЫНЄШНИИ (С1Лк) – “пропуск” (ЛЛ, ИЛ,

			РЛ, АЛ)_2
С1ло	ПО	ВЕЛИКИЙ ¹³³ (С1Ло) – МНОГИИ ¹⁰³ (С1Лк)_3	
С1Ло	ПВ	ОСТАТИСЯ ⁴ (ЛЛ, ИЛ, РЛ, С1Лк) – ОТЪДЪТИ ⁵⁷ (С1Ло) -- "пропуск" (Н1Л)_3	
С1Ло	ДИ	ПАЧНИТИ (ЛЛ, ИЛ, РЛ, АЛ, С1Лк) – ПОИМАТИ (С1Ло)_6	

Таблица №2

Летописи		Лексические замены тезауруса	
Р	АЛ	ОБ	НАЛЪЯТИ (ЛЛ, ИЛ, РЛ, С1Л) – НАПЪЯТИ (АЛ)
а	ИЛ	КО	ВАЛГА (ЛЛ, РЛ, АЛ, С1Л, Н1Л) – ВАЕНА (ИЛ)
с	ИЛ	ОБ	БЫТИ (ЛЛ, РЛ, АЛ, С1Л) – ОТВОРИТИ (ИЛ)
п	ИЛ	ДИ	ВАШЬ (ЛЛ, РЛ, АЛ, С1Л) – НАШЬ (ИЛ)_7
р	ИЛ	ОБ	ЖЕНАМЪ (ЛЛ, РЛ, АЛ, С1Л) – ЖЕ ИМЪ (ИЛ)
е	ИЛ	ЗК	ПРИПАЛЪТИ (ЛЛ, РЛ, АЛ) – ПРИСТЪПИТИ (ИЛ) – “пропуск” (Н1Л, С1Л)
д	ИЛ РЛ АЛ	ДИ	ГОРОДЪ (ЛЛ, С1Л) – РОДЪ (ИЛ, РЛ, АЛ)_5
е	ИЛ РЛ АЛ	ПАД	ИЗЪГНУТИ (ЛЛ, С1Л) – ИЗБЫТИ (ИЛ, РЛ, АЛ)
л	ИЛ РЛ АЛ	ДИ	ИНЫИ (ЛЛ, С1Л) – ВСЕГДА (ИЛ, РЛ, АЛ)_8
е	ИЛ РЛ АЛ	ДИ	СИИ (ЛЛ) – ВЪСЪ (ИЛ, РЛ, АЛ) – “пропуск” (С1Л)_8
н	ИЛ РЛ АЛ С1Л	ДИ	ВАШЬ (ЛЛ) – ОНЪ (ИХЪ) (ИЛ, РЛ, АЛ, С1Л)_7
и	ИЛ РЛ АЛ С1Л	ДИ	НАШЬ (ЛЛ) – ВАШЬ (ИЛ, РЛ, АЛ, С1Л)_7
е	ИЛ РЛ АЛ С1Л	ОБ	ПРИИТИ (ЛЛ) – ПРИВЪСТИ (ИЛ, РЛ, АЛ, С1Л)
	ИЛ РЛ АЛ С1Л	ДИ	СЪЛЪ (ЛЛ) – СЛОВО (ИЛ, РЛ, АЛ, С1Л)_5
лз	ЛЛ	ДИ	ВЪСЪ (ЛЛ) – СИИ (ИЛ, РЛ, АЛ, С1Л)_8
	ЛЛ	ДИ	ВЪСЪ (ЛЛ) – СИИ (ИЛ, РЛ, АЛ, С1Л)_8№2
по	ЛЛ	ДИ	ВЪСЪ (ЛЛ) – СИИ (ИЛ, РЛ, С1Л) – “пропуск” (АЛ)_8
	ЛЛ	КО	ДЕЛАТЕЛЬ (ЛЛ) – ДАЛЕЧЕ (ЛЛ, ИЛ, РЛ, АЛ, С1Л, Н1Л)_10.1
л	ЛЛ	КО	КАЖА[И] (ИЛ, РЛ, АЛ, С1Л, Н1Л) – КАКА (ЛЛ)_10.1
е	ЛЛ	ПАД	ОНЪ (ЛЛ) – ПЪСНЬ (ИЛ, РЛ, АЛ, С1Л)
т	ЛЛ ИЛ !!!	КО	ЖЕНА (РЛ, АЛ, Н1Л, С1Л) – РУССКИЙ (ЛЛ) – КНЯЗЬ (ИЛ)_10.1
о	ЛЛ ИЛ РЛ АЛ	ПВ	ВЕСЪ (ЛЛ, ИЛ, РЛ, АЛ) – МНОГИИ/ПРЕДИВНЫЙ (Н1Л, С1Л)_8
п	ЛЛ ИЛ РЛ АЛ	ПВ	РУСЪ (ЛЛ, ИЛ, РЛ, АЛ) – ДРУЖИНА (Н1Л, С1Л)
и	ЛЛ ИЛ РЛ АЛ	ПВ	ОНА (ЛЛ, ИЛ, РЛ, АЛ, С1Л) – МЫ (Н1Л)
с	С1Л		
я	ЛЛ ИЛ РЛ АЛ	ПАД	РЪКА (ЛЛ, ИЛ, РЛ, АЛ, С1Л) – МОРЕ (Н1Л)
м	С1Л		
	ЛЛ РЛ АЛ	ЗК	ВЪСЪ (ЛЛ, РЛ, АЛ) – ВЕСЪ (ИЛ) – “попуск” (Н1Л, С1Л)
	ЛЛ РЛ АЛ	ПИ	СТРАНЪ (ЛЛ) – СТРА/СТРАНЬНЫЙ (РЛ, АЛ) – СТОРОЖЬ (ИЛ, С1Л) – “пропуск” (Н1Л)
	ЛЛ РЛ С1Лк	ПАД	СИИ (ЛЛ, ИЛ, С1Ло) – ОНЪ (РЛ, АЛ, С1Лк) – “пропуск” (Н1Л)_1
	Н1Л	ПИ	ТАКО ПРОЧИИ/ТАКО ПРОК ЛОДИИ (ЛЛ, РЛ, АЛ, ИЛ/С1Л) – РОУСЪ (Н1Л)

Н1Л С1Л	КО	ЗЛОБИВИИ (ЛЛ, ИЛ, РЛ, АЛ) – НЕЗЛОБИВИИ (Н1Л, С1Л)_10.1
Н1Лк	КО	ИТИ (ЛЛ, ИЛ, РЛ, АЛ, С1Л)/ ОТЪБИТИ (Н1Ла) – ОТЪПУСТИТИ (Н1Лк)
Н1Лк	КО	СОВЪТЪ (ЛЛ, ИЛ, РЛ, АЛ, С1Л, Н1Ла) – СЛОВО (Н1Лк)_10.1
Н1Лк С1Л	ПО	КРОПИННИИ (С1Л, Н1Лк) – ъ (РЛ, АЛ, ИЛ) – “пропуск” (ЛЛ, Н1Ла)
РЛ	ПВ	ИЗГНАТИ (ЛЛ, ИЛ, С1Л, Н1Л)/ ВЫГНАТИ /(АЛ) – БЫТИ (РЛ)
РЛ АЛ	ОБ	ЛЮДЪЕ (ЛЛ, ИЛ, С1Л) – ВНИ (РЛ, АЛ)
РЛ АЛ	ПО	СЛОВО (РЛ, АЛ) – ЛЮДИ (ИЛ, С1Л) – “пропуск” (ЛЛ, Н1Л)_5
РЛ АЛ	ОБ	ТАМО (ЛЛ, ИЛ) – ДРОУТЫИ (РЛ, АЛ) – “пропуск” (С1Л)
РЛ АЛ	ДИ	ТЪТЪ ²²⁹ (ЛЛ, ИЛ) – ВЪСЪ ²⁵¹ (РЛ, АЛ) – “пропуск” (С1Л)_8
РЛ АЛ	ОБ	ШЕДЪТИ (ЛЛ, ИЛ, С1Л) – ПОСААТИ (РЛ, АЛ)
РЛ АЛ С1Л	ДИ	ВАШЪ (ЛЛ, ИЛ) – НАШЪ (РЛ, АЛ, С1Л)_7
РЛ АЛ С1Л	ДИ	ВАШЪ (ЛЛ, ИЛ) – НАШЪ (РЛ, АЛ, С1Л)_7
С1Л	ЗК	ОУГОРЪСКОЕ (ЛЛ, ИЛ, РЛ, АЛ, Н1Л) – ИГОРЪСКОЕ (С1Л)
С1Л	ДИ	ВЫ (ЛЛ, ИЛ, РЛ, АЛ) – МЫ (С1Л)
С1Л	ОБ	ГОРОДЪ (ЛЛ, ИЛ) – РОДЪ (С1Л) – “пропуск” (РЛ, АЛ)
С1Л	ОБ	ГРАДЪСКИИ (ЛЛ, ИЛ, РЛ, АЛ) – ЛЮДЪСКИИ (С1Л)
С1Л	ДИ	ИНЫИ (ЛЛ, ИЛ, РЛ, АЛ) – НАГЫИ (С1Л)_5
С1Л	ПВ	ИТИ (ЛЛ, ИЛ, РЛ, АЛ, Н1Л) – ПОСААТИ (С1Л)
С1Л	ОБ	КАДЪ (ЛЛ, ИЛ, РЛ, АЛ) – КОЛОДАЪЗЪ (С1Л)
С1Л (ИЛ)	ОБ	ПОВЪЛЪТИ ПОСААТИ (ЛЛ, РЛ) – ПОСААТИ: ПОСАА (ИЛ) / ПОСААША (С1Л)
С1Лк	ДИ	НАШЪ (ЛЛ, ИЛ, РЛ, АЛ, С1Лo) – ВАШЪ (С1Лк)_7
С1Лк	ДИ	НАШЪ (ЛЛ, ИЛ, РЛ, АЛ, С1Лo) – ВАШЪ (С1Лк)_7№2
С1Лк	ДИ	НАШЪ (ЛЛ, ИЛ, РЛ, АЛ, С1Лo) – ВАШЪ (С1Лк)_7№3
С1Лк	ОБ	ПОДИВИТИСЯ (ЛЛ, ИЛ, РЛ, АЛ, С1Лo) – ПОЛИВИТИСЯ (С1Лк)
С1Лo	ПИ	ПРИПАЪТИ (ЛЛ, РЛ, АЛ, С1Лк) – ПРИДОУШАТИ (С1Лo)

Таблица № 3

Летописи		Лексические замены прагматикона
ИЛ	ОБ	ГЛАДЪ (ЛЛ, РЛ, АЛ, С1Л) – ГРАДЪ (ИЛ)
ИЛ РЛ АЛ	КО	ЦЪМЪСКИ (ЧЕМЪСКИИ ЮАНЪ) (ЛЛ, Н1Л, С1Л) – КОСТЯНТИНЪ (ИЛ, РЛ, АЛ)
ЛЛ ИЛ РЛ АЛ С1Л	ЗК	ВЛЕГЪ (ЛЛ, ИЛ, РЛ, АЛ, С1Л) – ИГОРЪ (Н1Л)
ЛЛ ИЛ РЛ АЛ С1Л	ЗК	ВЛЕГЪ (ЛЛ, ИЛ, РЛ, АЛ, С1Л) – ИГОРЪ (Н1Л)№2
Н1Л	КО	СЪЛЪ (ПОСОЛЪ) (ЛЛ, ИЛ, РЛ, АЛ, С1Л) – СОЛОМЪРЪ (Н1Л)
Н1Л С1Л	ЗК	ДАТИ (ЛЛ, ИЛ, РЛ, АЛ) – НЕ ДАТИ (С1Л, Н1Л)
С1Л	ДИ	ПРИВЪСТИ (ЛЛ, ИЛ, РЛ, АЛ) – ПРИИТИ (С1Л)
С1Л	ПО	ВЛЕГЪ (РЛ, АЛ, ИЛ, Н1Лк) – ЛЕВНЪ (С1Л) – “пропуск” (ЛЛ, Н1Ла)
С1Лк	ДИ	ПРИИТИ (ЛЛ, ИЛ, РЛ, АЛ, С1Лo) – ПРИЯТИ (С1Лк)

Заключение.

В диссертационной работе нами было произведено исследование ЯЛ составителя ПВЛ в соответствии с разработанной методикой моделирования ИЯЛ.

На векторе “горизонталь текста” нами были выявлены фабульные схемы летописных рассказов. Фабульные схемы традиционны, их использование не зависит от прагматической установки, времени и места создания произведения. Именно устойчивость фабульных схем к временным изменениям дало возможность определить источники летописных статей.

Если на “горизонтали” летописные рассказы представлены как традиционные формулы (фабульные схемы), то “вертикаль” задается “цепочечным” принципом организации средневекового текста и отвечает за смысловое развитие повествование (с помощью повторов). Наполнение сюжетной схемы теми или иными частотными лексемами показывает индивидуальность использования тезаурусной стратегии ЯЛ.

Третьим вектором текста стал параметр “глубины”, образуемый параллельными чтениями летописей XIV – XV вв., сохранивших привнесенные в книжно-письменную традицию на одном из этапов ее эволюции инновации. При сопоставлении тезаурусных стратегий летописных сообщений по книжно-письменным традициям ПВЛ и ее источников (прежде всего Начального свода) обнаружилось, что предшествующая книжно-письменная традиция летописания была переработана ЯЛ составителя ПВЛ: использованные источники составитель ПВЛ реорганизовал по универсальной стратегии – “разрушение бывшего миропорядка – хаос – построение нового, угодного русскому (= великому киевскому) князю”. Унификация повествования по данной тезаурусной стратегии позволила летописцу вычленить историческое событие (которое не обязательно ограничивается рамками одного погодного сообщения, стандартно оформленного летописным зачином “**Въ лѣто...**”) из событийного потока.

В соответствии с логикой восхождения от низших уровней организации ЯЛ к высшим на основе выявленной тезаурусной стратегии была определена прагматическая цель, которую преследовала ЯЛ составителя ПВЛ: названная тезаурусная стратегия задает историческому процессу направленность на соби́рание земель вокруг нового православного центра – Киева под властью угодного богу рода Рюриковичей, крестившего Русскую землю по воле Господа.

Исследование разночтений показывает историческую динамику книжно-письменной традиции летописания, запечатленную в летописях-списках произведения. В летописях, являющихся основными списками ПВЛ, трансформаций, свидетельствующих о замене в поздних сводах унифицированной тезаурусной стратегии летописных сообщений ПВЛ, изменений прагматических установок летописного повествования, замечено не было. На уровне лексикона ЛЗ обусловлены адаптацией лексических средств, что, например, проявляется в проникновении близкой и понятной переписчику областной лексики, или же, напротив, клишированием языка памятника в том или ином летописном своде, что выражается в замене уникальных лексем на их частотные в ПВЛ аналоги. При исследовании ЛЗ тезауруса нами была установлена преемственность последующими веками картины мира, созданной составителем ПВЛ при переработке тезаурусных стратегий источников летописного свода: выявленные ЛЗ тезауруса отражают актуализацию тех или иных сокрытых ранее смысловых потенций летописного сообщения при следовании тезаурусной стратегии ПВЛ.

Исследование ЛЗ позволило обозначить тенденции развития книжно-письменной традиции летописания. Однако соотнести выявленные тенденции с тем или иным этапом исторического развития книжно-письменной традиции без привлечения синхронных данному своду летописных сообщений не представляется возможным. Поэтому в качестве перспективы исследования полагаем распространить исследование ИЯЛ на летописание, примыкающее к ПВЛ (например, на Киевскую летопись).

Литература и источники

1. Агибалов А.К. Внутренний лексикон человека (проблема моделирования и анализа) // website: <http://rkiparty.tripod.com/>
2. Аникин Д.В. К методике реконструкции письменной традиции “Повести временных лет” (на материале избранных текстов по Лаврентьевскому, Ипатьевскому и Радзивиловскому спискам) // Текст: структура и функционирование: Сборник научных статей. Вып. 7. Барнаул, 2003-а.
3. Аникин Д.В. Моделирование языковой личности “Повести временных лет” по летописям 14 – 15 вв. // Филология XXI век (теория и методика преподавания): Материалы Всероссийской конференции, посвященной 70-летию БГПУ. 10-11 декабря 2003 г. Барнаул, 2004.
4. Аникин Д.В. О причинах лексических замен в “Повести временных лет” (на материале Лаврентьевской, Ипатьевской и Радзивиловской летописей) // Текст: структура и функционирование: Сборник научных статей. Вып. 6. Барнаул, 2002.
5. Аникин Д.В. О реконструкции письменной традиции “Повести временных лет” // Молодежь в XXI веке: Материалы Четвертой краевой молодежной научно-практической конференции. Барнаул, 2003-б.
6. Апресян Ю.Д. Идеи и методы современной структурной лингвистики. М. 1966.
7. Артамонов Ю.А. Статья 6618 г. Повести временных лет об “огненных столпах” и ее литературные источники // Источниковедение и компаративный метод в гуманитарном знании. Тезисы докладов и сообщений научной конференции. М., 1996 // website: <http://liber.rsuh.ru/>
8. Бабурина К.Б. Этнолингвистический аспект в исторической лексикографии // Вопросы языкознания. № 3. М., 1997.
9. Березин Ф.М. Караулов Ю.Н. Активная грамматика и ассоциативно-

- вербальная сеть // Реферативный журнал. № 4 (005). М., 2000.
10. Богачева Д.П. Метаязыковая личность (к проблеме описания) // Языковая личность: информация, материалы, полезные ссылки..., 2003. // website: <http://www.links-guide.ru/>
11. Богин Г.И. Современная лингводидактика. Калинин, 1980.
12. Бондарчук Н.С., Кузнецова Р.Д. Языковая личность в историческом аспекте (опыт реконструкции). // Языковая семантика и образ мира, т. 2. Казань, 1997 // website: <http://www.kcn.ru/>
13. Бородкин Л.И. От Нестора до Фонвизина. Новые методы определения авторства. М., 1994.
14. Брюсова В.Г. Русско-Византийские отношения середины XI века // Вопросы истории // website: <http://www.russiancity.ru/>
15. Вендина Т.И. Средневековый человек в зеркале старославянского языка. М., 2002.
16. Верещагин Е.М. История возникновения древнего общеславянского литературного языка. Переводческая деятельность Кирилла и Мефодия и их учеников. М., 1997.
17. Верещагин Е.М. Из истории возникновения первого литературного языка славян. Варьирование средств выражения в переводческой технике Кирилла и Мефодия. М., 1972.
18. Вилкул Т.Л. О соотношении текстов Ипатьевского и Лаврентьевского сводов (за 40 – 59 – е годы XII в.) // Источниковедческая компаративистика и историческое построение: Тезисы докладов и сообщений XV научной конференции. М., 2003. // website: <http://liber.rsuh.ru/>
19. Виноградов В.В. Вопросы образования русского национального литературного языка // Виноградов В.В. История русского литературного языка. Избранные труды. М., 1978.
20. Виноградова Л.Н. Славянская народная демонология: проблемы сравнительного изучения. Диссертация на соискание ученой степени д-

- ра филол. наук. М., 2001. // website: <http://ivgi.rsuh.ru/>
21. Волошина Т.А. Образование наречия на основе морфологизации обстоятельства (на материале древнерусских памятников XI – XIV вв.): Автореф. дисс... канд. филол. наук. Ростов-на-Дону, 1985.
22. Воркачев С.Г. Лингвокультурология, языковая личность, концепт: становление антропоцентрической парадигмы в языкознании // Филологические науки. № 1. М., 2001.
23. Воробьев В.В. Лингвокультурология (теория и методы). М., 1997.
24. Воробьев В.В. Лингвокультурология и межкультурная коммуникация // Материалы международной научной конференции “Межкультурный диалог на Евразийском пространстве”. Уфа, 2002. // website: <http://www.uic.bashedu.ru/>
25. Гайнуллина Н.И. Языковая личность Петра Великого как факт диахронии. // Русский язык: исторические судьбы и современность. М., 2001. // website: <http://www.philol.msu.ru/>
26. Гиппиус А.А. Библиейские парадигмы Новгородской летописи (О книге U. Schweier. Paradigmatische Aspekte der: Textstruktur. Textlinguistische Untersuchungen zu der intertextuellen funktionalen Belastung von Strukturelementen der flühen ostslavischen Chroniken. München 1995) // Russian Linguistics №22. 1998. // website: <http://www.elibrary.ru/>
27. Гиппиус А.А. О критике текста и новом переводе-реконструкции “Повести временных лет” // Russian Linguistics, № 26. Kluwer, 2002. // website: <http://www.elibrary.ru/>
28. Гиппиус А.А. **Рекоша дружина Игоревы...** (к лингвотекстологической стратификации Начальной летописи) // Russian Linguistics, № 25. Kluwer, 2001. // website: <http://www.elibrary.ru/>
29. Данилевский И.Н. Древняя Русь глазами современников и потомков (IX – XII вв.). М. 2002. // website: <http://www.auditorium.ru/>
30. Данилевский И.Н. Круг чтения составителей Повести временных лет. // Древнерусская культура в мировом контексте: археология и

- междисциплинарные исследования: Материалы конференции. М., 1997.
// website: <http://liber.rsuh.ru/>
31. Данилевский И.Н. Символика дат и название Повести временных лет. // Источник. Метод. Компьютер. Барнаул, 2003. // website: <http://aik.barnaul.ru/>
32. Долгов В.В. Осмысление феномена Руси в древнерусской книжной культуре XI – XII вв. (на материалах Повести временных лет) // История Древней Руси и русской культуры, 2001. // website: <http://gardariki.ques.info/>
33. Долгов В.В. Чудеса и знамения в Древней Руси X – XIII веков // Исследования по русской истории. Сборник статей к 65-летию профессора И.Я. Фроянова. СПб.-Ижевск, 2001-б. // website: <http://gardariki.ques.info/>
34. Долгов, В.В. Очерки истории общественного сознания Древней Руси XI – XIII веков. Ижевск, 1999. // website: <http://gardariki.ques.info/>
35. Евтушенко О.В. Картина мира: от хаоса к космосу // Русский язык: исторические судьбы и современность. М., 2001. // website: <http://www.philol.msu.ru/>
36. Ейгер Г.В., Раппорт И.А. Языковые способности. Харьков, 1992.
37. Еремеева О.А. О понятии “Языковая личность” // Лингвистика: взаимодействие концепций и парадигм. Вып. 1. Ч. 2. Харьков, 1991.
38. Еремин И.П. “Повесть временных лет” как памятник литературы // Еремин И.П. Литература Древней Руси. М. – Л., 1966-а.
39. Еремин И.П. “Повесть временных лет”: проблемы ее историко-литературного изучения. Л. 1946.
40. Еремин И.П. К характеристике Нестора как писателя // Еремин И. П. Литература Древней Руси. М — Л., 1966-б.
41. Еремин И.П. Литература Киевской Руси XI – XIII вв. // Еремин И. П. Лекции и статьи по истории Древней русской литературы. Л., 1987.
42. Живов В.М. Язык и культура в России XVIII века. М., 1996.

43. Жуковская Л.П. Текстология и язык древнейших славянских памятников. М., 1976.
44. Зотов А.М. О некоторых традиционных формулах воинского повествования в летописях и исторических повестях XVII в. // Вопросы филологии. Вып IV. Сборник работ студентов и молодых ученых. Кемерово, 2003. // website: <http://www.drevne.ru/>
45. Зотов Б. Не Кирилл ли Туровской с Припяти - автор "Слова о полку Игореве"? // website: <http://www.teneta.ru/>
46. Иванцова Е.В. Феномен диалектной языковой личности. Томск, 2002.
47. Ипатьевская летопись // Полное собрание русских летописей. Т.2. М., 1962.
48. Камчатнов А.М. История и герменевтика славянской Библии. М., 1998
49. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М., 1987.
50. Киселева М.С. Учение книжное: текст и контекст древнерусской книжности. М., 2000.
51. Клосс Б.М. Ипатьевская летопись // ТОДРЛ. Т. XXXIX. Л., 1985-а.
52. Клосс Б.М. Новгородская первая летопись // ТОДРЛ. Т. XXXIX. Л., 1985-б.
53. Клосс Б.М. Предисловие // Софийская летопись старшего извода. Т. 6. Вып. 1. М., 2000.
54. Колесов В.В. Средневековый текст как единство поэтических средств языка // ТОДРЛ Т. L. Спб., 1996.
55. Конурбаев М.Э. Семантика и ритм молитвы // Folia Anglistica №1, М: 1997 <http://www.webcenter.ru/>
56. Конявская Е.Л. К вопросу об авторском самосознании Епифания Премудрого // Древняя Русь №1, М. 2000 г. // website: <http://www.nature.ru>
57. Красильникова В.Г. Сопоставительный анализ оригинала художественного текста и “неоднородного” перевода с точки зрения

- ЭМОЦИОНАЛЬНО-СМЫСЛОВОЙ ДОМИНАНТЫ. 2001 // website:
<http://www.textology.ru/>
58. Крысько В.Б. Review // Russian Linguistics, №23. Kluwer, 1999 С. 223 – 232. // website: <http://www.elibrary.ru/>
59. Кузьмин А.Г. Начальные этапы древнерусского летописания. М., 1977.
60. Кусков В.В. История древнерусской литературы. М., 1998. // website:
<http://www.drevne.ru/>
61. Лаврентьевская летопись // Полное собрание русских летописей. Т.1. М., 1962.
62. Ларин Б.А. Лекции по истории русского литературного языка (X – XVIII вв.). М., 1975.
63. Левинтон Г.А. Лексика славянских эпических традиций и проблема реконструкции праславянского текста // Текст: семантика и структура: сборник научных трудов. М., 1983.
64. Лекомцев Ю.К. Антонимический текст // Текст: семантика и структура. М., 1983. // website: <http://teneta.rinet.ru/rus>
65. Леонтович О.А. Теория межкультурной коммуникации в России: состояние и перспективы // Вестник Российской коммуникативной ассоциации, выпуск 1. СПб., 2002. // website: <http://www.russcomm.ru/>
66. Литвиненко А.Л. Описание структуры дискурса в рамках Теории Риторической Структуры: применение на русском материале // Материалы Диалога 2001 <http://www.dialog-21.ru/>
67. Лихачев Д.С. Великое наследие: 700 лет... М., 1979. // website:
<http://ic.asf.ru/>
68. Лихачев Д.С. Поэтика древнерусской литературы. М., 1979.
69. Лихачев Д.С. Текстология (на материале русской литературы X – XVII веков). СПб., 2001.
70. Лихачев Д.С. Введение // История русской литературы X — XVII вв. М. 1979-в. // website: <http://infolio.asf.ru/>

71. Лукашевич Н.В., Добров Б.В. Исследование тематической структуры текста на основе большого лингвистического ресурса // Материалы Диалога 2000 // website: <http://www.dialog-21.ru/>
72. Лурье Я.С. Введение // Истоки русской беллетристики. Возникновение жанров сюжетного повествования в древней литературе. Л., 1970.
73. Лурье Я.С. Генеалогическая схема летописей XI – XVI в.в., включенных в “Словарь книжников и книжности Древней Руси” // ТОДРЛ. Т. XXXIX. Л., 1985.
74. Лурье Я.С. Лаврентьевская летопись // ТОДРЛ. Т. XXXIX. Л., 1985-в.
75. Лурье Я.С. О путях доказательства при анализе источников (на материале древнерусских памятников) // Вопросы истории. №5.1985-б.
76. Лурье Я.С. Общерусские летописи XIV – XV вв. Л., 1976.
77. Лурье Я.С. Радзивилловская летопись // ТОДРЛ. Т. XXXIX. Л., 1985-г.
78. Лурье Я.С. Софийская первая летопись // ТОДРЛ. Т. XXXIX. Л., 1985.
79. Лурье Я.С. Схема истории летописания. // ТОДРЛ. Т. XLIX. Л., 1990.
80. Львов А.С. Лексика “Повести временных лет”. М., 1975.
81. Мальцева Р.И. Предлоги и приставки в русском языке XI – XVII вв.: семантическая и функциональная эволюция: Автореф. дисс... доктора филол. наук. Краснодар, 1999.
82. Масленникова Е.М. Моделирование смысловой структуры текста при переводе. 1999. // website: <http://lingvolab.chat.ru/>
83. Маслова В.А. Лингвокультурология. М., 2001.
84. Мелетинский Е.М. Структурно-топологическое изучение сказки // В. Я. Пропп. Морфология <волшебной> сказки. Исторические корни волшебной сказки. (Собрание трудов В. Я. Проппа.). М., 1998.
85. Михайлов. А.В. Реконструкция древнерусского менталитета в диахронии (проблематика структуризации) // Языковая семантика и образ мира. Т. 2. Казань, 1997. // website: <http://www.kcn.ru/>
86. Михайлова Т.В., Михайлов. А.В. Древнерусские текстуальные средства воздействия на общественное сознание в аспекте отношения к царской

- власти (XV-XVII вв.) // Paradeigma/Парадигма. № 3. 1999-а. // website: <http://www.res.krasu.ru/>
87. Михайлова Т.В., Михайлов. А.В. Использование эмоциональных смыслов для выражения оценочных значений в Повестях Смутного Времени XVII века. // Парадигма. № 1 (2). Январь-Март. 1999-б. // website: <http://res.krasu.ru/>
88. Михайлова Т.В., Михайлов. А.В. Средства вербальной поддержки континуальности общества: древнерусский пример // Современное русское общественное сознание в зеркале вербализации: Сб. науч. ст. (Проблемы исторического языкознания и ментальности). Вып. 3. Красноярск, 1999-в. // website: <http://arctogaia.krasu.ru/>
89. Михайлова Т.М. Оценочный аспект представлений о князе и княжеской власти по данным “Повести временных лет” // Языковая семантика и образ мира, т. 2. Казань, 1997. // website: <http://www.kcn.ru/>
90. Михайловская Н. Г. Системные связи в лексике древнерусского книжно-письменного языка XI – XIV вв.: Нормативный аспект. М., 1980.
91. Насонов А.Н. История русского летописания XI – нач. XVIII в.в. М., 1962.
92. Насонов А.Н. Русская земля и образование территории древнерусского государства. М., 2002.
93. Невзорова О.А. Формальная модель реконструкции морфологических категорий естественного языка на основе текстов: Автореф. дисс... канд. технических наук. Казань, 1997.
94. Некрасов Н.П. Заметки о языке "Повести временных лет" по Лаврентьевскому списку летописи // Известия Отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук. Т. I. Кн. 4. СПб., 1896. // website: <http://feb-web.ru/>

95. Николенкова Н.В. Реализация принципа цепочечного нанизывания в церковнославянском тексте // Русский язык: исторические судьбы и современность. М., 2001. // website: <http://www.philol.msu.ru/>
96. Новгородская 1-ая летопись // Полное собрание русских летописей. Т.3. М., 2000.
97. Обнорский С.П. Очерки по истории русского литературного языка старшего периода. М. – Л., 1946.
98. Орлова Т.И. Вариативность в памятниках церковнославянского языка: вопросы терминологии // Вестник Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова. Вып. 1. Серия: Языкознание. Абакан, 2000.
99. Орлова Т.И. Лингвотекстологическое изучение древнеславянской письменности // Человек культуры: русский язык в современном мире. Бийск, 2001.
100. Орлова Т.И. Пролог XIII – XIV вв.: многоуровневый анализ вариативности в церковнославянском языке. Абакан, 2000.
101. Панин Л.Г. История церковнославянского языка и лингвистическая текстология. Новосибирск, 1995.
102. Панин Л.Г. Лингвотекстологическое исследование Минейного Торжественника. Новосибирск, 1988.
103. Петрухин В.Я. Выбор веры. Летописный сюжет и исторические реалии // Древнерусская культура в мировом контексте: археология и междисциплинарные исследования: Материалы конференции. М., 1997. // website: <http://liber.rsuh.ru/>
104. Повесть временных лет. СПб, 1997.
105. Погодин М.П. О поучении Мономаховом // Известия второго отделения Императорской Академии наук Т. 10. Вып. 2. СПб., 1861. // website: <http://feb-web.ru/>
106. Попова О.В. Языковая личность Ивана Грозного (на материале деловых посланий): Автореф. дисс... канд. филол. наук. Омск, 2004.

107. Приселков М.Д. История русского летописания XI – XVвв. М., 1996.
108. Пропп В.Я. Морфология <волшебной> сказки. Исторические корни волшебной сказки. (Собрание трудов В. Я. Проппа.). М., 1998.
109. Радзивилловская летопись. СПб, 1994.
110. Ранчин А.М. О принципах герменевтического изучения древнерусской словесности. // Древняя Русь №4. М., 2001 // website: <http://www.nature.ru/>
111. Ремнева М.Л. Еще раз о типах (видах, стилях) древнерусского литературного языка. // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. № 4. М.,1995.
112. Рогожина В.А. Языковые средства реализации интенций летописца (на материале “Повести временных лет”) // Антропоцентрическая парадигма в филологии: Материалы международной научной конференции. Ч. 2. Лингвистика. Ставрополь, 2003.
113. Рыбаков Б.А. Древняя Русь: Сказания. Былины. Летописи. М., 1963.
114. Славянская Библия 1.0., 2003. // website: <http://come.to/sbible>
115. Словарь русского языка XI – XVII вв. Вып. 1 – 24. М., 1975 – 1996.
116. Соловьев К.А. Эволюция форм легитимации государственной власти в древней и средневековой Руси // Махаон. №1. 1999. // website: <http://www.krotov.org/>
117. Софийская 1-ая летопись старшего извода // Полное собрание русских летописей. Т. 6. Вып. 1. М., 2000.
118. Срезневский И.И. Древние памятники русского письма и языка // Известия Императорской Академии наук по Отделению русского языка и словесности. Т. 10. Вып. 1. СПб., 1861-а. // website: <http://feb-web.ru/>
119. Срезневский И.И. Древние памятники русского письма и языка:

- Общее повременное обозрение: (Продолжение <1>) // Известия Императорской Академии наук по Отделению русского языка и словесности. Т. 10. Вып. 2. СПб., 1861. // website: <http://feb-web.ru/>
120. Срезневский И.И. Словарь древнерусского языка. Т. 1 – 3. М., 1988.
121. Табаченко Л.В. Структурно-семантическое развитие конструкций с глаголами положения в пространстве и движения в русском языке XI – XVII вв.: Автореф. дисс... канд. филол. наук. Ростов-на-Дону, 1987.
122. Творогов О.В. Лексический состав “Повести временных лет” (словоуказатели и частотный словник). Киев, 1984.
123. Творогов О.В. Литература XI – начала XIII в. // История русской литературы X — XVII вв. М., 1979.
124. Творогов О.В. Повесть временных лет и Начальный свод (Текстологический комментарий) // ТОДРЛ. Вып. 30. М., 1976.
125. Творогов О.В. Повесть временных лет // ТОДРЛ. Т. XXXIX. Л., 1985.
126. Творогов О.В. Сюжетное повествование в летописях XI – XIV вв. // Истоки русской беллетристики. Возникновение жанров сюжетного повествования в древней литературе. Л., 1970.
127. Тихомиров М.Н. Происхождение названий “Русь” и “Русская земля” // Русское летописание, М., 1979-а.
128. Тихомиров М.Н. Начало русской историографии // Тихомиров М. Н. Русское летописание. М., 1979-б.
129. Толстой Н.И. “Этническое самопознание и самосознание Нестора Летописца, автора “Повести временных лет” // Исследования по славянскому историческому языкознанию. М., 1993.
130. Толстой Н.И. Тема библейского происхождения славян у славянских хронистов XII – XVIII вв. // Вестник московского университета. Серия 9. № 2. М., 1995.
131. Турилов А.А. Древнерусская культура в контексте средневековых

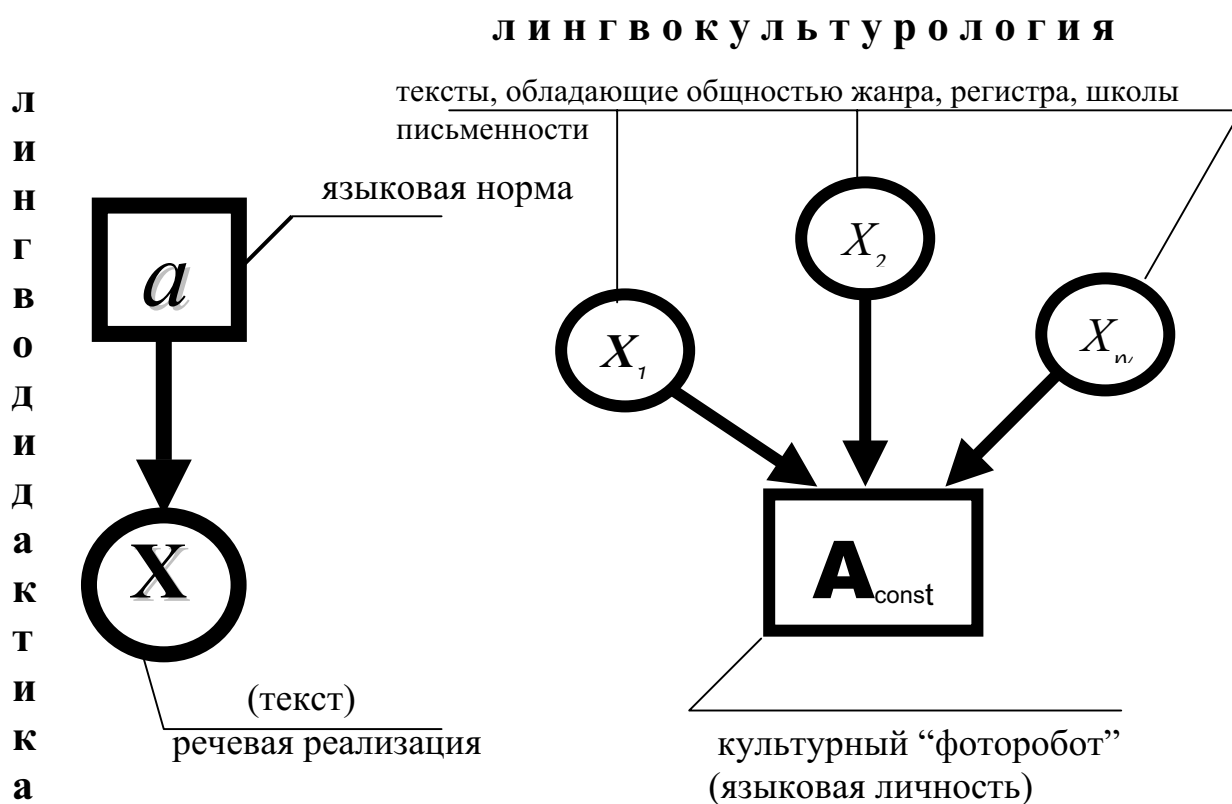
- славянских (на материале книжности) // Древнерусская культура в мировом контексте: археология и междисциплинарные исследования: Материалы конференции. М., 1997 г. // website: <http://liber.rsuh.ru/>
132. Успенский Б.А. Краткий очерк истории русского литературного языка (XI – XIX вв.). М., 1994.
133. Устюгова Л.М. Книжнославянизмы и соотносительные руссизмы в основных списках “Повести временных лет” // Древнерусский литературный язык в его отношении к старославянскому. М., 1987.
134. Устюгова Л.М., Шимко Е.В. Роль параллельных текстов при изучении исторической грамматики русского языка. 2003. // website: <http://nauka.dp.ua/>
135. Филин Ф.П. Истоки и судьбы русского литературного языка. М., 1981.
136. Филин Ф.П. Лексика русского литературного языка древнекиевской эпохи: по материалам летописей // УЗ ЛГПИ им. А. И. Герцена. Т. 80. Л., 1949.
137. Цейтлин Р.М. Лексика старославянского языка. М., 1977.
138. Цитата из Библии 5. 0., 2003 // website: <http://jesuschrist.ru/>
139. Чернышева Т.В. Мыслительное и языковое в аспекте методики комплексного стилистического анализа (на материале текстов массовой коммуникации) // Известия АлтГУ. Серия 4. Филология. №2. Барнаул, 2002.
140. Шахматов А.А. “Повести или Повесть временных лет...” // Рыбалка А. Исследование так называемой "подделки" в Повести Временных лет, 1999 // website: <http://www.fatus.chat.ru/>
141. Шахматов А.А. Ермолинская летопись и Ростовский владычий свод: [Начало] // Известия Императорской Академии наук по Отделению русского языка и словесности. Т. VIII. Кн. 4. СПб., 1903. // website: <http://feb-web.ru/>

142. Шахматов А.А. Летописи // Разыскания о русских летописях, М., 2001-б.
143. Шахматов А.А. Обзорение русских летописных сводов XIV – XVI вв. М., 1938.
144. Шахматов А.А. Повесть временных лет. Т. 1. Вводная часть, текст, примечания. Пг.,1916.
145. Шахматов А.А. Разыскания о древних летописных сводах // Разыскания о русских летописях. М., 2001-а.
146. Шахматов А.А. Русский язык, его особенности. Вопрос об образовании наречий. Очерк основных моментов развития литературного языка // Архив петербургской русистики. –в. // website: <http://www.ruthenia.ru/>
147. Шелепова Л.И. “Интериндивидуальный” лексикон языковой личности древнерусского писца (на материале рукописных книг Пролога) // Человек – коммуникация – текст. Вып. 1. Барнаул, 1997.
148. Шелепова Л.И. К методике изучения русской языковой личности в диахронии // Человек культуры: русский язык в современном мире. Бийск, 2001.
149. Шелепова Л.И. Лексические разночтения в Прологе (на материале списков XII – XVII вв.). Барнаул, 1992.
150. Шелепова Л.И. Лингвистическое источниковедение и история русского слова (к принципам лингвоисточниковедческого исследования). // Известия АГУ. Сер.Филология. № 2. Барнаул, 2000.
151. Шелепова Л.И. Лингвистическое источниковедение: к истории и методологии науки // Актуальные проблемы русистики: Материалы международной научной конференции. Вып. 2. Ч. 1. Томск, 2003.
152. Шелепова Л.И. Пролог как источник реконструкции лексикона языковой личности писца (на материале списков XIII – XVII вв.) // Материалы международного съезда русистов в Красноярске: В 2-х т. Т. 1. Красноярск, 1997.

153. Birnbaum D.J. A TEI-Compatible Edition of the Rus' Primary Chronicle. 1999. // website: <http://xml.coverpages.org/>
154. Ostrowski D. Rus' Primary Chronicle. -6 // website: <http://hudce7.harvard.edu/>
155. Ostrowski. D. The Povest' vremennykh let: An Interlinear Collation and Paradosis // Harvard Library of Early Ukrainian Literature. Texts. Vol. 10. 1. 2003. // website: <http://hudce7.harvard.edu/>
156. TextAnalyst 2.0., 1997 – 1999 // website: <http://www.analyst.ru/>
157. Timberlake A. Who Wrote Povest' vremennyx let Nester'a chernorizca Fedos'eva manastyr'a Pecherskago // website: <http://clover.slavic.pitt.edu/>
158. Word Tabulator v2.2.1., 1999 – 2002 // website: <http://www.rvb.ru/>
159. Zoltán A. Reviews // Russian Linguistics. №23, 1999. // website: <http://www.elibrary.ru/>

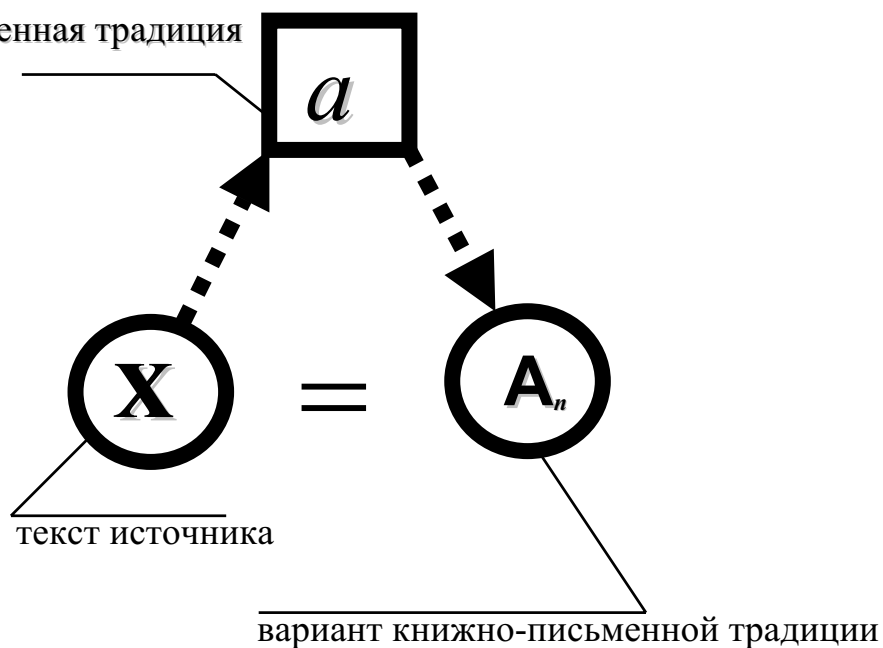
Приложение 1

1. 1. Схемы исследования языковой личности в лингводидактике, лингвокультурологии, исторической языковой личности.

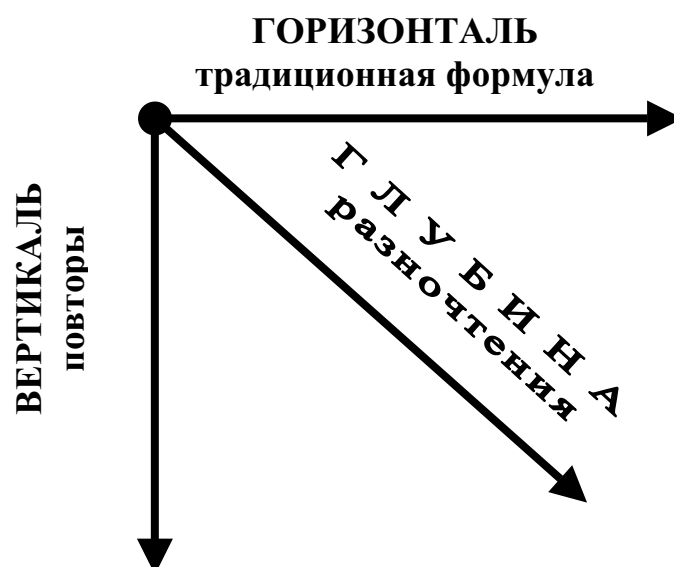

Историческая языковая личность

книжно-письменная традиция

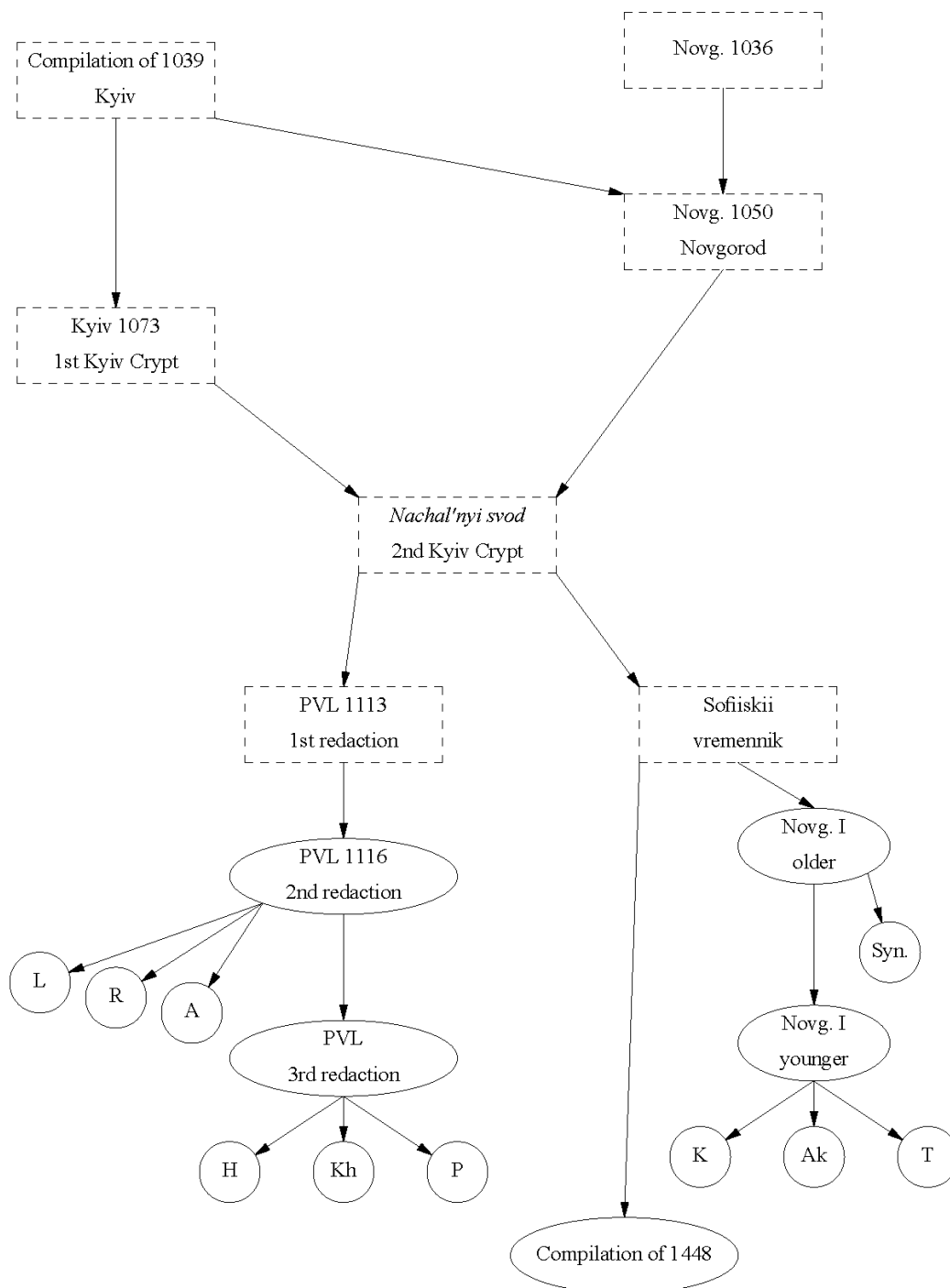

1. 2. Измерения смысловой организации летописного сообщения.

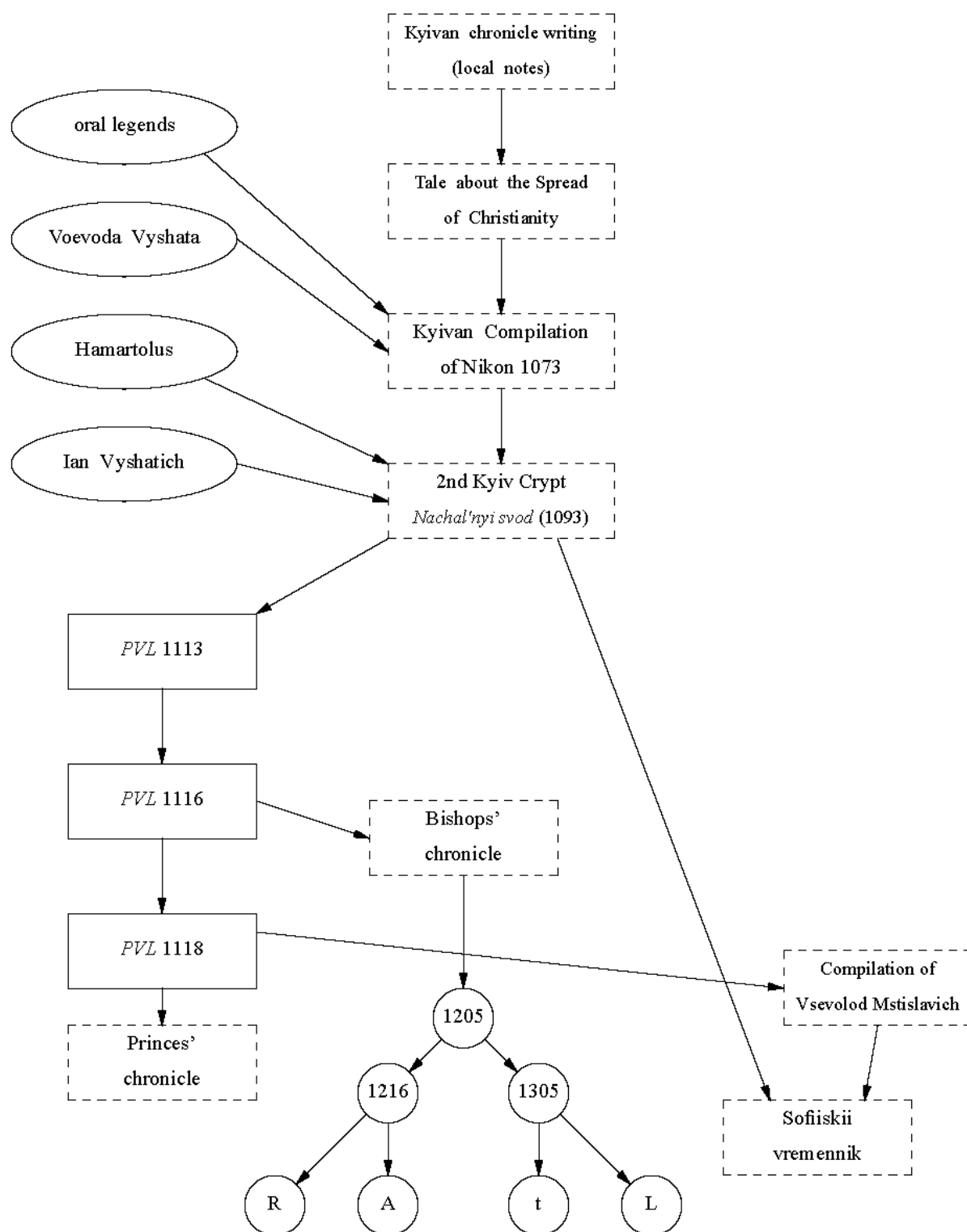

Приложение 2

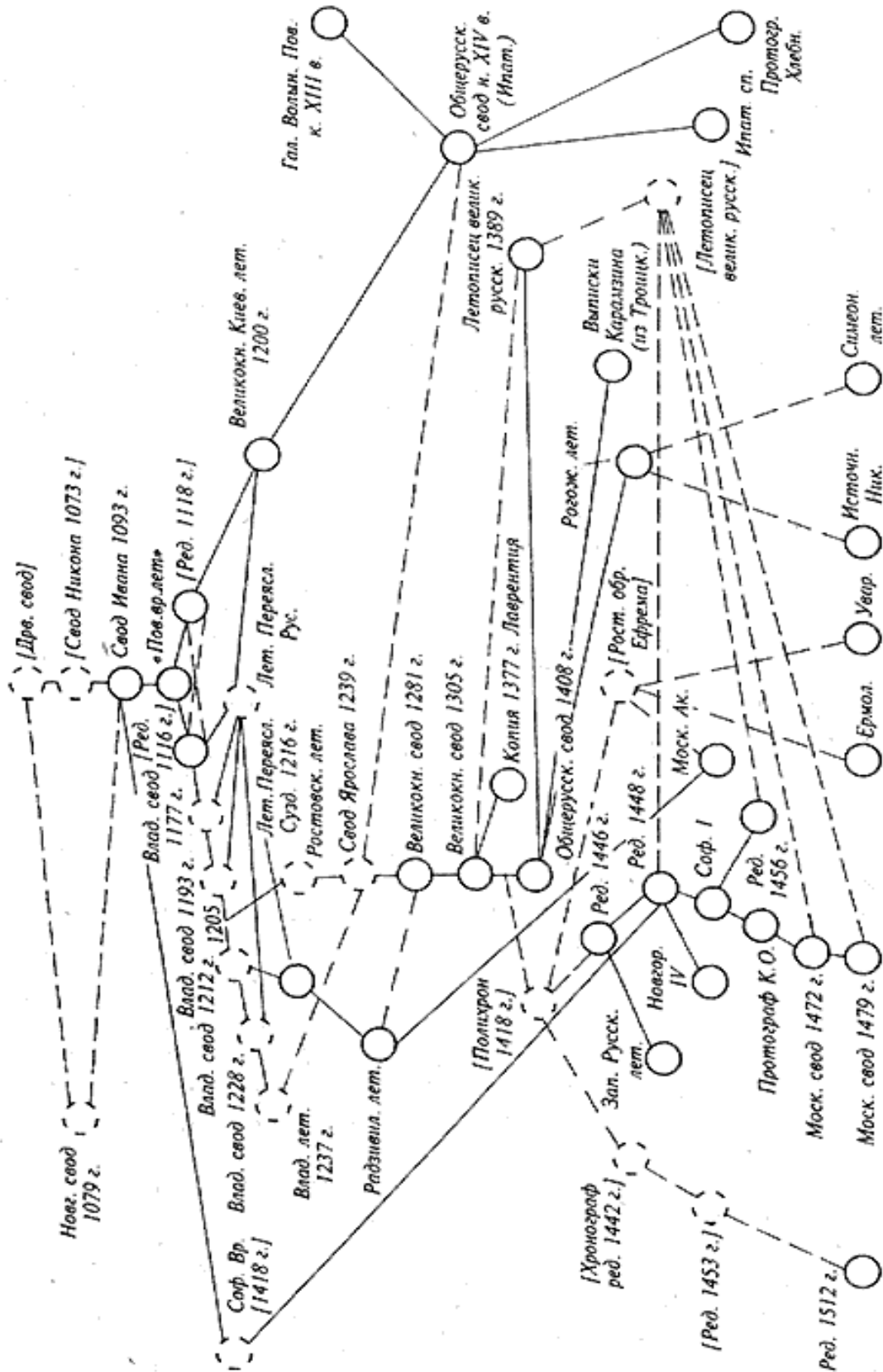
2. 1. Генеалогическая схема Начального летописания А. А. Шахматова
[Ostrowski 2003, p. XXXIII].

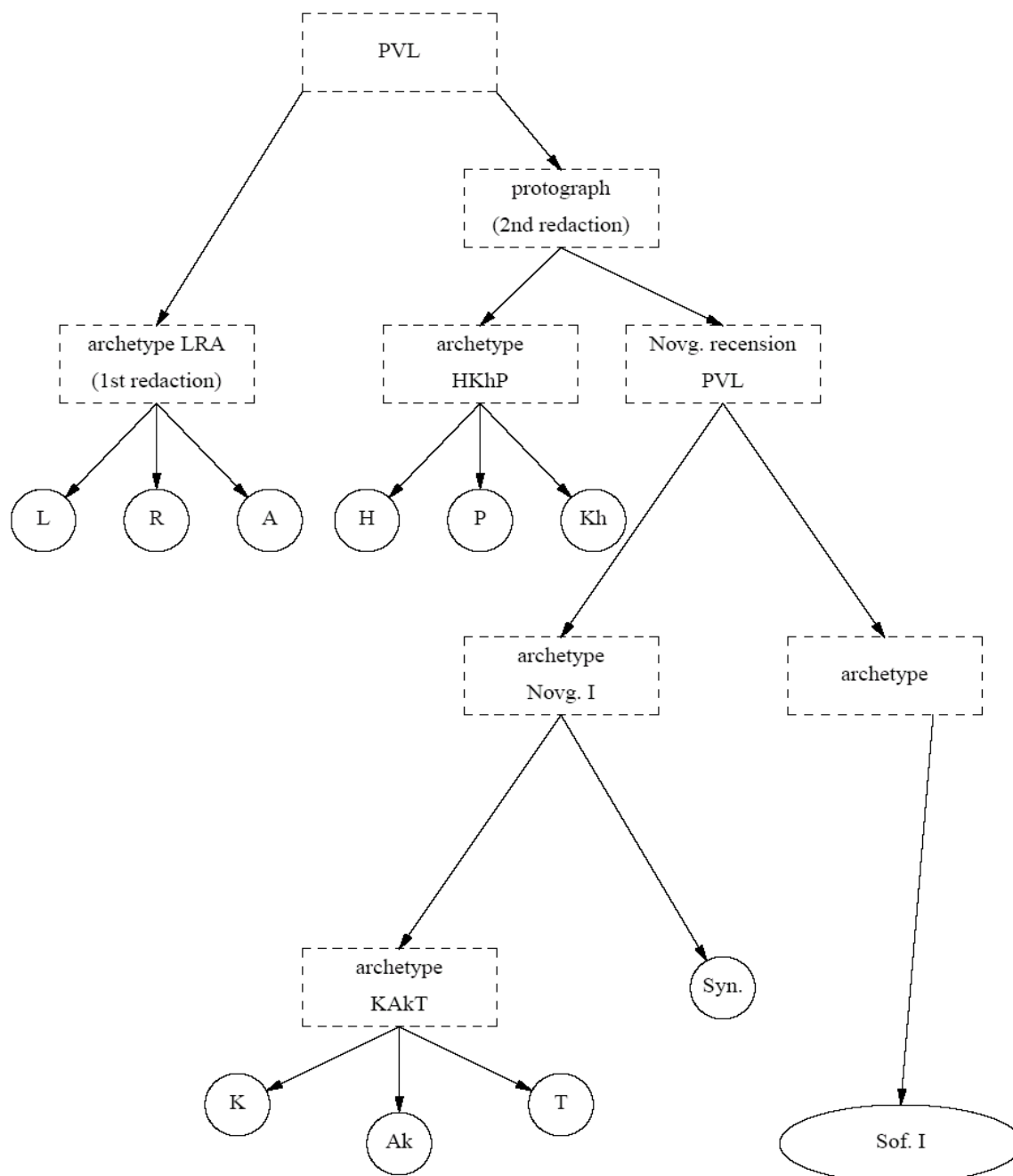
2. 2. Генеалогическая схема летописей-списков “Повести временных лет”
 Д. С. Лихачева [Ostrowski 2003, p. XXXVII].

2.3. Генеалогическая схема летописания XI – XV вв. Я. С. Лурье, обобщающая представления текстологической школы А. А. Шахматова и М. Д. Приселкова [Лурье 1990, с. 190].

2. 5. Генеалогическая схема летописей С. А. Бугославского [Ostrowski 2003, р. XXXVI].

2. 6. Генеалогическая схема летописей – “основных списков” “Повести временных лет” Д. Островского [Ostrowski 2003-a, p. 3].

